

ISSN 2500-039X

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Филология, педагогика,
психология

№ 3

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2023

Редакционная коллегия

И. Н. Симаева, д-р психол. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
С. С. Ваулина, д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
М. Н. Коннова, д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
О. В. Александрова, д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;
Н. Г. Бабенко, д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Л. В. Байбородова, д-р пед. наук, проф., ЯГПУ им. К. Д. Ушинского;
В. П. Бездухов, д-р пед. наук, чл.-кор. РАО, проф., СГСПУ;
Л. М. Бондарева, д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
А. О. Бударина, д-р пед. наук, доц., БФУ им. И. Канта;
И. В. Вачков, д-р психол. наук, проф., Московский государственный
 психолого-педагогический университет; *А. А. Горелов*, д-р пед. наук, проф., СПбУ МВД;
У. Гравитис, д-р пед. наук, проф., Латвийская академия спортивной педагогики;
Ю. В. Доманский, д-р филол. наук, проф., РГГУ; *С. П. Евсеев*, д-р пед. наук,
 проф., НГУ физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта;
В. И. Заботкина, д-р филол. наук, проф., РГГУ;
И. Ю. Иеронова, д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
А. В. Кузнецова, д-р филол. наук, проф., ЮФУ;
Л. В. Куликов, д-р психол. наук, проф., СПбГУ;
В. К. Пельменев, д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
А. М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф., САФУ им. М. В. Ломоносова;
А. А. Реан, д-р пед. наук, акад. РАО, МПГУ;
И. Д. Рудинский, д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
И. В. Реверчук, д-р мед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Н. В. Самсонова, д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
С. В. Свиридов, канд. филол. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
О. Р. Темиришина, д-р филол. наук, проф., Московский университет им. А. С. Грибоедова;
В. В. Хитрюк, д-р пед. наук, проф., Белорусский государственный
 педагогический университет им. М. Танка; *Н. С. Цветова*, д-р филол. наук, проф., СПбГУ;
Т. А. Шарыпина, д-р филол. наук, проф., НГУ им. Н. И. Лобачевского;
Ю. М. Шемчук, д-р филол. наук, проф., МГЛУ; *К. Г. Языков*, д-р мед. наук, проф.,
 Сибирский государственный медицинский университет

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
 информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-68537 от 31 января 2017 г.

Тираж 1000 экз.
 Дата выхода в свет 21.12.2023 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

<i>Косова М. В.</i> Инициатива как вид документа	5
<i>Королева И. А.</i> Микропонимия смоленско-белорусского приграничья (Руднянский район)	18
<i>Закурдаева Н. В.</i> Языковые индикаторы конфронтационной речевой стратегии дискредитации, используемой в повседневном супружеском дискурсе	26
<i>Булатая Е. В.</i> Особенности иронического нарратива Н. В. Гоголя	36
<i>Бабенко Н. Г.</i> Лингвопоэтика А. П. Чехова: ансамбль художественных деталей. Часть 1	48

Литературоведение

<i>Колесникова А. В., Бондарева Л. М.</i> Функции слов-реалий в романе С. Рушди «Дети полуночи»	57
<i>Мальцев Л. А., Гильманов В. Х., Копцев И. Д.</i> Книгоцентрическая картина мира в романах О. Токарчук «Путешествие людей Книги» и «Книги Якова»	68

Педагогика и психология

<i>Житиневич Д. Г.</i> Ключевые ориентиры образовательной политики в условиях построения новой модели высшего образования	79
<i>Кондратенко А. Б., Рудинский И. Д.</i> Взаимосвязь склонности обучающихся к манипулированию и результатов проектной деятельности при обучении в вузе	86
<i>Врачинская Т. В., Парахина О. В., Серых А. Б.</i> Новые реалии интеграции математического образования в вузе на педагогических направлениях подготовки в цифровую образовательную среду	96
<i>Симаева И. Н., Бударина А. О., Чуприс А. С.</i> Цифровизация высшего образования в условиях пандемии COVID-19 и в постпандемический период: методологические проблемы	104

CONTENTS

Linguistics

<i>Kosova M. V.</i> Initiative as a type of document	5
<i>Koroleva I. A.</i> Microtoponym of the Smolensk-Belarusian border region (Rudnyansky district)	18
<i>Zakurdaeva N. V.</i> Language indicators of confrontational speech strategies used in everyday marital discourse	26
<i>Bulataya E. V.</i> Peculiarities of Gogol's ironic narrative	36
<i>Babenko N. G.</i> Linguopoetics of A. P. Chekhov: ensemble of artistic details. Part 1	48

Literary studies

<i>Kolesnikova A. V., Bondareva L. M.</i> Functions of words-realities in S. Rushdie's novel "midnight's Children"	57
<i>Maltsev L. A., Gilmanov V. C., Koptsev I. D.</i> Book-centric picture of the world in O. Tokarchuk's novels "The Journey of the Book-People" and "The Books of Jacob"	68

Pedagogy and psychology

<i>Zhitinevich D. G.</i> Key guidelines of educational policy in the context of building a new model of higher education	79
<i>Kondratenko A. B., Rudinsky I. D.</i> The relationship between student's tendency to manipulation and the results of project activities in university education	86
<i>Vrachinskaya T. V., Parakhina O. V., Serykh A. B.</i> New integration practices of mathematics education into university digital educational environment for pre-service teacher training	96
<i>Simaeva I. N., Budarina A. O., Chupris A. S.</i> Digitalization of higher education in the context of the COVID-19 and the post-pandemic period: methodological problems	104

УДК 81'42(091)

М. В. Косова

ИНИЦИАТИВА КАК ВИД ДОКУМЕНТА

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

Поступила в редакцию 02.05.2023 г.

Принята к публикации 28.07.2023 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-1

5

Для цитирования: *Косова М. В. Инициатива как вид документа // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №3. С. 5–17. 10.5922/pikbfu-2023-3-1.*

Статья посвящена выявлению факторов, определяющих документоведческую специфику инициативы. Инициатива характеризуется как документ, направленный на привлечение адресата к решению социально значимого вопроса, убеждение в необходимости проводимых в обществе изменений. Анализ текста осуществлен с применением жанрового подхода и использованием методики параметризации с опорой на понятие «модель жанра», что позволяет дать его целостное описание, которое учитывает параметры, обусловленные как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Отмечены специфика модели анализа применительно к документальному тексту, разноректорный и многоплановый характер связей таких составляющих ее параметров, как «субъекты коммуникации» («адресант» и «адресат»), «функция», «информация», «модальность», «структура», «пространство», «время».

Выделены три уровня иерархии параметров, обуславливающие их значимость как жанрообразующих элементов. Установлено, что особенности параметров первого уровня иерархии – коллективность адресанта и двойственный характер адресата, единство функций инициативы по информированию и воздействию – определяют специфику параметров второго уровня – неоднородную модальность и нерегламентированную структуру текста; параметры третьего уровня – «пространство» и «время» – выражены отдельными реквизитами и не являются значимыми для данного вида документа.

Охарактеризованы средства речевой репрезентации основных жанрообразующих параметров – «субъекты коммуникации» («адресант» и «адресат»), «функция», «информация», «модальность», «структура».

Ключевые слова: документный текст, инициатива, модель речевого жанра, жанровые элементы, речевая организация текста

Введение

Развитие такого направления, как документная лингвистика, обуславливает актуальность исследований, нацеленных на описание свойств, функций и композиционно-речевой специфики документов, используемых в различных областях общественной деятельности.

В рамках этого направления проведен научный анализ документов сферы управления [8; 19; 22], права [21], науки [14], образования [1; 4; 5], медицины [15; 16], связей с общественностью [2] и др. В то же время происходящие в обществе политические, экономические и социальные преобразования приводят к изменению процесса их документирования, к появлению новых видов документов или актуализации и преобразованию уже существующих, что ставит перед исследователями новые задачи, направленные не только на познание подобных объектов, но и на поиск методов их анализа.

Так, до сих пор остаются недостаточно изученными документы, сопровождающие управленческую деятельность, ее планирование. Между тем они имеют большое организационное значение, способствуя «пониманию всеми участниками процесса стратегического управления логики реализуемых мер, их ресурсного сопровождения и собственного значения в общей деятельности» [11, с. 3]. В числе этих документов — *инициатива*. Определение статуса этого документа, его роли в процессе планирования как части управления, выявление жанровых особенностей инициативы позволит дополнить имеющиеся в лингвистике сведения о документном тексте, его свойствах, закономерностях организации и функционирования.

6

Материал и методы исследования

С целью охарактеризовать инициативу как вид документа обратимся к Национальной образовательной инициативе «Наша новая школа» (далее — НОИ), которая, предварительно получив широкое обсуждение в обществе и на уровне правительственных структур, была утверждена Президентом РФ 4 февраля 2010 г. и в последующем успешно реализована. НОИ «Наша новая школа» учитывалась при разработке программы поэтапных изменений в системе образования и новой редакции Закона Российской Федерации «Об образовании», то есть имела значение для долгосрочного планирования развития образования как одного из важных социальных институтов.

Наименование этого вида документа сохранило семантику общеупотребительного слова, зафиксированную в словарях: «1. Почин, побуждение к началу какого-либо дела; предприимчивость, способность к самостоятельным активным действиям; 2. Законодательная инициатива — право вносить проекты законов в законодательный орган» [17, с. 667]. В современном обществе кроме законодательной существуют и другие виды инициатив, среди которых общественная, или социальная, — «самостоятельно предпринимаемое субъектом из собственных побуждений социальное действие с целью эффективного решения сравнительно новым способом актуальной общественно значимой задачи» [23, с. 10]. Такая социальная активность, связанная с выдвиганием новых идей или форм деятельности, то есть инициатива, находит отражение в одноименном документе.

Термин *инициатива* имеет некоторую содержательную двуплановость, которая создает определенные коммуникативные сложности.

Во-первых, термин *инициатива* указывает на место этого документа в процессе документирования деловой деятельности.

В документоведении на основании этого признака документы делятся на *инициативные* — начинающие процесс документирования, занимающие первую позицию в ряду документов, отражающих разные этапы деловой коммуникации, и *ответные* — созданные по результатам рассмотрения инициативного документа.

Так, инициативными могут быть заявление, представление, докладная записка и другие виды документов. Указанные виды документов не всегда выполняют эту роль, необязательно находятся в начале процесса, они могут занимать и другое место в ряду документов.

Что касается инициативы, то это всегда именно «инициирующий» документ, и само название фиксирует его непременно начальную позицию в процессе документирования деловой деятельности.

Во-вторых, термин *инициатива* выражает назначение документа, его роль в деловой коммуникации.

Назначение документа, как правило, определяет его принадлежность к какой-либо системе документации, однако однозначно ответить на вопрос, к какой именно, — сложно.

Этот документ можно отнести к системе информационно-справочной документации, наряду, например, с разного рода обращениями граждан — заявлением, предложением, жалобой и др., так как он содержит направленное в вышестоящую инстанцию предложение (побуждение к действиям, просьбу) реализовать идею. Если инициатива не поддерживается, то ответным документом оформляется отказ, и деловая деятельность не получает продолжения. В противном случае документ включается как начальный элемент, хотя и достаточно самостоятельный, в систему документов, сопровождающих процесс планирования.

Существуют правила рассмотрения общественных инициатив, которые утверждены указом Президента РФ №183 от 04.03.2013. В соответствии с ними любой гражданин, достигший 18 лет, может направить инициативу, воспользовавшись порталом «Российская общественная инициатива». Рассмотрение инициативы представляет собой ряд последовательных действий, предполагающих создание документов: автор заполняет заявку, в которой указывает уровень возможной реализации инициативы, излагает проблему и вариант ее решения → инициатива поступает на предварительную экспертизу, где принимается решение (разместить заявку на портале, отказать в размещении или изменить уровень реализации инициативы) → о решении информируют автора инициативы → в случае положительного решения начинается голосование → рабочая группа проводит экспертизу о целесообразности разработки нормативного или правового акта → создается заключение по реализации → оформляются документы, сопровождающие реализацию.

Таким образом, возможные пути использования инициативы дают основание говорить об особой видовой принадлежности этого документа: его можно рассматривать и как информационно-справочный документ, и как особый элемент системы плановой документации.

Видовая принадлежность документа находит отражение в его речевой организации. Определить речевые особенности инициативы позволяет методика жанровой параметризации текста: анализу подвергается совокупность параметров, представляющая собой схему, или модель, речевого жанра. Такая методика, основанная на речеведческом подходе М.М. Бахтина, была предложена Т.В. Шмелевой [20], которая выделила семь конститутивных признаков жанра, охарактеризовала лексические и грамматические средства их языкового воплощения, дала на основе выделенных признаков классификацию типов речевых жанров.

Данная методика успешно используется для исследования жанровой специфики текстов различных сфер коммуникации, однако применительно к документному тексту, имеющему свою специфику, она получила уточнение. Анализ документных текстов с опорой на понятие модели предполагает характеристику совокупности значений, то есть конкретных реализаций, следующих параметров: «субъекты коммуникации (адресант, адресат)», «функция», «информация (характер передаваемой информации)», «структура», «модальность», «пространство», «время». Жанровые параметры взаимодействуют между собой, и это взаимодействие многовекторное и разноплановое. Связи параметров могут быть обязательными (сильными), как, например, связь параметров «субъекты коммуникации (адресант — адресат)» и «функция», «функция» и «информация», «функция» и «модальность», «пространство» и «время»; факультативными (слабыми), как, например, «структура» и «время», «функция» и «пространство», а также прямыми («функция» и «информация») и опосредованными («функция» — «информация» — «структура»).

Выделяются три уровня иерархии между параметрами, определяющие их значимость как жанрообразующих: 1) «субъекты коммуникации (адресант — адресат)» и «функция»; 2) «информация», «структура» и «модальность»; 3) «пространство» и «время» [7, с. 184]. Параметры первого уровня иерархии являются самыми важными, они определяют специфику параметров второго уровня; параметры третьего уровня выражены в отдельных реквизитах, расположенных вне основного текста документа, и практически не влияют на жанр текста. Анализ совокупности параметров, их связей, содержания и речевой репрезентации позволяет выявить видовую специфику документа.

С позиций такого подхода проводился анализ текста НОИ «Наша новая школа».

Жанрообразующие параметры первого уровня: «субъекты коммуникации (адресант — адресат)» и «функция»

Обращаясь к описанию названных параметров, отметим, что применительно к документному тексту можно говорить о *неоднородности* субъектов коммуникации, их *двойственном* характере.

Неоднородность адресанта заключается в том, что в создании документа принимают участие разные лица — и тот (нередко — те), кто подготовил документ, — назовем его (их) *прямым адресантом*, и тот, кто этот документ подписал и утвердил, то есть взял на себя ответственность за документ, — назовем его *косвенным адресантом*.

Что касается адресата, то *прямым* адресатом является лицо, уполномоченное принимать решение или непосредственный исполнитель; *косвенным* адресатом — лица, интересы которых представляет адресант.

Эта особенность субъектов деловой коммуникации уже отмечалась в научной литературе. Так, используя термин Т. Г. Винокур, Е. З. Киреева говорит о двойном адресате распорядительных документов, где «сквозь исполнителя — прямого адресата — “просвечивает” другой адресат — тот, ради которого и в интересах которого создается директива: граждане региона или их отдельные категории» [9, с. 169].

Анализ инициативы подтверждает эти положения и показывает неоднородность и двойственный характер субъектов коммуникации.

Так, *прямым адресантом* инициативы является профессиональное сообщество, которое выступило с предложением и подготовило документ, но которое, по сути, представляет интересы широкого круга субъектов — всех граждан страны. Широта адресанта выражена в тексте личным местоимением *мы*: *мы получим реальную отдачу; мы законодательно закрепим*; притяжательным местоимением множественного числа *наши*: *обеспечить достойную жизнь всем нашим гражданам*; именем собственным *Россия*, номинирующим страну: *путь, который позволит России стать конкурентным обществом*. Косвенным адресантом можно считать официальное лицо, имеющее полномочия, которое поддержало инициативу и утвердило соответствующий документ, — Д. А. Медведев, в то время Президент Российской Федерации; он обозначен в реузвите «гриф утверждения».

Адресат инициативы также неоднородный. *Прямым* адресатом является имплицитированный в тексте орган управления или вышестоящее официальное лицо, уполномоченное принимать решения; *косвенным* адресатом — граждане страны, и прежде всего те, кто имеет отношение к институту образования: учителя, учащиеся, работники смежных сфер — строительных, медицинских, досуговых и иных социальных организаций. Для обозначения такого адресата используются местоимения *все*: *во всех субъектах Российской Федерации*; *любой*: *в любой школе будет обеспечиваться...*; имя собственное *Россия*, номинирующее государство: *Россия будет продолжать участвовать*.

Параметр «субъекты коммуникации» связан с параметром «функция».

Как показывают проведенные ранее исследования, интенции адресанта обуславливают их воплощение в документе определенного вида, и практически любой документ выполняет несколько функций, то есть является полифункциональным объектом: можно говорить о наличии общих и специальных функций, об их динамике, о роли основной, доминирующей функции и др. [12]. Доминирующая функция документа реализует коммуникативную цель адресанта.

Инициатива представляет собой документ, цель которого состоит в привлечении адресата к решению социальной проблемы, убеждении в необходимости проводимых в обществе изменений. Инициативу можно определить как документ, содержащий предложение граждан, внесенное в установленном порядке, компетентным органам власти, имеющее большое социальное значение. С этого документа начинается рассмотрение определенного вопроса, он побуждает к организации процесса деловой деятельности, и это назначение инициативы позволяет рассматривать его в качестве особого элемента системы плановой документации.

Как и все документы, инициатива выполняет общие функции — коммуникативную, социокультурную, функцию исторического источника, при этом в качестве специальных и доминирующих можно назвать сразу две равнозначных для этого вида документа: *информирование* (адресант предлагает идею, проект, то есть информирует об этом) и *воздействие* (адресант стремится убедить адресата в необходимости реализации этой идеи, побудить к выполнению определенных действий).

Функции инициативы определяют особенности и средства реализации жанровых параметров второго уровня иерархии — характер информации, способ ее подачи, то есть модальную окраску текста, и структуру.

Жанрообразующие параметры второго уровня: «информация», «модальность», «структура»

Функция *информирования* связана с передачей *фактуальной* информации, то есть описанием событий, фактов, которые уже имели место в прошлом, происходят в настоящее время или произойдут в будущем.

Фактуальная информация всегда эксплицирована, выражена вербально, что предполагает использование специальных лексических номинаций, терминов, цифровых обозначений и др. В тексте инициативы представлены:

— наименования проектов: *Федеральная целевая программа развития образования; Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»;*

— цифровые обозначения: *при переходе из 9-го в 10-й классы; начнут использоваться с 2011 года;*

— номинации понятий предметного поля документа, которые можно объединить в несколько тематических групп:

- «система образования»: *образовательные учреждения; система педагогического образования; образовательная инфраструктура; физико-математические школы и интернаты; образовательные учреждения круглосуточного пребывания; малокомплектные школы; государственные и частные общеобразовательные учреждения; вузы; классические университеты; педагогические вузы; университеты; факультеты; профильные вузы; институты повышения квалификации; центры подготовки учителей;*

- «документы»: образовательный стандарт; программа; индивидуальные образовательные программы и др.
- «мероприятия, формы работы с учениками»: олимпиады, конкурсы; единый государственный экзамен;
- «должности»: директора школ; учителя; педагоги; управленческие кадры; – «номинации финансовых понятий»: норматив; подушевое финансирование; стимулирующие выплаты; фонд оплаты труда; зарплата.

Отметим, что передача фактуальной информации осуществляется с использованием средств официально-делового стиля — слов в прямых значениях; устойчивых сочетаний слов (*в результате объединения усилий...*; *распространять имеющийся опыт*; *механизмы подвоза учащихся* и др.); отглагольных существительных; предложений с однородными и обособленными членами, уточнением и т. п.

Каждый документный текст имеет темпоральную перспективу — направленность всего текста или его частей на реальное настоящее, прошлое или будущее. Так, темпоральная перспектива таких информационных документов, как акты и некоторые деловые письма, направлена из настоящего в прошлое; распорядительных документов, например приказов, решений, постановлений — из настоящего в будущее. При этом может быть обозначен какой-то момент в будущем как темпоральная граница действия документа.

В рассматриваемом документе фактуальная информация представляет события, которые произойдут в будущем, что создает характерную для плановых документов футуральность текста [3]. Для описания этих событий используются стилистически нейтральные единицы с семантикой «будущее» (*особенность школы будущего*; *в течение ближайших трех лет*); глаголы «планируется» (*мероприятия, которые планируется провести*); «предстоит» (*предстоит модернизировать систему педагогического образования*); вспомогательный глагол «быть» в будущем времени (*такая практика будет расширяться*); личные формы глагола будущего времени (*изменится роль директора*; *мы введем мониторинг*). Так как инициатива на этапе ее создания еще не является элементом системы плановой документации, ее темпоральная перспектива не имеет четких границ.

Функция *воздействия* связана с передачей *концептуальной* информации, когда адресант сообщает адресату свое понимание явлений, событий. Концептуальную информацию наряду с фактуальной содержат, например, доктрина, концепция, стратегия развития, программа и др. — в них излагается направление развития, способ организации какого-то социального института или объекта и пр. К числу таких документов относится также инициатива.

Концептуальную информацию передают прежде всего единицы с оценочным компонентом значения. В тексте НОИ «Наша новая школа» используются слова разных частей речи, выражающие положительную оценку, и это не столько эмоциональная, сколько рациональная оценка. Так, отмечены единицы, имеющие семантику «новизна, современность, положительное качество объекта» (объектами являются школа, ученики, учителя):

– прилагательные (*новая школа – это новые учителя, открытые ко всему новому; высокотехнологичное оборудование, воспитание порядочного и патриотичного человека, личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире; стать самостоятельными, творческими и уверенными в себе людьми; чуткие, внимательные и восприимчивые к интересам школьников, открытые ко всему новому учителя и др.*);

– отвлеченные существительные (*инициативность, способность творчески мыслить, готовность обучаться*);

– особые формы глагола – причастия (*понимающие детскую психологию и особенности развития школьников, хорошо знающие свой предмет*); инфинитива как части составного сказуемого (*чтобы выпускники могли самостоятельно ставить и достигать серьезных целей, умело реагировать на разные жизненные ситуации; могли принимать решения и помогать друг другу, формулировать интересы и осознавать возможности; научиться изобретать, понимать и осваивать новое, выражать собственные мысли*).

Интенции адресанта, особенности адресата и функции определяют **модальность** текста документа [6; 10; 13].

Традиционно принято считать, что адресант в документном тексте выражен слабо и даже нивелирован. Но нам представляется, что он не отстранен от текста, а присутствует в нем, выражая в тексте свою гражданскую позицию, профессиональный взгляд, собственное отношение к событиям. Такая коммуникативная позиция адресанта, его взаимоотношения с адресатом определяют характеристики модальности текста.

Анализ инициативы выявил неоднородность модальной окраски ее текста. Если функция информирования обуславливает нейтральную модальность значительного текстового пространства документа, то функция воздействия объясняет использование императивно окрашенных элементов языка. Инициатива побуждает к планированию, которое является начальным этапом процесса управления и предполагает организацию действий его участников. В тексте «Инициативы» представлен целый спектр модальных значений – возможности: (*это возможно лишь в результате объединения усилий учителей разных предметов*); целесообразности (*целесообразно также развитие концессионных механизмов для привлечения к управлению школами частных инвесторов*); необходимости (*необходимо развивать творческую среду; требуется развивать систему олимпиад; следует развивать систему поддержки сформировавшихся талантливых детей*); долженствования (*школы должны быть обеспечены...; нужно предоставить возможность обучения...*); запрета (*нельзя допускать проведение занятий в аварийных... помещениях; не должно быть никаких бюрократических препятствий*). Это не «распорядительная модальность», которая свойственна организационно-распорядительным управленческим документам, а модальность плановой документации, направленная на обоснование предлагаемого проекта, описание возможных путей решения вопроса, условий, при которых проект может быть реализован.

Функции информирования и воздействия, которые выполняет инициатива, обуславливают не только передачу двух видов информации – фактуальной и концептуальной, но и **структуру** текста.

Любой документ имеет типовую структуру, то есть определенный набор реквизитов, расположение которых составляет его формуляр. Взаимосвязь реквизитов обеспечивает целостность документа, его видовую идентичность. Структуру должен иметь и основной реквизит документа — его текст, части которого принято выделять, используя различные способы и графические средства. Это важно для поиска информации и, следовательно, для эффективной деловой коммуникации.

Структура текста поддерживается его связностью и целостностью.

Связность имеет особую значимость для документного текста. Она предполагает наличие единиц, которые выражают логико-смысловые отношения составляющих текст фрагментов, их обязательную эксплицированность. В документных текстах используется значительный спектр средств реализации связности, среди них не только вербальные — лексические повторы (полные, частичные, синонимические, антонимические), дейктические слова, союзы, деепричастные обороты и др., но и паравербальные — графическое обозначение пунктов, подпунктов, частей, статей, параграфов, глав и др. Безусловно, документы разных видов могут иметь разный характер связности, но в любом случае это качество данным текстам присуще больше, чем недокументным. Целостность документа обеспечивается набором реквизитов, составляющих формуляр, а также тематическим и грамматическим единством составляющих частей текста. Связность и целостность гарантируют строгость структуры документа.

Реквизитами НОИ «Наша новая школа» являются гриф утверждения, дата утверждения документа, регистрационный номер, наименование вида документа, текст документа.

Что касается реквизита «текст документа», то следует отметить отсутствие у него строгой структуры. Графически текст не делится на части, однако содержание текста позволяет их выделить и дать этим логическим частям условные обозначения: вводная часть, основная часть, заключительная часть.

«Вводная часть» кратко формулирует важную задачу современной школы.

«Основная часть» имеет два подраздела. Первый начинается вопросительным предложением *«Какими характеристиками должна обладать школа в 21-м веке?»*, что не свойственно для документа, а является, скорее, чертой текста публицистического; далее идет перечень характеристик, выраженных однотипными синтаксическими конструкциями:

Главные задачи современной школы — раскрытие способностей каждого ученика.

Новая школа — это институт, соответствующий целям опережающего развития.

Новая школа — это школа для всех.

Новая школа — это новые учителя, открытые ко всему новому, и т. п.

Однотипность предложений создает своеобразную ритмику текста, что служит дополнительным средством реализации функции воздействия.

Второй подраздел имеет традиционный по форме и свойственный документам заголовок *Основные направления развития общего образования*, после которого следует пронумерованный перечень этих направлений и раскрывается их содержание:

1. Переход на новые образовательные стандарты.
2. Развитие системы поддержки талантливых детей.
3. Изменение школьной инфраструктуры.
4. Совершенствование учительского корпуса.
5. Сохранение и укрепление здоровья школьников.
6. Расширение самостоятельности школ.

«Заключительная часть» текста документа представляет собой обобщающую фразу публицистического характера, также направленную на реализацию функцию воздействия: *От того, как будет устроена школьная действительность, какой будет система отношений школы и общества, насколько интеллектуальным и современным мы сможем сделать общее образование, зависит благосостояние наших детей, внуков, всех будущих поколений. Именно поэтому инициатива «Наша новая школа» должна стать делом всего нашего общества.*

Как показывает анализ, структура текста инициативы не является строгой: рубрикация текста не унифицирована, содержательные части графически не маркированы.

Совокупность рассмотренных жанровых параметров инициативы позволяет установить ее документный статус.

Мы исходим из положения о том, что в современной деловой деятельности используются разные *документные средства* — текстовые объекты, различающиеся особенностями реализации их основных свойств (свойств как документа). Учитываются следующие свойства в их совокупности: принадлежность к определенной системе документов; доминирующая функция; характер передаваемой информации; регламентированность структуры; соответствие нормам официально-делового стиля. Текстовые объекты могут иметь разную степень «документности» [2]:

— *высокую* — основные свойства документа проявляются в полной мере (речевой объект принадлежит определенной системе документации; выполняет в качестве доминирующей, как правило, регулятивную или информативную функцию; передает фактуальную информацию; имеет строго регламентированную структуру; текст оформлен в соответствии с нормами официально-делового стиля);

— *среднюю* — основные свойства документа реализуются не в полной мере, обнаруживаются гибридные черты, присущие документам разной видовой отнесенности (речевой объект не имеет четкой принадлежности к определенной системе документов; выполняет в качестве доминирующей информативную функцию или наряду с информативной достаточно ярко проявляется и функция воздействия; передает концептуальную информацию; структура не является строго регламентированной; текст имеет преимущественно черты официально-делового стиля, допуская при этом элементы публицистического стиля — оценочные или экспрессивные единицы);

— *слабую* — основные свойства документа проявляются косвенно, опосредованно (речевой объект не принадлежит какой-либо системе документов, но основывается на них, являясь результатом их аналитико-синтетической обработки; выполняет в качестве доминирующей имиджевую функцию; передает концептуальную и PR-информацию; структура не является регламентированной, роль реквизитов выполняют устойчивые речевые фрагменты; текст характеризуется стилевой неоднородностью: наряду с элементами официально-делового стиля, составляющими его основу, используются оценочные и экспрессивные элементы, характерные для публицистического стиля); это текст документной периферии, с переменными и переходными угасающими документными качествами.

Выявленные с помощью методики жанровой параметризации свойства инициативы — неоднородность и двойственность субъектов коммуникации, связанность основных равнозначных функций — информирования и воздействия, представленность в тексте фактуальной и концептуальной информации, нестрогость структуры и, наряду с официальностью, некоторая публицистичность текста — дают основания говорить о средней степени документности инициативы.

Заключение

Проведенное исследование показало, что инициатива представляет собой документ, содержащий внесенное в установленном порядке предложение граждан компетентным органам власти, которое имеет большое социальное значение. Инициатива служит началом рассмотрения актуального для социума вопроса, побуждает к планированию, является «проектом будущего плана», и это назначение инициативы, в случае ее поддержки, позволяет рассматривать ее как особый документ, имеющий отношение к системе плановой документации.

Выявленная специфика инициативы, обусловленная совокупностью лингвистических и экстралингвистических факторов, составляет принципиальную новизну этого документа, его особый статус в системе разнородных документных средств.

Полученные сведения расширяют общее представление об информационном и языковом процессах, находящихся отражение в документном тексте, и могут способствовать оптимизации процесса управления в различных социальных сферах. Дальнейшее изучение документов данного вида, используемых в разных сферах социальной коммуникации, их сопоставительный анализ позволят выявить универсальные и специфические свойства, закономерности функционирования, получить более глубокое представление об инициативе как документе, который играет важную роль в системе современного государственного управления.

Источники

Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа»: утв. Президентом РФ 4 февраля 2010 г. №Пр-271. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902210953> (дата обращения: 02.05.2023).

Список литературы

1. Белоконева К. А. Стратификация документов сферы государственного управления образованием : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012.
2. Булаева Е. С. Документные средства сферы связей с общественностью: типология, свойства, стилевая организация : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015.
3. Быстрова А. С. К проблеме футуральности документного текста // Материалы Научной сессии, г. Волгоград, 23–27 апр. 2018 г. : в 2 т. Волгоград, 2018. Т. 1. С. 437–442.
4. Быстрова А. С. Речевая организация текста плановых документов сферы образования и культуры : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2019.
5. Быстрова А. С., Косова М. В. Функциональная детерминированность речевой организации документного текста // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2018. №2. С. 12–19.
6. Ваулина С. С., Кукса И. Ю. Модальность предложения – модальность текста: актуальные аспекты изучения // Модальность как семантическая универсалия : сб. науч. тр. Калининград, 2010. С. 25–34.
7. Горбань О. А., Ильинова Е. Ю., Косова М. В., Шептухина Е. М. Жанровые особенности войсковых грамот середины XVIII в. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, №4 (157). С. 182–199. doi: 10.15826/izv2.2016.18.4.074.
8. Киреева Е. З. Язык регионального законодательства. Интенции субъекта документной речи. Тула, 2016.
9. Киреева Е. З. Представления автора официального документа об адресате (на материале регионального законодательства) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. №3. С. 168–173.
10. Киреева Е. З. Жанр как актуализатор текстовой модальности (на материале документов регионального законодательства) // Жанры речи. 2018. №1(17). С. 25–38.
11. Клименко А. В. и др. О гармонизации документов государственного стратегического планирования. М., 2015.
12. Косова М. В. Метод документоведческого анализа в лингвистических исследованиях: содержание и цели // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2016. №1 (30). С. 7–17.
13. Косова М. В. Субъективность как компонент модальности документного текста // Категория модальности в речевой коммуникации : сб. науч. тр. Калининград, 2016. С. 162–168.
14. Краснова О. Н. Композиционно-речевая организация научного документа (на материале авторефератов диссертаций) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.
15. Ромашова О. В. Жанрово-стилевая специфика медицинского документа (на материале медицинской карты стационарного больного // Мир науки, культуры, образования. Раздел «Филология». 2014. №5 (48). С. 127–130.
16. Романова Н. А., Ромашова В. Термины «клинические рекомендации» «клиническое руководство», «протокол диагностики и лечения»: сравнительный анализ дефиниций // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2021. №2. С. 41–52.
17. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Институт русского языка. 3-е изд., стереотип. М., 1985–1988.
18. Харин Ю. А., Богданова Т. П., Каптюгова Э. М. и др. Диалектика социальной инициативы. Минск, 1986.

19. Ширинкина М. А. Дискурс исполнительной власти: теоретические основы Пермь, 2022.
20. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. №1. С. 88–98.
21. Язык права: доктрина, практика. Тенденции развития. М., 2021.
22. Янковая В. Ф. Деловой стиль (о специфике языка управленческих документов) // Секретарское дело. 2001. №4 (25). С. 17–22.
23. Харин Ю. А., Богданова Т. П., Каптюгова Э. М. и др. Диалектика социальной инициативы. Минск, 1986.

Об авторе

Марина Владимировна Косова — д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный университет, Россия.

E-mail: mv_kosova@volsu.ru, iryas@volsu.ru

17

M. V. Kosova

INITIATIVE AS A TYPE OF DOCUMENT

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Received 02 May 2023

Accepted 28 July 2023

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-1

To cite this article: Kosova M. V. 2023, Initiative as a type of document, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №3. P. 5–17. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-1.

The article is dedicated to identifying factors that determine the documental specificity of an initiative. An initiative is characterized as a document aimed at engaging the addressee in solving a socially significant issue and convincing them of the necessity of societal changes.

The analysis of the text is conducted using a genre-based approach and the parameterization methodology based on the concept of a "genre model," allowing for a comprehensive description that takes into account parameters determined by both linguistic and extralinguistic factors. The specificity of the analysis model concerning documental text is noted, along with the multivector and multilevel nature of relationships among its parameters, such as "communication subjects" ("sender" and "receiver"), "function," "information," "modality," "structure," "space," and "time."

Three levels of hierarchy of parameters are distinguished, determining their significance as genre-forming elements. It is established that the features of first-level parameters, such as the collectivity of the sender and the dual nature of the receiver, the unity of initiative functions in informing and influencing, determine the specificity of second-level parameters – the heterogeneous modality and unregulated structure of the text; third-level parameters – "space" and "time" – are expressed by individual attributes and are not significant for this type of document.

The means of speech representation of the main genre-forming parameters, such as "communication subjects" ("sender" and "receiver"), "function," "information," "modality," and "structure," are characterized.

Keywords: documentary text, initiative, speech genre model, genre elements, speech text organization

The author

Dr Marina V. Kosova, Volgograd State University.

E-mail: mv_kosova@volsu.ru, iryas@volsu.ru

И. А. Королева

**МИКРОТОПОНИМИЯ
СМОЛЕНСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ
(РУДНЯНСКИЙ РАЙОН)**

Смоленский государственный университет, Россия

Поступила в редакцию 18.02.2023 г.

Принята к публикации 25.07.2023 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-2

18

Для цитирования: *Королева И. А.* Микропонимия смоленско-белорусского приграничья (Руднянский район) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №3. С. 18 – 25. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-2.

На материале микропонимов и неофициальных топонимов Руднянского района Смоленской области рассмотрены особенности топонимии смоленско-белорусского приграничья. Материал, полученный в результате опроса жителей района, проанализирован в различных аспектах по выбранным классификациям (по объектам номинации, лексико-семантическим классам, структурным и словообразовательным типам). Отдельно выделены названия с диалектными основаниями. Сделан акцент на роли неофициальных наименований географических объектов в речи жителей региона. Выявлены общерусские черты и специфические особенности приграничной топонимии.

Ключевые слова: микропоним, неофициальный топоним, классификация, смоленско-белорусское приграничье, Руднянский район

Приграничные территории постоянно привлекают внимание исследователей самых разных областей знания — историков, культурологов, экономистов, географов, этнографов и, конечно же, лингвистов. Особый интерес приграничные зоны вызывают у лингвокультурологов, ибо тесное взаимодействие языков и культур отражает особенности менталитета жителей приграничья, позволяет выявить национально-специфические черты речевого портрета тех индивидуумов, которые в своей речи как бы совмещают сопредельные языковые особенности. Приграничные русско-белорусские территории фактически едины исторически и генетически: близкие по происхождению русский и белорусский языки, общие корни многих проживающих, длительное вхождение приграничных земель в состав общих государств (Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи) — все свидетельствует о формировании особой приграничной социокультурной общности. Естественно, и язык на территории приграничья отражает особенности и русского, и белорусского языков, а также (особенно в сельской местности) их говоров [6; 8].

Целью настоящего исследования является сбор и анализ микротопонимического и неофициально-топонимического материала одного из приграничных районов Смоленской области — Руднянского, который лишь в 1919 г. окончательно вошел в состав Смоленщины и стал русской территорией. Граничит он с Лёзненским районом Витебской области Республики Беларусь, вместе с которым до указанного времени входил в состав Витебской губернии [7, с. 392—393]. Одним из показательных аспектов лингвокультурологической специфики приграничной территории является ее микротопонимия и неофициальная топонимия. Роль микротопонимов и неофициальных наименований в речи жителей многозначна. Во-первых, они необходимы для ориентации на местности, причем и в селе, и в городе, где далеко не достаточно официальных названий. Во-вторых, мелкие объекты номинируются для более точного обозначения при некоторых работах (строительных, дорожных, перевозке товаров внутри населенных пунктов и вне их и пр.). В-третьих, такие названия играют большую роль при проведении спортивных соревнований и сборов на местности — различных слетов, молодежных игр и т.д., так как позволяют более детально разрабатывать маршруты, дополняют имеющиеся на картах ориентиры. Наконец, многие микротопонимы и неофициальные топонимы, составляющие часть речевого пространства, зачастую более образны и креативны, чем официальные, что позволяет хорошо запоминать их и облегчать коммуникацию.

Неофициальные географические названия служат хорошим средством стимулирования жителей изучать прошлое и настоящее своего края, то есть выступают как сфера патриотического воспитания. «Народные» топонимы содержат самую разноплановую информацию: географическую, историческую, культурологическую, социальную и, конечно же, языковую.

Различаются два вида топонимов: микротопонимы — это названия мелких географических объектов, не засвидетельствованных на картах, а отраженных только в речи жителей соответствующей местности. Обычно это названия небольших водных объектов, строений, лесных и сельскохозяйственных угодий, дорожек и тропинок, строений, названия особенностей местности (горки, холмы, впадины, овраги и пр.) и т.п. Неофициальные же топонимы имеют параллельно узаконенные названия, но по разным причинам заменяют их в речи местных жителей. Это названия улиц, дорог, магазинов и пр. О разграничении микротопонимов и неофициальных топонимов мы писали ранее, используя материал города Рославля Смоленской области [4]. Однако эти два вида названий не всегда различают в научной литературе. Так, в 2014 г. вышел в свет «Словарь неофициальных топонимов города Смоленска», в котором составители собрали и те, и другие названия без их дифференциации [1]. Общность функций действительно позволяет объединять эти два вида топонимов в один разряд — неофициальную топонимию.

А вот в словаре микротопонимов Воронежской области представлены именно микротопонимы как таковые; автор словаря, известный российский ономаст Г.Ф. Ковалев, в аннотации справедливо называет со-

бренный материал «драгоценным сводом народных названий». В предисловии он также отмечает значимость сбора и описания этого материала, связывая ее с неустойчивостью микропонимов. Многие названия, созданные и бытовавшие несколько десятилетий назад, исчезают вместе с поколением их носителей [3, с. 6, 7].

Естественно, система микропонимов и неофициальных топонимов динамична во времени. Есть устойчивые и долго живущие названия, которые ярко раскрывают специфику региона и менталитет его жителей. Есть и быстро сменяемые, которые не «прижились». Как правило, это наименования не очень значимых объектов (например, каких-либо тупиков, ложбинок или водоемов). Однако востребованные для ориентирования в географическом пространстве объекты имеют устойчивую неофициальную номинацию.

Безусловно, анализ любого собранного материала предполагает его классифицирование, и его можно проводить с опорой на различные признаки. Так, обычно используется лексико-семантическая классификация, которая характеризует особенности номинации, опираясь на значения основ и их происхождение.

Учитывая ряд существующих классификаций подобного рода [2; 3; 6], мы предлагаем следующую:

1. Топонимы, в основах которых отражены особенности окружающего мира:

- а) особенности ландшафта,
- б) специфика почв,
- в) флора,
- г) фауна.

2. Названия, основы которых отражают особенности самого объекта номинирования (размер, цвет, форма и пр.).

3. Топонимы, образованные от антропонимов.

4. Топонимы, образованные от других топонимов.

5. Названия с утраченной мотивацией.

Типичны классификации по объекту номинации:

1. Названия элементов рельефа.

2. Названия водных объектов.

3. Названия, связанные с лесными массивами.

4. Названия частей сельскохозяйственных угодий.

5. Названия внутригородских и внутрисельских объектов.

В этих больших группах возможно для детальной классификации выделение более мелких групп.

Несомненно, интересны классификации по структуре топонимов и способу их словообразования. Здесь же рассматривается и частеречная принадлежность топонимов.

Материал для статьи получен путем опроса жителей города Рудни. Всего опрошено 12 коренных жителей разных возрастов: школьники, работающие, пенсионеры. Подобным образом мы уже собирали материал в поселке Шумячи Смоленской области, который является приграничным с Могилевской областью Республики Беларусь. Результаты

анализа опубликованы; в статье [5] мы частично апробировали классификации. В перспективе — обследование еще 5 приграничных с РБ районов Смоленщины.

Собранный материал мы рассмотрим по разным классификациям. Отдельно выделим названия с диалектными основами, ярко характеризующими приграничную территорию Руднянского района:

Журавинки — болотистая местность недалеко от Рудни, на которой жители обычно собирают неплохой урожай клюквы. Журавиха — «клюква» (бел.).

Бель — болото с белым мхом (серебристая поверхность), которое опасно для перехода. Бель — «белый мох» (бел.).

Цукерня — кондитерская в Рудне, где продают вкусные белорусские конфеты и шоколад. Цукерка — «конфета» (бел.).

Цыгельня — старый заброшенный кирпичный завод на окраине города. Цыгель — кирпич (бел. из нем.).

Буселова поляна — место, где часто видят аистов. Бусел — «аист» (бел.).

Сябры, «У сябров» — кафе, хозяева которого — белорусы.

Бартыхалка — небольшая заводь в реке Малой Березине, где обычно купаются маленькие дети. Бартыхаться — «прыгать, кувыркаться, барахтаться» (бел.).

Амшары — труднопроходимое болото возле Рудни: место опасное, туда не следует ходить даже за ягодами. Амшара — «болото» (бел.).

Буцык — старый сапожник в обувной мастерской Рудни, который недорого берет и делает качественный ремонт обуви. Буцы — «деревянная самодельная обувь (устар. бел.).

Голяк — безлесный пятачок у развилки дорог, место ожидания автобуса на Смоленск. Голяк — «веник без листьев» (бел.).

Обратимся к анализу собранного материала.

По объектам номинации представлены следующие группы топонимов:

1. Названия элементов рельефа. Отметим, что Рудня расположена на Витебской возвышенности и имеет неровный рельеф.

Желтый холм — песчаная возвышенность около старого кирпичного завода.

Змеиный овраг — овраг возле речки Малой Березины, где водятся змеи.

Большая горка — место в центральном парке, где дети любят зимой кататься на санках и ледянках.

2. Названия водных объектов:

Сажалка — искусственный водоем, выкопан местными жителями.

Холодный ключ — небольшой подземный ключ на окраине Рудни, где жители берут чистую ключевую воду.

Торфяники — цепочка небольших болот вокруг города.

Черная грязь — болото недалеко от деревни Тимошонки с водой черного цвета из-за торфяного дна.

3. Названия лесов, их частей и лесных угодий:

Ольховки — лес недалеко от деревни Тимошонки. В 1930—1950-е гг. была деревня Ольховка, во время войны ее сожгли, но место до сих пор так и называют. Помимо того, там растет много ольхи.

Куплёнки — небольшой лесок, разделяющий две деревни — Тимошонки и Лоськи. До революции принадлежал одному барину и был кем-то выкуплен.

Черная осина — место в западной части Тимошонок. Там росла большая черная осина, которой было много лет. Однажды во время грозы в дерево ударила молния и расколола его на две части. Несмотря на это, оно продолжило расти. Местные жители ходили туда за грибами и часто говорили: «Грибов под осиною черной набрал», имея в виду лес, где находилось это дерево.

Солнечная поляна — полянка в лесу, где на солнцепеке бывает много земляники.

4. Названия внутригородских и внутрисельских объектов:

Белорусы — одна из стоматологических клиник города, владельцем которой является мужчина из Беларуси.

Луна — торговый центр «Славяночка», ранее назывался «Луна». Несколько раз был переименован, но местные жители используют первоначальное название.

Визит — «мясной» магазин. Ранее на его месте располагался круглосуточный продуктовый магазин, носивший название «Визит».

Керосинка — в настоящее время продуктовый ларек. В 1970-е гг. продавали керосин. В 1990-х был винно-водочный магазин, в котором продукция продавалась по талонам.

Питомник — детский экологический центр в микрорайоне города «Сельхозтехника». Получил свое название из-за располагавшегося там ранее плодпитомника.

Среди объектов номинации ожидаемо больше всего названий водных объектов (в Руднянском районе много мелких водоемов и болотистая местность) и названий внутригородских и внутрисельских объектов (особенно магазинов и кафе — эти места наиболее посещаемы жителями).

По лексико-семантической классификации выделены следующие группы:

1. Названия, отражающие особенности окружающего мира:

Возвышонка — дома частного сектора, расположенные на возвышенном месте города.

Кресты — перекресток четырех дорог, имеющий четкий абрис креста.

Песчаники — песчаные карьеры на месте старого кирпичного завода.

Волчье место — сухой лог, в котором охотники нашли недавно волчью нору.

Заячья тропа — заброшенная дорога в окрестностях деревни Шеровичи, где регулярно охотники видят пробегающих зайцев.

Ольшаники — заросли ольхи на окраине Рудни, грибное место. Ольха — одно из частных деревьев в Руднянском районе.

2. Названия, отражающие особенности объекта:

Пятак — танцевальная площадка в городском парке. Имеет округлую форму.

Горбатый — мост, соединяющий главную улицу с городским парком. Имеет треугольную форму, из-за чего и получил свое название.

Химия — заправка на окружной дороге, расположенная недалеко от территории бывшего завода по производству удобрений.

Кирпичка — место в южной части города. Ранее располагался кирпичный завод, в настоящее время место представляет собой пустырь с развалинами.

3. Названия, производные от антропонимов:

Фрыля — пункт приема металлолома. Называют так из-за фамилии владельца — Фроленков.

У Цыганковой — магазин товаров для рукоделия «1000 мелочей». Называют по фамилии его владелицы Цыганковой Елены Сергеевны.

Поливкин мост — небольшой мост в микрорайоне города Сельхозтехника, назван фамилией жителя, чей дом стоял возле этого моста. (Вторая версия — назван фамилией жителя, погибшего на этом мосту.)

Ганкина гора — небольшая гора в деревне Тимошонки. Со слов местного жителя: «Я еще малым был, годков семи от роду. Там на горе дом стоял, в нем бабка Гана жила. Вредная старуха, а земляника росла у ней возле дома здоровая, сладкая. Как пора на нее начиналась, так мы целую охоту за ней устраивали, а бабка Ганка нас клюкой своей гоняла. Хотя и земляника не ее была вовсе, а лесная. Так гору и назвали Ганкиной, она одна там жила, на отшибе. Странная бабка была, а земляника вкусная».

4. Топонимы, образованные от топонимов же:

Заозерье — озеро Большое Рутавечь. Носит свое название из-за расположенной неподалеку деревни Заозерье.

Великие Луки — продуктовый магазин «Великолукский комбинат».

Как видим, есть очень интересные исторические названия, сохраняющие информацию о происхождении уже много лет и по-прежнему активные в бытовой коммуникации. Среди них, в частности, названия окрестных деревень.

Коровник — деревня Красный двор носит свое название из-за своей главной деятельности — скотоводства.

Ударник — второе название деревни Березино. Ранее в деревне располагался овощеводческий совхоз «Ударник». В 2006 г. его деятельность была прекращена, но название до сих пор используют для обозначения всей деревни.

Чикаго — деревня Чистик. Жители деревни еще с 1990-х гг. характеризуются пьянством и драками.

Обратим внимание на структурные и словообразовательные особенности собранного материала. В основном микротопонимы и неофициальные топонимы однословные, реже — двусловные. Среди однословных активна форма множественного числа существительных, причем во всех группах:

Сосенки — один из пляжей озера Большое Рутавечь. Располагается рядом с сосновым лесом.

Шерики — деревня Шеровичи.

Кладки — железная дорога.

Трибуны — стадионный комплекс в центре города, включает в себя футбольное поле, беговую дорожку, трибуны, тренажерный зал, детскую спортивную школу.

Подобная модель очень активна в Беларуси.

Активна также словообразовательная модель с разговорным суффиксом -к-, типичная для всей России:

Гвардейка — улица 19-й Гвардейской Стрелковой дивизии.

Пожарка — пожарная часть города Рудня.

Межка — тупик улицы Комсомольской. Также называется межколхозной. Название получил за расположение на этой территории колхозов.

Также по способу образования типичны сокращения:

Сытик, Сытый — продуктовый магазин «Сытый папа».

Самыч — продуктовый магазин «Сам Самыч».

Мега — торгово-развлекательный комплекс «Мегаполис».

Разнообразны суффиксальные образования:

Социк, Культура — социально-культурный центр, включающий в себя детскую школу искусств, библиотеки и ЗАГС.

Колбасня — место в южной части города. В 1970—1980-е гг. здесь был колбасный завод.

Торговик, Торговый — Торговый комплекс «Торговый дом» в центре города.

Итак, мы описали систему микропонимов и неофициальных топонимов приграничного Руднянского района Смоленской области. Как видим, здесь имеют место типичные для всех российских регионов наименования, но есть и специфические, обусловленные приграничным положением Рудни. В целом разговорная топонимия активна в речи многих жителей разных возрастов, что свидетельствует о ее востребованности в коммуникации. Есть устойчивые в истории своего появления и бытования названия, а есть возникшие только в последние годы. Значимость топонимических исследований местного уровня несомненна. «Являясь частью регионального онимического пространства, фрагментом языка повседневности, микропонимия представляет собой высокоинформативную систему, в которой аккумулирована история края, связанная с историей страны, культура населения края и народа в целом, если понимать культуру широко, включая в нее не только сферу духовной жизни, но и предметные результаты деятельности людей, их творческие силы, способности, реализуемые в деятельности, в том числе и языковой, результаты познания» [2, с. 8]. В перспективе работы нам видится словарь микропонимов и неофициальных топонимов приграничных районов Смоленщины.

Список литературы

1. Бутеев Д. В., Сергеев В. Ю., Сибиченков А. Г. Словарь неофициальных топонимов города Смоленска. Смоленск, 2014.

2. Климова Л. А. Микропонимический словарь Нижегородской области (окско — волжско-сурское междуречье) : в 3 ч. Арзамас, 2006. Ч. 1.

3. Ковалев Г. Ф. Микропонимия Воронежской области : словарь. Воронеж, 2007. Т. 1.

4. Королева И.А. Микротопонимы и неофициальные региональные топонимы (к постановке вопроса) // Известия Смоленского государственного университета. 2016. №4 (36). С. 94 – 103.

5. Королева И.А. Региональная микротопонимия и ее исследование // Ономастика Поволжья : матер. XX междунар. конф. Элиста, 5–7 октября 2022 г. Волгоград, 2022. С. 164 – 167.

6. Ономастика Беларуси. Топонимия : учебник / под ред. А.М. Мезенко. Минск, 2018.

7. Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров. Могилев, 2017. Вып. 1.

8. Смоленская область : энциклопедия : в 2 т. Смоленск, 2003. Т. 2.

Об авторе

Инна Александровна Королева — д-р филол. наук, проф., Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия.

E-mail: innakor@mail.ru

25

I. A. Koroleva

MICROTOPONYM OF THE SMOLENSKO-BELARUSIAN BORDER REGION (RUDNYANSKY DISTRICT)

Smolensk State University, Smolensk, Russia

Received 18 February 2023

Accepted 25 July 2023

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-2

To cite this article: Koroleva I.A. 2023, Microtoponym of the Smolensko-belarusian border region (Rudnyansky district), *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №3. P. 18 – 25. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-2.

The features of toponymy in the Smolensk-Belarusian borderland are examined based on microtoponyms and unofficial toponyms in the Rudnya district of the Smolensk region. The material obtained through a survey of local residents is analyzed from various perspectives using selected classifications (based on nomination objects, lexical-semantic classes, structural and word-formation types). Names with dialectical foundations are singled out separately. Emphasis is placed on the role of unofficial names for geographical objects in the speech of the region's residents. Common Russian traits and specific characteristics of borderland toponymy are identified.

Keywords: microtoponym, unofficial toponym, classification, Smolensk-Belarusian border area, Rudnyansky district

The author

Prof. Inna Koroleva, Smolensk State University, Smolensk, Russia.

E-mail: innakor@mail.ru

Н. В. Закурдаева

**ЯЗЫКОВЫЕ ИНДИКАТОРЫ КОНФРОНТАЦИОННОЙ
РЕЧЕВОЙ СТРАТЕГИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ, ИСПОЛЬЗУЕМОЙ
В ПОВСЕДНЕВНОМ СУПРУЖЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, Орел, Россия

Поступила в редакцию 01.02.2023 г.

Принята к публикации 08.09.2023 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-3

26

Для цитирования: *Закурдаева Н. В.* Языковые индикаторы конфронтационной речевой стратегии дискредитации, используемой в повседневном супружеском дискурсе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №3. С. 26–35. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-3.

Рассмотрены особенности репрезентации конфронтационной речевой стратегии дискредитации, используемой в ситуациях повседневного общения – в супружеском дискурсе. Цель исследования – выявление речевых тактик, применяемых в бытовом общении между супругами для дискредитации, ослабления коммуникативной позиции партнера по общению. Для достижения цели исследования применялись следующие методы: описательный, метод компонентного анализа, метод наблюдения и интерпретации, интенит-анализ, дискурсивный анализ. Изучены языковые показатели выражения конфронтационной речевой стратегии на всех уровнях языковой системы – семантическом, лексическом, лексико-грамматическом, синтаксическом, а также на прагматическом уровне, с учетом ситуации общения. Материалом для наблюдения послужили диалоги между супругами – персонажами стихотворения «Диалог у телевизора» – яркого образца ролевой лирики В.С. Высоцкого. В ходе исследования установлено, что стратегия дискредитации реализуется при помощи речевых тактик угрозы, обвинения, упрёка, просьбы, апелляции к авторитету, апелляции к прецеденту. Результатом анализа стало выявление типичных языковых индикаторов, формирующих конкретные конфронтационные речевые тактики.

Ключевые слова: конфронтационная речевая стратегия, стратегия дискредитации, речевые тактики, супружеский дискурс, языковые показатели

Введение

Интерес к эффективному речевому воздействию, помогающему говорящему достигать поставленной цели, существовал всегда. Термин *стратегия* был заимствован лингвистикой из военного дела, в котором он означал общий недетализованный план для достижения сложной цели. Сделать план конкретным помогали различные тактики.

Исследование речевых стратегий и тактик активно началось во второй половине XX в. Понятие «коммуникативная стратегия» ввел в

научный обиход Т. ван Дейк [10], однако среди исследователей нет единого мнения о том, что это такое [11, с. 105]. «Стратегия понимается как свойственный человеку устойчивый тип речевого поведения или как “глобальное намерение”, реализуемое в конкретном диалоге, например дискредитировать или оправдать собеседника» [7, с. 35]. «Коммуникативная стратегия понимается как особый коммуникативный план поведения говорящих..., который ориентирован на достижение определенных коммуникативных и практических целей (на фоне определенных психологических установок)» [8, с. 10]. Ученые разных лингвистических направлений признают коммуникативные стратегии важной составляющей коммуникативного поведения человека, а также отмечают, что речевые стратегии связаны с планированием общения (реализацией определенных ожиданий) и контролем над ним.

Речевые стратегии и тактики реализуются в конкретном дискурсе, поэтому их часто называют дискурсивными стратегиями (все лингвистические средства, которые использует коммуникант для реализации своей интенции). Окружающая человека реальность сложна и многогранна, поэтому существует большое количество разнообразных дискурсов, манифестирующих разные стороны человеческой жизни.

В.И. Карасик считает, что существует два типа дискурса – персональный и институциональный. Персональный представлен двумя типами – бытийным и бытовым дискурсом [13]. Бытовой дискурс, несомненно, личностно ориентирован, представлен обычно в виде диалога. В нем можно выделить следующие разновидности: межличностный, семейный, подростковый, детский, супружеский, а также тематически ориентированный дискурс (о погоде, делах, домашней хозяйстве, одежде, еде, покупках и т.д.).

Жизнь человека связана с повседневным общением и прежде всего – с семейным. «Бытовой дискурс определяется как диалогическое общение между хорошо знающими друг друга людьми, характеризующееся спонтанностью, сильной ситуативной зависимостью, ярко выраженной субъективностью, нарушениями логики и структурой оформленности высказываний» [4, с. 6]. Семейный дискурс оказывает огромное влияние на все сферы деятельности человека: проблемы в семейных отношениях проецируются и на другие области коммуникации.

«Основные задачи семейного диалога связаны с регуляцией совместной жизни и поддержанием отношений между близкими людьми. В этих условиях направленные на собеседника интенции коммуникантов формируют ведущие интенциональные направленности» [6, с. 111–112] (для конфронтационных речевых стратегий главными интенциями будут побуждение к действию, выражение собственного мнения, самопрезентация). К основным параметрам отношений, которые реализуются между близкими людьми, относятся доминирование / подчинение, ответственность и эмоциональная близость. А.П. Мартынюк считает, что глобальные стратегические цели определяются двумя глобальными мотивами любого коммуникативного взаимодействия, ориентирующими коммуникантов либо на кооперацию, либо на кон-

фронтацию [15, с. 85]. Таким образом, в семейном дискурсе довольно часто реализуются стратегии конфронтационного общения вследствие несовпадения мотивов, целей, интенций коммуникантов.

«Конфронтационная стратегия... по своей направленности ориентирована на то, чтобы... добиваться собственных целей / интересов, не обращая внимания на цели / интересы партнера / партнеров, участвующих в конфликте» [8, с. 11]. Нарушая коммуникативное равновесие, участники диалога могут использовать «игру на повышение», применяя такие речевые стратегии, как комплимент, похвала, лесть, а также использовать «игру на понижение», реализуя стратегии дискредитации, подчинения и уговаривания. И. И. Гулакова выделяет две разновидности конфронтационных речевых стратегий: агрессия (применяются речевые тактики упрека, угрозы, возмущения, отказа, тактика прерывания) и манипуляция (оскорбление, возмущение, намек, ирония) [8, с. 12].

Теоретические построения должны быть «чувствительны» к богатству деталей, которые очевидны только при анализе конкретных случаев, поэтому обратимся к супружескому дискурсу, представленному в поэзии В. С. Высоцкого, и рассмотрим такую стратегию конфронтационного общения, как дискредитация. Предметом анализа являются языковые маркеры конфронтационных речевых тактик, создающие иллюкативный эффект.

Структура повседневного дискурса иерархична: минимальную единицу коммуникации представляет собой речевой акт (по отношению к используемым в его ходе языковым средствам он выступает как локутивный, иллюкутивный или перлокутивный), речевые акты объединяются в коммуникативные ходы, которые, в свою очередь, формируют речевую тактику. Несколько речевых тактик репрезентируют конкретную речевую стратегию.

Любое коммуникативное событие может быть приятным или неприятным, поэтому говорящий прилагает усилия, чтобы, например, уклониться от контактов, которые могут нанести ущерб его самочувствию. Некооперативное общение базируется на «приоритете интересов говорящего над интересами слушающего», то есть говорящий стремится победить слушающего, трансформировать его модель мира в желательном для говорящего направлении. Конфронтационное общение сопровождается коммуникативным дискомфортом для говорящего и слушающего.

О. И. Иссерс считает, что «в самом общем смысле речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [12, с. 54]. Таким образом, любая речевая стратегия состоит из прогнозирования хода общения и контроля за его результатами. Не вызывает сомнения, что прогноз предстоящей вербальной коммуникации строится с учетом мотивов и целей говорящего и слушающего, их вербальных и невербальных действий, а также всей ситуации общения в целом.

Методика анализа была обусловлена целями и задачами исследования, особенностями языкового материала (ролевая лирика):

1. Определение методом сплошной выборки текстов-диалогов, репрезентирующих супружеский дискурс.
2. Анализ когнитивных пресуппозиций и определение цели речевой стратегии и реализующих ее тактик (иллюкативный эффект).
3. Анализ локутивного акта: выделение в текстах минимальных диалогических единиц, анализ коммуникативных ходов.
4. Определение языковых маркеров организации высказывания.
5. Выявление перлокутивного эффекта, заключение об успешности выбранной коммуникантами речевой стратегии.

Для достижения цели исследования применялись следующие общенаучные методы: описательный, метод компонентного анализа, метод наблюдения и интерпретации, элементы интент-анализа.

Основная часть

По мнению О. С. Иссерс, «стратегия предоставляет собой когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера» [12, с. 100], при этом применяемые собеседниками стратегии должны быть гибкими, потому что говорящий на разных этапах определяет приоритет той или иной цели и соответственно корректирует свои действия.

Ролевая лирика представляет собой яркий пример реализации речевой стратегии, поскольку всегда сочетает в себе ролевую игру и ритуальное речевое поведение (стереотипное поведение в конкретной ситуации, предписанное фреймом).

Согласно периодизации А. Кулагина [14], 1964–1971 гг. – второй период творчества В. С. Высоцкого, характеризующийся созданием поэтических «энциклопедий русской жизни», перевоплощением в героев разных профессий, образа жизни, мыслей (так называемый «протеистический период»). Повседневный дискурс в лирике поэта создается от лица представителей разных социальных слоев – колхозников, рабочих, горожан, маргинальных элементов и др. Отдельную группу составляют тексты, в которых описана ситуация общения с любимой женщиной (от лица ролевого или лирического героя). «Как правило, герои в собственно ролевых стихотворениях имеют собственную биографию (социально очень определенную, безошибочно угадываемую, хотя автор дает лишь косвенные, краткие приметы этой биографии, чаще выраженные в складе речи» [1, с. 202]. Рассмотрим специфику супружеского дискурса на примере стихотворения В. С. Высоцкого «Диалог у телевизора», в котором реализована такая речевая стратегия конфронтационного общения, как дискредитация.

Коммуникативная задача данной стратегии – оскорбить и высмеять партнера, дать отрицательную оценку его действиям или качествам. Речевые тактики, применяемые в рамках стратегии дискредитации: оскорбление, издевка, обвинение. «В русском языке для обозначения

ния речевых действий, цель которых — подорвать доверие, вызвать сомнение, используются такие лексические единицы, как “оскорбить..., издеваться..., насмеяться..., обидеть..., обвинить”... Задача этих действий — информирование об отрицательной оценке. С обвинением можно согласиться, с оскорблением — нельзя» [12, с. 161].

Информация о предстоящем коммуникативном событии известна партнерам по коммуникации — просмотр телепередачи, однако это событие вторично, это только повод к коммуникации, главное — выяснение отношений между мужем и женой. Название песни — «Диалог у телевизора» — вводит нас в ситуацию общения.

Позиции коммуникантов несимметричны, поскольку инициатива в споре у жены, мужу приходится оправдываться. Оба собеседника настроены на конфронтацию, применяют индивидуальные оскорбления, переходят на личности. Одной из стратегий конфликтного дискурса является манипуляция, то есть скрытое давление на оппонента. Манипулятор обычно играет на психологических слабостях реципиента, применяя различные психологические приемы: личные нападки на оппонента, намеки, лесть, высмеивание и издевку [2, с. 87].

Коммуникативная цель жены — дискредитировать мужа, доказав, что он алкоголик. Муж, оправдываясь, также применяет стратегию дискредитации жены, но это не дает ожидаемого эффекта. Перлюктивный эффект от применения данной речевой стратегии можно наблюдать по последнему коммуникативному ходу мужа (он оправдывается, соглашаясь с женой):

Ну и меня, конечно, Зин,
Все время тянет в магазин, —
А там — друзья... Ведь я же, Зин,
Не пью один! [5, с. 435]

Таким образом, жена успешно применяет речевую стратегию дискредитации по отношению к мужу, а мужу это не удается.

Речевая стратегия дискредитации реализуется собеседниками в 4 коммуникативных хода (по две строфы в каждом): 1-й коммуникативный ход — жена начинает издали и говорит, что шурин — «пьянь»; 2-й коммуникативный ход — «все друзья — такая рвань / И пьют всегда в такую рань / Такую дрянь!»; 3-й коммуникативный ход — обвинение в том, что муж не уделяет внимания своей жене: «Ну что отстань, опять отстань, / Обидно, Вань!»; 4-й коммуникативный ход — обвинение в алкоголизме самого Ивана: «кричишь, когда не пьян». Таким образом, жена выстраивает силлогизм, в котором обе посылки говорят о том, что родственники и друзья Ивана — «пьянь», далее следует демонстрация «Иван тоже “пьянь”». В рамках стратегии дискредитации супруга применяет ошибочный логический вывод.

Зина понимает, что прямое обвинение будет тут же отвергнуто мужем, поэтому она использует отложительную тактику. «Наиболее частотной некооперативной тактикой в бытовом конфликтном дискурсе... является коммуникативная тактика обвинения» [4, с. 14].

Иван отвечает на каждый коммуникативный ход жены. На первом коммуникативном ходе он использует апелляцию к качествам партнера: «Сама намазана, прокурена», усиливая ее угрозой: «Гляди, дожدهшься у меня!» Второй коммуникативный ход, примененный мужем — апелляция к пользе: «А гадость пьют из экономии: / Хоть поутру — да на свои!». Третий коммуникативный ход — обвинение в доносе:

Кто мне писал на службу жалобы?
Не ты?! Да я же их читал!

Коммуникативный ход 4 свидетельствует о том, что речевая стратегия дискредитации применена женой успешно: цель обидеть партнера по коммуникации достигнута («на грубость нарываешься», «обидеть норовишь»). «Успех стратегии дискредитации следует оценивать по результатам речевого действия (по перлокутивных эффектам): адресат обижен, причем несправедливо, оскорблен, чувствует себя объектом насмешки» [12, с. 162].

Коммуникативная стратегия дискредитации реализуется говорящим (женой) при помощи различных речевых тактик: косвенное оскорбление, издевка и обвинение. Косвенное оскорбление в повседневном дискурсе выражается путем отрицательного сравнения («голос — как у алкашей», «похож... на шурина — такая ж пьянь»), прямое оскорбление коммуниканты не используют.

Издевка имеет своей целью не просто оскорбить, а оскорбительно высмеять, поднять на смех. Говорящий (жена) высмеивает мужа, критикуя его друзей:

Ну все друзья — такая рвань,
И пьют всегда в такую рань
Такую дрянь!

Помимо стратегии дискредитации жена использует речевую тактику просьбы, которая терпит провал:

В конце квартала — правда, Вань, —
Ты мне такую же сваргань....
Ну что «отстань», опять «отстань»,
Обидно, Вань!

Муж использует «игру на понижение», оскорбляя своего собеседника, дискредитируя внешние качества:

К тому же эту майку, Зин,
Тебе напяль — позор один.
Тебе шитья пойдет аршин...

Обвинение как последний аргумент в споре используют и жена, и муж:

А ты придешь домой, Иван,
Поешь — и сразу на диван,
Иль, вон, кричишь, когда не пьян....
Тут за день так накувыркаешься...
Придешь домой — там ты сидишь!

Языковые маркеры, свидетельствующие о применении речевой стратегии дискредитации:

1. *Семантические показатели*: в рамках реализации стратегии дискредитации используется фрейм «Просмотр телевизора», об этом свидетельствует наличие необходимых слотов: телевизор, зрители, телепередача (цирковое представление — клоуны, карлики, акробаты), но слот «обсуждение просмотренного» заменен на другой — «обсуждение личности зрителей», то есть партнеров по коммуникации. В целом фрейм бытового конфликта «включает в себя обязательные слоты: участники, предмет, объект, этапы (столкновение, пик, спад)» [3, с. 57].

2. *Лексические показатели* связаны с репрезентацией концепта-сценария «Алкоголик». В ядре концепта находится лексема *алкаш*, являющаяся разговорным эквивалентом имени концепта, другие синонимы в диалоге не используются. Центральная часть концепта содержит все части сценария, описывающего жизнь алкоголика: сгонять в магазин («тянет в магазин»), затем пить с утра («в такую рань») некачественный, дешевый алкоголь («такую дрянь», «хлебал бензин»), потому что мучает похмелье. На периферии концепта находятся вербальные репрезентации, связанные с факультативными признаками: пить в компании алкоголиков («не пью один»), отсутствие интереса к реальной жизни («сразу на диван»), жалобы семьи на жизнь с пьяницей («писал на службу жалобы»). Действительно, Иван снимает стресс («придешь домой — там ты сидишь»), решает жизненные проблемы с помощью алкоголя.

3. *Лексико-грамматические показатели*. В речи Зины используются характерные для городского просторечия диминутивы: *завязочки, попу-гайчики, акробатики*. Практически каждая ее реплика начинается с междометия «Ой», служащего для привлечения внимания собеседника к просмотру телепередачи. Реплики жены состоят из двух частей: первая констатирует изображаемое по телевизору, вторая, ассоциативно связанная с первой, переводит разговор в плоскость обсуждения личных качеств коммуникантов. Глаголы-императивы *гляди, глянь, смотри* в речи Зины свидетельствуют о ее попытке применить стратегию уговаривания с целью отвлечь мужа от друзей-алкашей и магазина. Муж игнорирует содержание передачи и отвечает только на вторую часть реплик супруги, поэтому стратегия уговаривания приводит жену к коммуникативной неудаче, супруга меняет стратегию. Использование говорящим эмоционально-оценочной лексики (*рвань, дрянь, пьянь*) показательно для стратегии дискредитации.

4. *Синтаксические показатели*: для реализации стратегии дискредитации используются такие стилистические фигуры, как сравнение («такая ж пьянь»), антитеза («какой ни есть, а он — родня», «в джерси одеты, не в шевьет»). Лексемы *ей-богу, правда* используются говорящим для усиления перлокутивного воздействия.

Разговорная форма обращения (*Вань, Зин*) в зависимости от интонации «может иметь смысл укора, запрета, предостережения, просьбы» [9, с. 17]. Обращение жены к мужу носит характер просьбы, тогда как

мужа к жене – угрозы (особенно ярко в исполнении В. С. Высоцкого, он настолько точно «попал» в психологию супругов, что песню растащили на цитаты).

5. *Прагматические показатели*: для реализации стратегии дискредитации говорящий (жена) применяет несколько речевых тактик: обвинение («ну все друзья – такая рвань»), просьба («ты мне такую же сваргань»), апелляция к авторитету («Завцеха наш – товарищ Сатиков – / Недавно в клубе так скакал»), апелляция к качествам партнера («А ты придешь домой, Иван, / Поешь – и сразу на диван»). «В семейном диалоге собеседники чрезвычайно свободны в выражении собственных замыслов и способах воздействия друг на друга. Близкая эмоциональная дистанция, обширная общая апперцепционная база, сниженный порог вежливости обуславливает непринужденность семейного диалога, в котором есть место жесткому указанию и тонкому намеку, жалобе и сочувствию, похвале и критике, спору и лишенной какой-либо прагматической цели болтовне» [7, с. 34].

Прагматический тип речевых стратегий (тактики комплимента, похвалы) может быть использован как частная речевая тактика в рамках стратегий конфронтационного общения. Диалоговый тип речевых стратегий, связанный с контролем над инициативой в коммуникации, также применяется в рассматриваемом типе общения.

Вывод

Супружеский дискурс является одной из важнейших разновидностей повседневной речи. Своей «второй половине» человек обычно доверяет свои самые сокровенные мысли и чувства, делится тем, что его волнует в настоящем, строит совместные планы на будущее. В ролевой лирике В. С. Высоцкого муж и жена часто используют конфронтационные стратегии в личном общении. Поэт создает «художественную модель повседневного существования современного “среднего человека”, не обремененного развитым самосознанием» [1, с. 204].

Диалог супругов носит сатирический характер. «На первый взгляд, сбой, парадокс в изображении действительности отсутствуют: воссоздаются привычные, “нормальные” для обывателя ситуации, сюжеты. ... Восприятие комизма ситуации основывается преимущественно на нарушении установленной нормы, когда “внутренний цензор” фиксирует несоответствие, парадокс» [16, с. 200]. Таким образом, комический эффект возникает вследствие нарушения определенного фрейма (сценария, скрипта), лежащего в основе ситуации общения.

О. В. Сахарова пишет, что сатирическая модель Высоцкого представлена в двух планах – антропонимическом (как исповедь «маленького человека») и зоонимическом (аллегорическом): «Антропонимический план реализует преимущественно реакцию на деградацию ценностей, контраст, эффект обманутого ожидания, что воспроизводится фонетико-орфографическими, грамматическими, логико-семантическими и логико-синтаксическими сбоями в повествовании» [16, с. 203].

Анализ лексических средств позволил выделить следующие лексико-семантические показатели как наиболее частотные:

- 1) использование перформативных глаголов (например, глаголы осуждения);
- 2) употребление несамостоятельных частей речи в риторических целях, например для привлечения внимания;
- 3) использование стилистических тропов, например сравнения или антитезы;
- 4) употребление эмоционально-оценочной и просторечной лексики, экспрессивное словообразование.

Грамматические показатели — использование разговорных вариантов грамматических форм существительных и глаголов. В качестве синтаксических маркеров анализируемых стратегий можно выделить следующие:

- 1) вопросительные, побудительные и восклицательные предложения;
- 2) инверсия, обращения, вводные слова, эллиптические конструкции.

Таким образом, конфронтационная речевая стратегия дискредитации, реализуемая в супружеском дискурсе, имеет различные языковые показатели. Все приемы, примененные автором для создания образа ролевого героя, объединяются в единую систему с целью драматизации диалога между мужем и женой.

Список литературы

1. Бабенко В. Н. Своеобразие ролевой лирики Высоцкого // Мир Высоцкого : исследования и материалы. М., 1999. Вып. 3, т. 1. С. 201–206.
2. Белова Е. В., Василенко Т. С., Журавлева И. В. Средства манипуляции в бытовом конфликтном дискурсе // Казанская наука. 2019. №11. С. 86–88.
3. Белова Е. В. Основные составляющие бытового конфликтного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №2 (56), ч. 2. С. 53–57.
4. Белова Е. В. Структурно-содержательные особенности бытового конфликтного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2016.
5. Высоцкий В. Сочинения : в 2 т. / подг. текста и коммент. А. Крылова. М., 1991. Т. 1.
6. Гребенищикова Т. А., Зачёсова И. А. Интенциональный аспект взаимодействия в семейном диалоге // Вопросы психолингвистики. 2012. №16. С. 106–112.
7. Гребенищикова Т. А., Зачёсова И. А. Психология повседневного дискурса: интенциональный аспект. М., 2014.
8. Гулакова И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2004.
9. Дворянцева В. В. Лингвопрагматические особенности бытового диалогического дискурса: на материале русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2013.
10. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 2015.
11. Жаркынбекова Ш. К., Туkenova A. A. Изучение коммуникативных стратегий и тактик в современной лингвистике // Инновационное развитие современной науки: актуальные вопросы теории и практики : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 12 апреля 2021 г. Пенза, 2021. С. 104–106.
12. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2015.
13. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград, С. 5–20.

14. Кулагин А.В. Поэзия Высоцкого: творческая эволюция. Воронеж, 2013.
15. Мартынюк А.П. Стратегия как базовый инструмент когнитивного анализа коммуникации // Записки з романо-германської філології. 2015. №1 (34). С. 80–89.
16. Сахарова О.В. Языковые средства создания сатирической модели мира в творчестве В.С. Высоцкого // Мир Высоцкого : исследования и материалы. М., 2001. Вып. 5. С. 199–203.

Об авторе

Наталья Вячеславовна Закурдаева — канд. филол. наук, доц., Академия Федеральной службы охраны России, Орел, Россия.

E-mail: zakurdaeva.n@inbox.ru

35

N. V. Zakurdaeva

LANGUAGE INDICATORS OF CONFRONTATIONAL SPEECH STRATEGIES USED IN EVERYDAY MARITAL DISCOURSE

Russian Federation Security Guard Service Federal Academy, Orel, Russia

Received 1 February 2023

Accepted 8 September 2023

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-3

To cite this article: Zakurdaeva N. V. 2023, Language indicators of confrontational speech strategies used in everyday marital discourse, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №3. P. 26–35. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-3.

The article examines the features of representing the confrontational speech strategy of discreditation, used in everyday communication, particularly in marital discourse. The goal of the research is to identify the speech tactics employed in domestic communication between spouses for the purpose of discrediting and weakening the communicative position of the communication partner. To achieve the research goal, descriptive method, method of component analysis, observation and interpretation method, intent analysis, and discourse analysis were applied. Linguistic indicators expressing the confrontational speech strategy were studied at all levels of the language system – semantic, lexical, lexico-grammatical, syntactic, as well as at the pragmatic one, taking into account the communication situation. Dialogues between spouse characters in the poem "Dialogue at the Television" by V. S. Vysotsky served as material for observation, representing a vivid example of role lyrics.

The research established that the discreditation strategy is implemented through speech tactics of threat, accusation, reproach, request, appeals to authority, and appeals to precedent. The analysis resulted in the identification of typical linguistic indicators that shape specific confrontational speech tactics.

Keywords: confrontational speech strategy, speech tactics, marital discourse, language indicators

The author

Dr Natalia V. Zakurdaeva, Russian Federal Academy of Security Service, Orel, Russia.

E-mail: zakurdaeva.n@inbox.ru

Е. В. Булатая

ОСОБЕННОСТИ ИРОНИЧЕСКОГО НАРРАТИВА Н. В. ГОГОЛЯ

Барановичский государственный университет, Барановичи,

Республика Беларусь

Поступила в редакцию 26.10.2022 г.

Принята к публикации 20.05.2023 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-4

36

Для цитирования: Булатая Е. В. Особенности иронического нарратива Н. В. Гоголя // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №3. С. 36–47. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-4.

Определены особенности иронического нарратива в целом и нарратива литературного произведения в частности, установлены основные черты иронии как самостоятельной текстовой категории, заключающей в себе скрытую авторскую оценку. На основе анализа произведений Н. В. Гоголя сделан вывод о том, что иронический нарратив писателя строится на механизмах, вызывающих противоречие в различных по объему контекстах. Гоголевская ирония выступает индикатором перехода автора от непосредственного изложения событий к их оцениванию и эксплицируется с помощью ряда лексических, синтаксических, фразеологических и текстовых средств, которые служат маркерами смыслового диссонанса в содержании одного или нескольких видов пассажи.

Ключевые слова: нарратив, ирония, иронический нарратив, пассаж, неявная авторская оценка, Н. В. Гоголь, художественный текст

Введение. Теоретические предпосылки исследования

Иронический нарратив как объект научного исследования занимает в современной лингвистике важное проблемное поле, требующее дальнейшего изучения, что объясняется прежде всего как многоаспектностью и разнородностью самого понятия нарратива, так и неоднозначностью языковой категории иронии. Кроме того, рассмотрение иронического нарратива в художественном произведении вносит вклад не только в разработку проблем нарратива художественного дискурса в целом, но и в изучение особенностей построения иронического нарратива как идиостилевой черты автора произведения.

В лингвистических трактовках нарратив представляет собой «один из способов репрезентации прошлого опыта при помощи последовательности упорядоченных предложений, которые передают временную последовательность событий посредством этой упорядоченности» [8, с. 62]. Соответственно, нарратив характеризуется наличием опреде-

ленных временных рамок, места развертывания событий, персонажей, принимающих участие в событиях. Как видно, основной отличительной чертой нарратива является событийность, которая, в свою очередь, может быть описана с точки зрения структуры нарратива в таких категориях, как время, наклонение и «голос», подразумевающий то, с помощью чего осуществляется повествование.

Рассматривая нарратив в языкознании и учитывая устную и письменную формы его существования, ученые предлагают выделять ряд элементов в структуре нарратива (см., напр.: [6; 11]). Согласно подходу, предложенному В. А. Плунгяном, в нарративном дискурсе выделяются следующие пассажи: интродуктивный, то есть вводный; секвентивный или консеквентивный, который предполагает смену эпизодов; фоновый, включающий дополнительные ситуации уточняющего характера; ретроспективный, возвращающий читателя к более ранним событиям; объяснительный, заключающий в себе авторские пояснения и оценку излагаемых событий (см. подробнее: [6, с. 20–21]).

Важно заметить, что нарратив непосредственно связан с категорией дискурса и может соотноситься с его различными типами. Однако, как справедливо подчеркивает В. А. Плунгян, «те феномены, которые присутствуют в нарративе, как правило, присутствуют и в других типах дискурса, обратное же далеко не всегда верно» [6, с. 11]. Если рассматривать дискурс как ситуацию, в которой протекает повествование, следует понимать нарратив как конкретное рассказанное содержание, характеризующееся определенным сюжетом, наличием персонажей и т. п. Соответственно, дискурс нарратива представляет собой содержание, в котором сообщается о последовательности событий и которое погружено в определенные условия, в ситуацию, включающую экстралингвистические факторы. При дискурсивном подходе нарратив выступает понятием более широким, нежели просто «повествование», поскольку к первому относятся «и описание событий (интродуктивный и фоновый пассажи), и объяснение событий (рассуждения говорящего по поводу происходящих событий)» [7, с. 47].

Нарратив художественного дискурса как объект настоящего исследования отличается субъективностью, личностно-авторскими установками, что, как замечает З. А. Заврумов, «отражается и на уровне манифестирования модальности (эксплицитной или имплицитной), события в нем предстают как события жизни, а сам нарратив в таком тексте представлен в виде жизнеописания литературной личности (автора или персонажа)» [3, с. 118]. Событийность в нарративе литературного произведения определяется на основании нескольких взаимосвязанных факторов: участников события (актеров), акта повествования (нарратора), а также его интерпретаторов (абстрактного автора и абстрактного читателя) [1, с. 55]. Нарратив художественного произведения немислим без компонента субъективной авторской оценки, которая складывается из непосредственно авторских оценочных суждений, точек зрения повествователя, а также представленных автором в повествовании оценок

самых персонажей. В целом к оценочному компоненту в художественном нарративе можно добавить также оценку абстрактного читателя, то есть предполагаемого адресата литературного произведения.

Ирония как сложная текстообразующая категория, выступающая разновидностью авторской модальности, основными характеристиками которой являются оценочность и имплицитность, играет немаловажную роль в построении каркаса нарратива литературного произведения, поскольку «языковая личность автора и индивидуализированное Я повествователя детерминируют структурно-семантические особенности процесса текстообразования, а сам образ автора образует композиционно-смысловой центр художественного текста» [5, с. 169]. В свою очередь, именно посредством иронии в нарративе находит свое отражение авторская оценочная позиция, то есть эмоционально-ценностное отношение автора произведения к событиям, его мировоззренческие установки и интенции, реализующиеся в «голосе» автора, включенном в повествование. «Иронический нарратив, — справедливо замечает К. М. Шилихина, — позволяет рассказчику “переключаться” между собственно повествовательным режимом и режимом рефлексии (этот режим как раз проявляется в комментариях и других фрагментах текста, цель которых — выражение иронического отношения)» [10, с. 63]. При этом изложение информации о событиях выступает так называемым «ключом» к распознаванию иронического смысла, завуалированного в языковых единицах.

Ироническое смыслообразование в нарративе художественного дискурса связано прежде всего с семантическим аспектом лексических единиц, словосочетаний (в том числе и устойчивых) или целых предложений. В этом плане имеет место переключение с прямого значения слов на переносное, получение лексемами дополнительных коннотативных оттенков значения в рамках их контекстной реализации в литературном произведении, то есть такое «соединение» лексем, которое стимулирует адресата художественного текста к поиску скрытого смысла, а именно к декодированию, осмыслению и интерпретации иронии в различных по объему контекстах — от микро- до мегаконтекста. Изучение иронии в координатах нарратива позволяет рассматривать ее на более высоком уровне, нежели только в качестве стилистического приема, фигуры речи или тропа, а именно как текстовую категорию, для реализации которой задействуются разноуровневые средства языка. С помощью иронии «автор разрушает представленную в языковых единицах положительную оценку, имплицитно подчеркивая отрицательные качества характера персонажей» [2, с. 205] или выражая свое неодобрение по отношению к излагаемым событиям.

Целью настоящего исследования является определение специфики построения иронического нарратива классика русской литературы Н. В. Гоголя путем установления средств иронического смыслообразования и характеристики пассажей, в которых реализуется ирония писателя. Материалом для исследования послужили поэма «Мертвые ду-

ши», комедия «Ревизор», повести, входящие в циклы «Миргород», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Петербургские повести». При этом методологию исследования составили методы описательного, семантико-стилистического и контекстуального анализа, а также метод лингвистической интерпретации.

Результаты исследования

Иронический нарратив Н. В. Гоголя представляет собой сложную систему приемов актуализации иронического смысла, составляющую одну из идиостилевых характеристик его произведений. Описывая нарратив Гоголя, О. В. Зырянов тонко замечает, что «Гоголь очень часто прибегает к осложняющему приему нарративной поэтики, когда по пути к реципиенту его авторская концепция личности серьезно трансформируется, преломляясь через оригинальную призму сознания “вторичного” (или сказового) автора-повествователя, как правило, “ненадежного” в плане повествовательной компетенции рассказчика, тайно просвечивая сквозь “остраненно”-ироническую стилевую ткань произведения» [4, с. 268].

Рассмотрим особенности иронического нарратива Н. В. Гоголя в соответствии с языковыми уровнями реализации иронии и спецификой переключения автора с режима повествования на режим оценивания.

На лексическом уровне сигналом иронии служит нетипичное, алогичное сочетание лексических единиц в одном контексте, при котором автор задействует различные механизмы иронического смыслообразования. К примеру, рассмотрим отрывок из комедии «Ревизор»: «“...Я знаю, что за тобою, как за всяким, *водятся грешки*, потому что ты человек *умный* и не любишь пропускать того, что *плывет в руки*...”» [14, с. 163]. В приведенном контексте ироническое изложение содержания письма Чмыхова к городничему достигается за счет диссонанса между семантикой лексемы *умный* и словосочетаний *плыть в руки*, *водятся грешки*. Заметим, что прямое значение имени прилагательного *умный*, то есть ‘обладающий здравым умом, сообразительностью’ [15, т. 4, с. 493], получает в одном контексте с фразеологизмом *плыть в руки* ‘легко, без труда доставаться, приходиться как бы само собой’ [16, с. 474] и образным выражением *водятся грешки* новые оттенки значения с негативной коннотацией. Именно это позволяет читателю интерпретировать контекстуальное значение прилагательного *умный* как развитую способность городничего постоянно брать взятки. Описанный механизм актуализирует иронию автора, то есть его ценностное ироническое отношение к персонажу произведения «Ревизор» — городничему, что, в свою очередь, реализуется автором не напрямую, а через оценку городничего другим персонажем произведения. Как видно, в приведенном примере на секвентивный пассаж гармонично «накладывается» оценочный: авторская оценка не нарушает повествование, а уже включена в него.

С точки зрения построения иронического нарратива Гоголя на лексическом уровне интерес представляет механизм иронического смыслопорождения посредством антитезы. В этом плане репрезентативен следующий фрагмент из повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»: «Но тетушка, которая еще издали завидела рогожную кибитку, была уже здесь. И Иван Федорович изумился, когда *она почти подняла его на руках*, как бы не доверяя, та ли это тетушка, которая писала к нему о своей дряхлости и болезни» [12, с. 148] (здесь и далее курсив в цитатах принадлежит автору статьи). Событие приезда тетушки к Ивану Федоровичу излагается автором иронично с помощью неоднозначного описания здоровья тетушки. С одной стороны, употребленные в контексте имена существительные *дряхлость* (см. *дряхлый* — ‘слабый, немощный от старости; очень старый’ [15, т. 1, с. 450]) и *болезнь*, а с другой стороны, фраза *она почти подняла его на руках*, создают противоречивые смысловые отношения в микроконтексте повести. Немощность тетушки противопоставляется автором ее способности поднять взрослого племянника. При этом ироническая оценка реализуется на стыке перехода от непосредственно описываемого события (*она почти подняла его на руках*) к событию, произошедшему раньше, — воспоминанию Иваном Федоровичем о сведениях из письма тетушки (*писала к нему о своей дряхлости и болезни*). С точки зрения характеристики структуры нарратива следует отметить, что в указанном примере ирония актуализируется в результате перехода автора от секвентивного пассажа к ретроспективному.

Алогизм, возникающий посредством стилистической антитезы, достаточно часто служит ироническому смыслообразованию в произведениях Гоголя. Следующий отрывок выступает примером резкой парадоксальной характеристики персонажа из поэмы «Мертвые души»: «— <...> Все хриstopродавцы. Один там только и есть *порядочный* человек: прокурор; да и тот, если сказать правду, *свинья*» [13, с. 129]. Имя прилагательное *порядочный* ‘честный, не способный на низкие поступки’ [15, т. 3, с. 301] неожиданно противопоставляется автором стилистически сниженной лексеме *свинья*, употребляющейся в значении суждения ‘о человеке, поступающем грубо, неблагодарно и низко’ [15, т. 4, с. 50], что, безусловно, свидетельствует о противоречивой оценке автором прокурора и указывает на наличие имплицитного смысла с ироническим подтекстом в описании персонажа в рамках одного излагаемого события. Неодобрительная оценка писателем городничего гармонично включена в содержание фонового пассажа, в рамках которого Собакевич рассказывал Чичикову о прокуроре.

Построение иронического нарратива в гоголевских произведениях на **синтаксическом** уровне связано со смысловым диссонансом, возникающим в рамках определенной синтаксической структуры, что, к примеру, может быть вызвано повторением определенных лексем, словосочетаний, предложений, притворными восклицаниями, разрывом повествования посредством многоточий и др.

В целом для произведений Гоголя характерно частотное использование различных типов повторов. В свою очередь, реализации иронии

на синтаксическом уровне служат локальные повторы, которые задействуют небольшие по объему контексты и посвящены отдельным, сопутствующим основной теме, микротемам в произведении. Смысловый диссонанс возникает как при нарочитом перечислении автором однотипных лексических элементов или синтаксических структур, так и при повторении синонимичных или антонимичных по значению элементов. К примеру, в следующем отрывке из повести «Невский проспект» используется механизм повторения семантически противоположных словосочетаний, включающих ключевое слово *искусство*. Ср.: «Но прежде нежели мы скажем, кто таков был поручик Пирогов, не мешает кое-что рассказать о том обществе, к которому принадлежал Пирогов. <...> Несколько бледных, совершенно бесцветных, как Петербург, дочерей <...> Этих хладнокровных девиц чрезвычайно трудно расшевелить и заставить смеяться; для этого нужно *большое искусство* или, лучше сказать, совсем не иметь *никакого искусства*» [14, с. 25]. Автор иронизирует по поводу дам, принадлежавших к обществу среднего класса в Петербурге, к которому относился и один из главных героев повести — поручик Пирогов. Как видно из приведенного фрагмента, автор переходит от секвентивного пассажа (характеристика Пирогова) к фоновому (характеристика общества, к которому принадлежал Пирогов), в координатах которого и дает ироническую оценку дамам. Таким образом, авторская оценка «наслаивается» на фоновый пассаж.

Так называемые притворные восклицания служат реализации иронии с помощью такого механизма, когда в восклицании возникает смысл, полностью противоречащий его прямому значению. Эмоции, выражаемые посредством притворных восклицаний, характеризуются недостоверностью и не соответствуют представленной в контексте ситуации. Показателен в этом плане следующий отрывок фонового пассажа из поэмы «Мертвые души»: «Прежде было знаешь, по крайней мере, что делать: принес правителю дел красную, да и дело в шляпе; а теперь по беленькой, да еще неделю провозишься, пока догадаешься; *чорт бы побрал бескорыстие и чиновное благородство!*» [13, с. 269]. Приведенный фрагмент из фонового пассажа, представляющего биографию Чичикова, дает характеристику службы персонажа в канцелярии. Восклицание-вывод просителя, который пришел в канцелярию, где трудился Чичиков, противоречит обстоятельствам, излагаемым в пассаже. В восклицании персонажа *Чорт бы побрал бескорыстие и чиновное благородство!* звучат ноты возмущения не относительно неподкупности чиновников, а напротив, по поводу взяток, которые со временем увеличивались в размерах. Примечательно, что ирония реализуется в приведенном отрывке в рамках одного и того же пассажа в результате несоответствия эмоционально-оценочного суждения персонажа общей ситуации, представленной в контексте.

Использование многоточия при построении иронического нарратива в гоголевских текстах имеет экспрессивно-эмоциональную основу и свидетельствует о наличии в нарочито опущенной писателем информации авторского подтекста. Ср.: «Жена его... впрочем, они были

совершенно довольны друг другом. <...> Не мешает сделать еще замечание, что Манилова... но признаюсь, о дамах я очень боюсь говорить, да притом мне пора возвратиться к нашим героям, которые стояли уже несколько минут перед дверями гостиной, взаимно упрашивая друг друга пройти вперед» [13, с. 52–54]. Неодобрительная ироническая оценка актуализируется в результате неоднократного опущения автором информации о жене помещика Манилова в рамках фонового пассажа, поясняющего обстоятельства его встречи с Чичиковым. В первом случае автор кратко описывает Манилову опосредованно через отношения между супругами: *жена его... Впрочем, они были совершенно довольны друг другом*. Во втором случае писатель прибегает и вовсе к смене темы, возвращаясь к секвентивному пассажи: *Манилова... но признаюсь, о дамах я очень боюсь говорить, да притом мне пора возвратиться к нашим героям*. Таким образом, иронический нарратив в приведенном примере строится на следующем механизме: фоновый пассаж несколько раз прерывается за счет нарочитого включения в него объяснительных пассажей — авторских пояснений и примечаний.

В гоголевских произведениях для реализации иронии достаточно часто задействованы **фразеологические** единицы языка. Использование богатой палитры фразеологизмов, включающей и трансформированные единицы, — одна из типичных черт идиостиля Гоголя. Как известно, фразеологизмы обладают высокой степенью эмоциональности и «становятся одним из наиболее действенных языковых средств для создания того или иного художественного образа» [9, с. 136]. В ироническом нарративе роль фразеологизма состоит, во-первых, в его особой семантике, во-вторых, в неординарном употреблении фразеологизма в контексте, то есть в его ироническом переосмыслении, а в-третьих, в использовании фразеологической единицы в трансформированной форме с новой семантической и экспрессивно-оценочной составляющей. В нижеприведенном контексте ироническое переосмысление фразеологизма возникает вследствие несоответствия его словарного значения контекстуальному употреблению. Ср.: «Но все очень усомнились, чтобы Чичиков был капитан Копейкин, и нашли, что почтмейстер хватил уже слишком далеко. Впрочем, они, с своей стороны, тоже *не ударили лицом в грязь* и, наведенные остроумной догадкой почтмейстера, забрели едва ли не далее. Из числа многих, в своем роде, сметливых предположений наконец одно было, странно даже и сказать, что не есть ли Чичиков переодетый Наполеон...» [13, с. 244]. Разговорная фразеологическая единица с одобрительной окраской значения *не ударить лицом в грязь* 'показать себя с лучшей стороны; сделать ч.-л. наилучшим образом' [16, с. 698–699] получает в контексте излагаемого события о догадках чиновников относительно того, кем же был на самом деле Чичиков, противоположное значение. При этом ироническая оценка писателем чиновничьего общества включена в содержание секвентивного пассажа.

С точки зрения построения иронического нарратива Гоголя показательны трансформированные фразеологические единицы, которые

отличаются от фразеологизмов, закрепленных в словарях, как правило, по структурно-семантическому признаку. Гоголевские трансформированные фразеологизмы основаны на замене одного или нескольких лексических компонентов, вследствие чего фразеологическая единица получает новое значение, диссонирующее со значением подлинного фразеологизма. Ср.: «Артемий Филиппович. <...> Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор как я принял начальство, — может быть, вам покажется даже невероятным, — все как мухи выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком» [14, с. 194]. Замена смыслового глагола *мрут* (*дохнут*) в известной поговорке *мрут* (*дохнут*) как мухи 'погибают в огромном количестве' [16, с. 382] на глагол с антонимичным значением *выздоровливают* способствует наделению устойчивого выражения семантически положительной коннотацией. Вместе с тем при восприятии и интерпретации смысла трансформированной поговорки читатель в первую очередь обращается к семантике исходного фразеологизма, которая, в свою очередь, противоречит новой. Таким образом читатель распознает иронический подтекст, представленный в рамках секвентивного пассажа из комедии «Ревизор», где попечитель богоугодных заведений Артемий Филиппович хвастливо делится информацией с так называемым ревизором о невероятно быстром процессе выздоровления больных в доверенном ему лазарете.

Текстовый уровень реализации иронии в произведениях Гоголя характеризуется формированием сложного иронического образа, коррелирующего с лейтмотивом произведения и функционирующего в мегахонтексте. На текстовом уровне как на самом сложном уровне организации иронического нарратива Гоголя реализации иронии служат в первую очередь **интертекстуальные включения**, авторские отступления и общетекстовые повторы. К примеру, в следующем отрывке из поэмы «Мертвые души» автор при описании беседы между Софьей Ивановной и Анной Григорьевной о Чичикове дает отсылку к герою из романа Х. Вольпиуса: «— Да ведь нет, Анна Григорьевна, совсем не то, что вы полагаете. Вообразите себе только то, что является вооруженный с ног до головы вроде *Ринальда Ринальдина* и требует: “Продайте”, говорит, “все души, которые умерли”» [13, с. 220]. Как известно, Ринальд Ринальдин — романтический разбойник из одноименного романа Вольпиуса. Используя интертекстуальное включение в форме цитирования имени персонажа, автор старается в очередной раз обличить нечестную натуру Чичикова. Посредством создания аллюзивной отсылки к разбойнику Ринальду Ринальдину писатель намекает на тот факт, что сам Чичиков в действительности был таким же разбойником, обманывающим помещиков и скупающим «мертвые души». С точки зрения построения иронического нарратива интертекстуальное включение служит отправной точкой декодирования иронического смысла и выступает своего рода «переключателем» между повествуемым в произведении событием и событием, к которому отсылает интертекстуальное включение.

Гоголевская ирония зачастую актуализируется на уровне текста посредством **авторских комментариев**, которые прерывают повествование и становятся краткими авторскими обобщениями оценочного характера относительно актуальных проблем, освещаемых в произведениях. К примеру, в поэме «Мертвые души» автор нарочито прерывает беседу дам Анны Григорьевны и Софьи Ивановны и делает комментарий относительно включения в их речь французских слов и фраз. Таким образом, секвентивный пассаж разделяет объяснительный, включающий авторские оценочные пояснения относительно представленной в секвентивном пассаже информации. Ср: «— Позвольте же, позвольте же только рассказать вам... душенька, Анна Григорьевна, позвольте рассказать! *Ведь это история, понимаете ли: история, сконапел истоар*, — говорила гостя с выражением почти отчаяния и совершенно умоляющим голосом. *Не мешает заметить, что в разговор обеих дам вмешивалось очень много иностранных слов и целиком иногда длинные французские фразы. Но как ни исполнен автор благоговения к тем спасительным ползам, которые приносит французский язык России, как ни исполнен благоговения к похвальному обычаю нашего высшего общества, изъясняющегося на нем во все часы дня, конечно, из глубокого чувства любви к отчизне, но при всем том никак не решается внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму*» [13, с. 219]. Ирония достигается за счет создания дисгармоничного тона в контексте: с одной стороны, «красивая» речь дам высшего общества, наполненная французскими словами, с другой — неоднозначный комментарий автора относительно употребления в русской речи французского языка. В своем оценочном комментарии автор притворно восхваляет использование французских слов в русской речи, скрыто негодуя по поводу иррационального «загромождения» русского языка заимствованиями.

Посредством **общетекстового повтора** иронический смысл возникает в рамках нескольких отдаленных друг от друга пассажей, которые на уровне всего произведения или мегаконтекста в произведении формируют неявную оценку автора. Показателен в этом плане пример из повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»: «Сама тетушка заметила, что он будет хорошим хозяином, хотя, впрочем, не во все еще отрасли хозяйства позволяла ему вмешиваться. *“Воно ще молода дытына, — обыкновенно она говаривала, несмотря на то что Ивану Федоровичу было без малого сорок лет, — где ему все знать!”*» [12, с. 149]; «— Ну вот, уже и обиделся! — сказала тетушка. *“Ще молода дытына, — подумала она про себя, — ничего не знает!* нужно их свести вместе, пусть познакомятся!” <...> Но с этого времени она только и думала о том, как увидеть скорее своего племянника женатым и понянчить маленьких внучков» [12, с. 156]; «— Узнаешь, Иван Федорович, узнаешь, — промолвила, улыбаясь, тетушка и подумала про себя: — *“Куды ж! ще зовсим молода дытына, ничего не знает!”* — Да, Иван Федорович! — продолжала она вслух, — лучшей жены нельзя сыскать тебе, как Марья Григорьевна» [12, с. 158]. Многократный повтор тетушкой Шпоньки восклицания *Ще*

молода дытына, ничего не знает! (с незначительной модификацией восклицательного предложения при повторах) при описании различных событий, то есть в рамках различных секвентивных пассажей, заключающих в себе оценочные компоненты (ведение персонажем хозяйства, планы тетушки относительно женитьбы племянника, подбор племяннику кандидатуры в жены), актуализирует комплексную ироническую оценку автором персонажа Шпоньки. Герой предстает перед читателем как нерешительный и неуверенный в себе мужчина в возрасте почти сорока лет, за которого все проблемы решает его активная тетя. Как видно, обобщенную ироничную оценку персонажа писатель формирует постепенно, гармонично связывая между собой различные ситуации.

Выводы

Обобщая изложенное, отметим, что иронический нарратив Н. В. Гоголя — сложная система скрытых авторских оценок, функционирующих в произведениях писателя в нарочито созданных им ситуациях. Многогранность и неоднородность гоголевского иронического нарратива, заключающегося в отражении эмоционально-оценочного отношения автора к повествуемым событиям путем включения в содержание текста элементов, нарушающих логический смысл повествования, обусловлена как имплицитностью иронической оценки, так и особенностями идиостиля автора. Иронический нарратив Гоголя реализуется с помощью средств, относящихся к различным языковым уровням (лексических, синтаксических, фразеологических, текстовых) и отличающихся свойственными им механизмами иронического смыслообразования. Указанные средства экспликации иронии выступают так называемыми индикаторами переключения автора непосредственно с повествования на оценку повествуемого. При этом важно заметить, что с точки зрения особенностей и структуры нарратива в целом иронический нарратив Гоголя отличается разноплановостью построения. Наиболее частотно в произведениях писателя ирония актуализируется в результате смыслового диссонанса, возникающего непосредственно в содержании одного и того же пассажа, когда оценка автора «наслаивается» на повествование. Вместе с тем в гоголевском нарративе имеют место случаи, когда ирония возникает на стыке перехода от одного вида пассажа к другому — вследствие как того, что один вид пассажа прерывается за счет включения в его состав объяснительного(ых) пассажа(ей), так и того, что однотипные, отдаленные друг от друга пассажи взаимодействуют в произведении. При этом немаловажно следующее: иронический нарратив строится так, что внимание читателя при восприятии текста смещается на авторскую оценку, а описание определенных событий становится лишь условием для возникновения данной оценки. Кроме того, если проводить параллель между средствами реализации иронии и структурой нарратива в общем, то становится очевидным, что особенности структуры иронического нарратива во многом обусловлены спецификой самих разноуровневых средств выражения иронии.

Список литературы

1. *Андреева В. А.* Событие и художественный нарратив // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. №7 (21): Общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, экономика, право, история, социология). С. 44–57.
2. *Ваулина С. С., Булатая Е. В.* Ирония как средство характеристики персонажей в произведениях Н. В. Гоголя // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2019. Т. 18, №4. С. 200–209. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.15>.
3. *Заврумов З. А.* Иронический нарратив в художественном тексте: параметры когнитивного моделирования // Вестник РУДН. Сер.: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. №3. С. 117–123.
4. *Зырянов О. В.* Н. Гоголь и Д. Хармс: границы антропологического эксперимента // Н. В. Гоголь и его творческое наследие. Десятые Юбилейные Гоголевские чтения : материалы докл. междунар. науч. конф., Москва, 30 марта – 2 апреля 2010 г. М., 2010. С. 265–272.
5. *Кузнецова А. В.* Авторская модальность художественного текста в парадигме нарратологии // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. №4. С. 164–170. doi: [10.29025/2079-6021-2019-4-164-170](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-4-164-170).
6. *Плунгян В. А.* Предисловие: Дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. М., 2008. Вып. 4 : Грамматические категории в дискурсе. С. 7–36.
7. *Попова Т. И.* Нарратив и повествование: соотношение понятий // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2019. №2. С. 46–50.
8. *Троцук И. В.* Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2004. №6-7. С. 56–74.
9. *Шанский Н. М.* Лексика и фразеология современного русского языка. М., 1957.
10. *Шилихина К. М.* Иронический нарратив: особенности структуры текста // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. №1. С. 59–63.
11. *Labov W.* Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular. Philadelphia, 1972.
12. *Гоголь Н. В.* Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород. Минск, 1980.
13. *Гоголь Н. В.* Мертвые души. М., 1972.
14. *Гоголь Н. В.* Повести. Драматические произведения. Л., 1983.
15. *Словарь русского языка* : в 4 т. / РАН, Институт лингвистических исследований. М., 1999.
16. *Фёдоров А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц. М., 2008.

Об авторе

Елена Васильевна Булатая — канд. филол. наук, доц., Барановичский государственный университет, Барановичи, Республика Беларусь.

E-mail: bulataya87@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7948-5108>

E. V. Bulataya

PECULIARITIES OF GOGOL'S IRONIC NARRATIVE

Baranovichy State University, Republic of Belarus

Received 26 October 2022

Accepted 20 May 2023

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-4

To cite this article: Bulataya E. V. 2023, Peculiarities of Gogol's ironic narrative, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №3. P. 36—47. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-4.

47

The author identifies the features of ironic narration in general and the narrative of a literary work in particular. The main characteristics of irony as an independent textual category, encompassing hidden authorial evaluation, have been established. Based on the analysis of N. V. Gogol's works, it is concluded that the ironic narrative of the writer is built on mechanisms that generate contradiction in various contexts. Gogol's irony serves as an indicator of the author's transition from the direct presentation of events to their evaluation and is manifested through a range of lexical, syntactic, phraseological, and textual devices, which act as markers of semantic dissonance in the content of one or several passages.

Keywords: narrative, irony, ironic narrative, passage, implicit authorial evaluation, N. V. Gogol, literary text

The author

Dr. Elena V. Bulataya, Baranovichy State University, Republic of Belarus.

E-mail: bulataya87@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7948-5108>

Н. Г. Бабенко

**ЛИНГВОПОЭТИКА А. П. ЧЕХОВА:
АНСАМБЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ДЕТАЛЕЙ
ЧАСТЬ 1**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 11.08.2023 г.

Принята к публикации 22.09.2023 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-5

48

Для цитирования: Бабенко Н. Г. Лингвопоэтика А. П. Чехова: ансамбль художественных деталей. Часть 1 // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №3. С. 48–56. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-5.

Общепризнанным в отечественном и мировом чеховедении является положение о том, что художественная деталь как лингвопоэтический прием, микрообраз, средство передачи фактуальной / концептуальной / подтекстной информации – особо значимая черта идиостилия Чехова. Цель настоящей статьи – выявление и описание лингвопоэтических приемов введения деталей в текст, их актуализации или элиминации, эволюции значений и функций изобразительных подробностей. Анализ проведен на материале рассказа Чехова «Учитель словесности». Основным предметом рассмотрения стала лингвопоэтика создания ансамбля внешних и психологических деталей-подробностей, деталей-символов и деталей-транспозитов в каждом из двух смысловых блоков рассказа. Особое внимание уделено анализу образования и функционирования деталей-транспозитов, то есть подробностей в их контекстуально обусловленной семантической и функциональной эволюции. Применение комплексной методики исследования, сочетающей функционально-семантический, контекстологический, интерпретационный виды анализа, позволило прийти к выводу о доминирующей роли разнотипных художественных деталей в формировании и экспликации содержательно-концептуальной информации рассказа Чехова «Учитель словесности».

Ключевые слова: лингвопоэтика, Чехов, художественный прием, деталь-подробность, деталь-символ, деталь-транспозит, ансамбль деталей

Введение

Из обширной проблематики теории художественной детали как особо значимого мельчайшего компонента образной структуры художественного произведения основополагающим для нашего исследования является положение о том, что значение детали «не реализуется лексическим указательным минимумом, но требует участия всей художественной системы» [10, с. 114].

Существенно дополняет сказанное тезис о способности детали участвовать в формировании содержательно-подтекстной информации: «Деталь выходит за пределы собственно портрета, события, пейзажа и начинает имплицировать глубинный смысл» [16, с. 103].

Деталь может быть как моно-, так и полифункциональной. В соответствии с функциональной нагрузкой принято различать деталь-подробность и деталь-символ. Если деталь-символ является семантически и эстетически особо нагруженным и тем самым «выдвинутым», актуализированным компонентом художественного текста и средством формирования содержательно-концептуальной эксплицитной или имплицитной информации, то деталь-подробность фиксирует фоновые характеристики, частности условно-реального мира художественного текста и служит средством, доносящим до читателей преимущественно содержательно-фактуальную информацию. По мнению Е. С. Доби́на, различающего собственно деталь и подробность, «подробность воздействует во множестве. Деталь тяготеет к единичности. <...> Деталь интенсивна. Подробности экстенсивны. <...> Деталь стремится быть выделенной на первый план» [4, с. 304–305, 310]. Как нам представляется, таксономию деталей целесообразно дополнить деталью-транспозитом («подвижной», эволюционирующей деталью), занимающей срединное положение между фоновой деталью-подробностью и деталью «первого плана» — деталью-символом.

Каждая деталь в своей текстовой реализации представляет собой некий комплекс языковых средств (от слова, синтагмы до фразы), презентующих ее свойства и характеристики. Назовем этот комплекс языковых средств «контекстом детали». Как актуализированные детали-символы, так и «рядовые» детали-подробности тяготеют к участию в ансамбле деталей, контекст которого может быть равен сумме контекстов деталей — участников ансамбля, но чаще представляет собой контекст всего произведения, поскольку детали находятся в разнообразных смысловых связях и композиционных отношениях с другими составляющими структуры художественного текста.

Ансамбль деталей понимается нами как совокупность разнотипных деталей в их взаимодействии и функционально-семантической эволюции. Рассмотрение художественных деталей в составе ансамбля естественно и неизбежно ведет к интерпретации всего произведения, задача которой состоит в том, чтобы «прежде всего объяснить “лабиринт сцеплений”, т. е. структуру произведения, и показать, какие же элементы содержания, поддающиеся словесному изложению, вытекают из этой структуры и как они соотносятся между собой, не претендуя при этом на стопроцентное извлечение смысла» [5, с. 93]. Толстовская формула «бесконечный лабиринт сцеплений» в полной мере отвечает сути лингвопоэтики создания ансамбля деталей. Анализ «лабиринта сцеплений» в ансамбле разнотипных деталей рассказа Чехова «Учитель словесности» и является целью настоящего исследования.

Лингвопоэтика деталей-подробностей

В рассказе «Учитель словесности» перед читателем открываются две контрастные по своему эмоционально-интеллектуальному настрою и событийному содержанию страницы жизни Никитина, учителя словесности губернской гимназии. И если первая страница окрашена эмоцией радостного мироощущения влюбленного человека, предчувствия и обретения им семейного счастья, то вторая (финальная) говорит о тяжелейшем нравственном кризисе Никитина, полной переоценке им самого себя и всего окружающего. К такой версии контекстно-вариативного членения рассказа естественно приходит даже самый простодушный читатель, не осознающий, что его восприятием литературного произведения «руководят» лингвопоэтические приемы, посредством которых создается

– во-первых, мажорно-идиллическая тональность первого смыслового блока рассказа и минорно-драматическая тональность второго блока;

– во-вторых, «окрашивание» соответствующей тональностью всех или особо значимых деталей, функционирующих в рассказе;

– в-третьих, эмотивная и аксиологическая транспозиция деталей в контексте их ансамбля и в контексте всего произведения.

Признавая прием «монтажным ходом, процедурным шагом в деле создания речевой формы произведения» [9, с. 139], постараемся эксплицировать «монтажные шаги» создания и функционирования ансамбля деталей в эмотивно-концептуальном пространстве рассказа «Учитель словесности».

Мажорно-идиллическая тональность первого смыслового блока рассказа достигается

– выдвиганием аффективов *радость* и *счастье* в качестве ключевых слов, эксплицирующих эмоциональное состояние главного героя: *глядел с радостью; вскрикнув от радости; о, радость!; я бесконечно счастлив с тобой, моя радость; счастье... я... казалось... брал руками; счастье – явление вполне естественное; счастье создал я сам и владею им по праву;*

– массивным употреблением лексики различных частей речи, в той или иной степени эмоционально созвучной *радости* и *счастью*: *глядел... с умилением; слова венчальных молитв... наполняли меня торжеством; мечтал ли он о будущем, вспоминал ли о прошлом, – все у него вышло одинаково прекрасно, похоже на сказку;*

– использованием конструкций восходящей градации: [Никитин] *глядел с радостью... с восторгом; счастье... полное... счастье; мне было мягко, удобно и уютно, как никогда в жизни; самыми счастливыми днями у него были теперь воскресенья и праздники;*

– употреблением восклицательных предложений: *Дом, в котором стонут одни только египетские голуби, да и те потому, что иначе не умеют выражать своей радости! Я думал: как расцвела, как поэтически красиво сложилась в последнее время моя жизнь! Как хорошо!*

Большинство вне контекста неэмоциональных, нейтральных внешних деталей-подробностей в первом смысловом блоке рассказа заряже-

но мажорно-идиллической тональностью. Оставаясь подробностями, эти детали становятся экспрессивно и эмоционально маркированными, антропоцентричными. Так, флористические (*акация, сирень, тюльпаны, ирисы, травы, рожь, пшеница, дубы, клены, липы, яблони, груши, черешни*), зоологические (*лошади, голуби*), «музыкальные» (*музыка, рояль, оркестр, балалайка*), гастрономические (*варенье, масло, сухари, чай, молоко, сметана*), «индустриальные» (*пивоваренный завод, поезд*) детали-подробности эксплицируют мозаику жизни, видимую (*земля, небо, городские огни, черный силуэт пивоваренного завода – все сливалось у него в глазах во что-то очень хорошее и ласковое*), слышимую (*В городском саду уже играла музыка. Лошади звонко стучали по мостовой; со всех сторон слышались смех, говор, хлопанье калиток*), обоняемую (*белая акация и сирень пахнут так сильно, что, кажется, воздух и сами деревья стыннут от своего запаха*), «вкушаемую» (*После прогулки верхом чай, варенье, сухари и масло оказались очень вкусными*) молодым и счастливо влюбленным человеком, и тем самым гармонично и согласованно функционируют в составе ансамбля деталей первого смыслового блока рассказа.

Лингвопоэтическим приемом контрастной смены контекста музыкальной детали-подробности в пределах идиллической части рассказа (в описании свадьбы) текст подает читателю тревожный сигнал: *В передней плохая музыка играла туши и всякий вздор*. Радующая, ласкающая слух музыка, ранее звучавшая в городе в унисон эмоциональному состоянию Никитина, получает однозначно отрицательную оценку (*плохая, всякий вздор*). Такой знак является маркером внутритекстового сюжетного рубежа, его функция — деавтоматизировать чтение, насторожить реципиента, погруженного в мажорно-идиллическую ауру левого контекста рассказа, и побудить его пристально вчитываться в правый контекст, в котором знаки неблагополучия множатся, пока иллюзия прекрасной сказки не иссякает и со слов *Как-то Великим постом в полночь возвращался он домой из клуба, где играл в карты* не станет очевидным переход к другой — минорно-драматической тональности повествования.

Тональность второго смыслового блока рассказа «Учитель словесности» создается такими лингвопоэтическими приемами, как

— выдвигание в качестве ключевой аффективной синтагмы *тяжелая злоба*, эксплицирующей всплеск отрицательной эмоции, крайнюю степень нервного и интеллектуального раздражения, кризисного состояния главного героя рассказа: *Тяжелая злоба, точно холодный молоток, повернулась в его душе;*

— массивное употребление негативно заряженных синтагм и предложений: *дурной знак; дурно поступил; начиная чувствовать раздражение; проговорил с ужасом; захотелось сказать Мане что-нибудь грубое и даже вскочить и ударить ее; мысли пугали Никитина; покой потерян; счастье для него уже невозможно;*

— частотное использование средств негации: *неприятно, нехорошо, не хотелось ни спать, ни лежать; он вовсе не педагог; бездарный и безличный; недовольство жизнью; молодые люди ненадежны; не нужно ни с кем разговаривать;*

– употребление восклицательных предложений: *Вы не читали даже Лессинга! Как вы отстали! Боже, как вы опустились! Какой вздор! Что за чепуха! Где я, боже мой?! Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума!*

– введение внешних (обонятельных, погодных) и психологических (ситуативно-оценочных) деталей, контрастно противопоставленных тематически однородным деталям первого смыслового блока рассказа: *В комнатах всегда, особенно по утрам, пахло, как в зверинце, и этого запаха ничем нельзя было заглушить* (в первом блоке: *белая акация и сирень пахнут так сильно, что, кажется, воздух и сами деревья стыннут от своего запаха*); *Шел дождь, было темно и грязно* (в первом блоке: *А как тепло, как мягки на вид облака, разбросанные в беспорядке по небу, как кротки и уютны тени тополей и акаций*); – *Фу! как нехорошо!* (в первом блоке: *Как хорошо!*);

– элиминация или резкое сокращение количества значимых в первом смысловом блоке рассказа деталей. Например, в «кризисном» блоке рассказа исчезли детали, эксплицирующие «звуковую жизнь» внешнего мира (*звуки музыки, звон копыт, смех, хлопанье калиток и др.*), осталось только ворчание любимицы Мани – вечно злой собачонки Мушки (*Prrr... нга-нга-нга...*).

Минорно-драматическая тональность присуща не всем составляющим ансамбля деталей второго смыслового блока рассказа: остаются нейтральными некоторые гастрономические (*вода, кофе, мороженое*), предметные (*подушка, ковер, шарабан*) детали-подробности. Их незаряженность экспрессией и оценкой не делает их нефункциональными, «пустыми», поскольку «всякая деталь – всегда часть целого, функция части – обеспечение представления и характеристика целого» [7, с. 95]. В нашем случае назначение нейтральных деталей-подробностей уместно определить не как «характеристику целого», а как «обеспечение представления». Такие детали можно признать одним из проявлений чеховского случайного: «Случайное не облекает главное, как скорлупа, которую можно отшелушить, чтобы добраться до ядра. Случайное существует рядом с главным и вместе с ним...» [13, с. 47].

Лингвопоэтика деталей-транспозитов

Как известно, транспозиция (в широком понимании этого термина) представляет собой процесс преобразования, в котором «различается три элемента: транспонируемое, средство транспозиции (транспозитор) и транспозит (результат транспозиции)» [3, с. 126]. В приложении к процессу семантической и функциональной эволюции детали транспонируемым является деталь-подробность, транспозитором – преобразующий ее контекст, а транспозитом – либо деталь в ее новом, более высоком статусе (но еще не символ), либо деталь-символ.

Обратимся к примерам. Рассмотрим, как поэтапно реализуется прием транспозиции (укрупнения, «вызревания») ситуативной детали-подробности «*Вы не читали Лессинга!*», как сюжетная частность вырастает в особо значимую культурную деталь.

Этап первый. Шебалдин в ответ на признание Никитина в незнании книги Лессинга «Гамбургская драматургия» *ужаснулся и замахал руками так, как будто ожег себе пальцы, и, ничего не говоря, попятился от Никитина*. Внутренняя ответная реплика Никитина на бессловесную реакцию собеседника окрашена модальностью долженствования: *В самом деле неловко. Я — учитель словесности, а до сих пор еще не читал Лессинга. Надо будет прочесть*.

Этап второй. Повтор культурной детали-подробности происходит во сне Никитина: *Тут он увидел дубы и вороньи гнезда, похожие на шапки. Одно гнездо закачалось, выглянул из него Шебалдин и громко крикнул: «Вы не читали Лессинга!». Никитин вздрогнул всем телом и открыл глаза*.

По мысли В.И. Шаховского, не только языковая мысль-эмоция, но и «неязыковая мысль-эмоция также участвует в экспликации эмоционального континуума персонажа» [14, с. 248]. Телесная реакция нашего героя на упрек-выкрик добавляет эмоцию страха / испуга в эмоциональный континуум Никитина, а сумбурно-абсурдное видение актуализирует деталь «*Вы не читали Лессинга!*».

Этап третий. Внезапное воспоминание о непрочитанном Лессинге возникает на «волне» мыслей Никитина о счастье: *Он быстро разделся и быстро лег, чтобы поскорее начать думать о своем счастье, о Манюсе, о будущем, улыбнулся и вдруг вспомнил, что он не читал еще Лессинга. «Надо будет прочесть... — подумал он. — Впрочем, зачем мне его читать? Ну его к чёрту!»* Как видим, на пике торжества счастливой эмоции побеждает модальность отрицания необходимости интеллектуального труда.

Этап четвертый — этап реализации сформировавшейся художественной детали, эксплицирующей глубину самоосуждения героя, его самоотчуждения от малого и душного мирка семейного счастья, его стремления в большой мир трудов и свершений: *Ему захотелось чего-нибудь такого, что захватило бы его до забвения самого себя, до равнодушия к личному счастью, ощущения которого так однообразны. И в воображении вдруг, как живой, вырос бритый Шебалдин и проговорил с ужасом: «Вы не читали даже Лессинга! Как вы отстали! Боже, как вы опустили!»*.

Во что же преобразилась ситуативная деталь «не читал Лессинга»? То, что она перестала быть деталью-подробностью и стала деталью-транспозитом, несомненно. Но можно ли считать, что в результате транспозиции родился новый символ? Обдумывая этот вопрос, полезно обратиться к суждениям Л.В. Щербы о том, что «сама форма, сам материал незыблемы по существу, и в восприятии... может происходить лишь ослабление одних элементов и усиление других за их счет и, конечно, по-разному у разных индивидуумов» [15, с. 31]. О том же, но в другой терминологии высказывается Ж. Женетт: «Колебаться может перцептивное внимание читателя и его чувствительность к той или иной модальной ощутимости» [6, с. 438]. Очевидно, сфере индивидуальной «модальной ощутимости» и принадлежит расподобление детали-транспозита в финальной фазе преобразования и детали-символа, производной от детали-подробности.

Сказанное относится и к деталям *розан, кувшины с молоком, горшочки со сметаной*, которые в идиллическом блоке рассказа функционируют как подробности идиллической жизни персонажей, а в «кризисном» — как особо значимые детали-транспозиты — проводники отрицательной оценки и экспрессии. Приведем пример повторного употребления детали-метафоры *розан*:

Он взглянул на ее шею, полные плечи и грудь и вспомнил слово, которое когда-то в церкви сказал бригадный генерал: розан. «Розан», — пробормотал он и засмеялся.

По наблюдению Е. М. Вольф, «в оценочных выражениях субъективное и объективное неразрывно связаны, образуя континуум, где та и другая сторона нарастают / убывают обратно пропорционально друг другу» [1, с. 27–28]. Юная жена Никитина объективно достойна быть уподобленной *розану*, о чем и говорит в неуместной на венчании манере генерал. *Розан* в устах недобро засмеявшегося героя рассказа оказывается субъективно нагружен отрицательной оценкой, но не собственно прелестей жены, а того мирка, в котором *спокойно и сладко живет*ся ему [самому Никитину] *и коту*, и, конечно, *Манюсе*, которая *мармеладу наелась*. Гастрономическая деталь-подробность *мармелад* в контакте с глаголом *наестся* ('поест вдоволь, досыта') и фраземой *сладко живет*ся в контексте личностного кризиса главного героя может проецироваться читателем на Никитина (это он действительно наелся досыта, переел сладкой жизни) и интерпретироваться как отрицательно оценочная психологическая деталь-транспозит.

Диминутив *мирок* в контексте рассказа совмещает в своей семантике несовместимое — ласкательную и уничижительную коннотации. В этот мирок *мягкого лампадного света, улыбающегося тихому семейному счастью*, так стремился наш герой в первой части рассказа, и из этого же мирка он так стремится сбежать *в другой мир* в финале истории:

Где я, боже мой?! Меня окружает пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины... Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости. Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума!

И. Б. Левонтина, рассуждая о пошлости в координатах прекрасного и безобразного, по-чеховски «видит» оскорбительность пошлости для рефлексирующего человека: «Пошлое гораздо хуже безобразного. Безобразное контрастирует с прекрасным, тем самым только подтверждая наше представление о красоте. Пошлость компрометирует прекрасное, потому что обычно подражает ему и пародия иногда лишь неуловимо отличается от оригинала. Но пошлость убивает в каждом явлении то, что составляет его сокровенный смысл, и поэтому она невыносимо оскорбительна для вкуса» [11, с. 232]. В современной концептологии признается, что интерпретационное поле культурного концепта (а таковым и является концепт «пошлость») имеет предметно-образную, понятийную и оценочную составляющие [2; 8; 12]. Можно сказать, что Чехов в рассказе «Учитель словесности» посредством лингвопоэтики художественной детали осуществил концептуальный анализ лингвокультурного концепта «пошлость».

Выводы

Согласно авторским интенциям, в образную структуру рассказа «Учитель словесности» введены два ансамбля художественных деталей, большинство составляющих каждого из которых в полной мере отвечает тональности (мажорно-идиллической или минорно-драматической) соответствующего смыслового блока рассказа.

Ансамбль деталей «радостного мироощущения» и ансамбль деталей «кризисного мироощущения», находясь в активном взаимодействии, обеспечивают выражение концептуальных смыслов произведения.

Из массы тематически разнообразных деталей-подробностей в определенных контекстных условиях выделяются детали, способные к семантической и функциональной эволюции, — детали-транспозиты.

Как показал проведенный лингвопоэтический анализ, в рассказе Чехова «Учитель словесности» получили индивидуально-авторскую интерпретацию предметно-образный, понятийный и оценочный аспекты концепта «пошлость».

Список литературы

1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2002.
2. Воркачев С. Г. Лингвокогнитивный концепт: типология и области бытования. М., 2007.
3. Гак В. Г. Транспозиция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
4. Добин Е. С. Сюжет и действительность; Искусство детали. Л., 1981.
5. Долинин К. А. Интерпретация текста. М., 2005.
6. Женетт Ж. Фигуры : в 2 т. М., 1998. Т. 2.
7. Заика В. И. Очерки по теории художественной речи. Великий Новгород, 2006.
8. Карасик В. И. Языковые ключи. М., 2009.
9. Климовская Г. И. Тонкий мир смыслов художественного (прозаического) текста. Методологический и теоретический очерк лингвопоэтики. Томск, 2009.
10. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М., 1988.
11. Левонтина И. Б. Осторожно, пошлость! // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М., 2004. С. 231 – 250.
12. Попова З. Д. Общее языкознание. М., 2010.
13. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М., 1971.
14. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008.
15. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
16. Щирова И. А., Тураева З. Я. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы. СПб., 2005.

Об авторе

Наталья Григорьевна Бабенко — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: NBabenko@kantiana.ru

N. G. Babenko

**LINGUOPOETICS OF A. P. CHEKHOV:
ENSEMBLE OF ARTISTIC DETAILS. PART 1**

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 11 August 2023

Accepted 22 September 2023

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-5

56

To cite this article: Babenko N.G. 2023, Linguopoetics of A.P. Chekhov: ensemble of artistic details. Part 1, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №3. P. 48 – 56. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-5.

The universally recognized position in both Russian and global Chekhov studies is that the artistic detail, as a linguistic-poetic device, micro-image, a means of conveying factual/conceptual/subtextual information, is a particularly significant feature of Chekhov's idiolect. The aim of this article is to identify and describe the linguistic-poetic techniques of introducing details into the text, their actualization or elimination, the evolution of meanings, and the functions of illustrative details. The analysis is conducted on the material of Chekhov's story "The Teacher of Literature." The main focus of the study is the linguistics of creating an ensemble of external and psychological details, symbolic details, and transposing details in each of the two narrative blocks of the story. Special attention is given to the analysis of the formation and functioning of transposing details, i.e., details in their contextually conditioned semantic and functional evolution. The application of a comprehensive research methodology, combining functional-semantic, contextual, and interpretational types of analysis, allows for the conclusion about the dominant role of diverse artistic details in shaping and explicating the content-conceptual information of Chekhov's story "The Teacher of Literature."

Keywords: linguopoetics, Chekhov, artistic device, detail-particular, detail-symbol, detail-transposition, ensemble of details

The author

Prof. Natalia G. Babenko, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: NBabenco@kantiana.ru

УДК 811.111; 821.111

А. В. Колесникова, Л. М. Бондарева

**ФУНКЦИИ СЛОВ-РЕАЛИЙ В РОМАНЕ С. РУШДИ
«ДЕТИ ПОЛУНОЧИ»**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 18.07.2023 г.

Принята к публикации 25.08.2023 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-6

57

Для цитирования: Колесникова А. В., Бондарева Л. М. Функции слов-реалий в романе С. Рушди «Дети полуночи» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №3. С. 57 – 67. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-6.

Рассмотрены особенности функционирования слов-реалий в тексте романа С. Рушди «Дети полуночи» (Midnight's Children). Осуществляется делимитация термина «слова-реалии» в его сопоставлении с понятием «реалии». Отмечена языковая специфика романа, состоящая в интенционально обусловленном включении в текст без соответствующего авторского комментария экзотической лексики, смысл которой может быть понят иноязычным читателем только в рамках конкретного контекста. Выделены лексико-семантические группы слов-реалий, способствующих созданию национально-культурного колорита и референциально соотносящихся с локальными объектами и популярными блюдами индийской национальной кухни. Охарактеризована роль топонимов, заключающаяся в структурировании локальных координат текстового континуума. Доказано, что номинации национальных блюд, использованные автором, служат для интенсификации развития сюжетных линий художественного повествования. Слова-реалии данной группы функционируют в тексте романа в качестве средств создания социального колорита, маркеров значимых событий в жизни персонажей, индикаторов эмоционального состояния героев, экспликаторов ретроспективной ментально-когнитивной деятельности субъективного повествователя, а также выступают в роли организующего звена кольцевой композиции романа.

Ключевые слова: слова-реалии, национально-культурный колорит, лексико-семантические группы, топонимы, национальные блюда

Существование в истории человечества разнообразных культур обуславливает наличие в обществе различных менталитетов, которые находят свое отражение в концептуальной картине мира каждой конкретной нации [9]. Данная картина мира играет важную роль в накоплении и передаче культурной информации и вербализуется в рамках национальной языковой картины мира, носителями которой, помимо

прочих языковых единиц, нередко выступают лексемы, определяемые как «экзотизмы» [13], «безэквивалентная лексика» [3], «алиенизмы» [2], «культуронимы» [6], «культурные слова» [14], «реалии» [11] и пр. [4; 10].

Все указанные термины референциально соотносятся с реалиями, то есть предметами и явлениями действительности, характерными для жизни определенного народа и не имеющими соответствия в культуре и быту других национальных сообществ. Как указывается в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, под реалиями следует понимать «разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой... с точки зрения их отражения в данном языке» [1, с. 381].

58

Однако нередко лингвисты и культурологи, занимающиеся изучением подобной лексики, именуют термином «реалии» сами языковые единицы, не проводя при этом границу между номинацией и именуемым ею денотатом. Подобная точка зрения выражена, например, в дефиниции, сформулированной болгарскими учеными С. Влаховым и С. Флориным, которые понимают под *реалиями* «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и / или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках» [5, с. 47].

На наш взгляд, в рамках данного контекста во избежание затемнения смысла высказываний целесообразно употреблять однозначный термин «*слова-реалии*» (далее СР), обозначающий компонент стилистически дифференцированного словарного состава любого национального языка. Основным назначением СР представляется их использование в качестве средства создания в тексте темпорального, локального, социального, шире — национально-культурного и иных видов колорита.

Понятно, что особую актуальность СР играют в текстах мигрантского дискурса, в которых неизбежно репрезентируются национально-культурные особенности менталитета народа, представителем которого является автор художественного произведения.

Одним из таких писателей можно считать всемирно известного британского литератора индийского происхождения, дважды лауреата Букеровской премии Салмана Ахмеда Рушди, первый успех к которому пришел после публикации романа «Дети полуночи» (*Midnight's Children*). Этот роман, впервые опубликованный в 1981 г., принадлежит к жанру магического реализма, органично соединяющего в себе реалистические и фантастические элементы [8, с. 362].

Важно подчеркнуть, что при создании данного произведения центральным для автора был вопрос языка, как утверждал сам Салман Рушди в интервью, посвященном 40-летию романа «Дети полуночи». Автор сознательно нарушает правила литературного английского языка ради акцентуации национально-культурного компонента произведения. Он стремится по возможности передать языковое многообразие Индии, где пять официальных языков — хинди, урду, гуджарати, маратхи и английский — не только сосуществуют, но еще используются

как «смесь», на которой, в частности, объясняются жители Бомбея, где используется специфический местный уличный сленг «бамбая», непонятный остальным жителям страны. Подсказку начинающему автору дал Филип Рот — американский писатель еврейского происхождения, часто вставляющий в свои произведения непереусленные слова на идише. Именно по его примеру С. Рушди решил наполнить роман национально маркированными словами экзотического характера, значение которых читатель, не обладающий обширными фоновыми знаниями или знанием индийского языка, может лишь приблизительно понять из контекста (см.: [7; 16; 17]).

В процессе исследования особенностей языковой репрезентации национально- культурного колорита в романе «Дети полуночи» нам удалось выявить ряд лексико-семантических групп, содержащих СР, среди которых в рамках данной статьи уделяется внимание топонимам и номинациям традиционных индийских блюд.

Обратимся к рассмотрению функций топонимов, референциально соотносящихся с местами, в которых происходят главные события романа. Номинацией одного из таких мест является урбаноним Бомбей. Бомбей (ныне Мумбаи) — город, расположенный на западе Индии на побережье Аравийского моря, именно здесь родился и вырос главный герой романа Салем Синай. Рядом с упоминанием Бомбея в тексте нередко фигурирует англоязычный годоним *Marine Drive*, — название приморской улицы, играющей важную роль в повествовании. На *Marine Drive* расположен главный пляж города *Chowpatty Beach*, соответствующий микропонимом также часто появляется в одном контексте с годонимом *Marine Drive*.

Например, при описании прогулки доктора Нарликара, близкого друга отца Салема Синай, а также владельца клиники, в которой родился Салем:

Doctor Narlikar had been visiting friends near Marine Drive; at the end of the visit, he had resolved to stroll down to Chowpatty Beach [15, p. 189] (здесь и далее все выделения в цитатах принадлежат авторам статьи);

...it (школьный автобус. — А. К., Л. Б.) clattered past Chowpatty Beach, as it turned left off Marine Drive beside the apartment [15, p. 136].

Следует отметить амбивалентность описания пляжа в романе: хотя *Chowpatty Beach* пользуется большой популярностью в Бомбее, он представляет собой довольно грязное и бедное место, что в известной мере отражает реалии индийского быта в целом:

Chowpatty, at least, was much the same: a dirty strip of sand pickpockets, and strollers, and vendors of hot-channa-channa-hot, but further down Marine Drive I (рассказчик Салем Синай. — А. К., Л. Б.) saw what tetrapods had achieved... [15, p. 470].

Сама улица *Marine Drive* является местом притяжения сценаристов и деятелей индийского кинобизнеса, благодаря чему жители города получают временную оплачиваемую работу, а места, расположенные в пределах съемочной площадки, привлекают людей, стремящихся реализовать свои надежды и амбиции. В кафе *The Pioneer*, расположенном на *Marine Drive*, сценаристы подбирают массовку для своих фильмов:

For half an hour each morning, when D. W. Rama Studios and Filmistan Talkies and R K Films were taking their pick, the Pioneer was the focus of all the city's ambitions and hopes; then the studio scouts left, accompanied by the day's lucky ones, and the Café emptied into its habitual, neon-lit torpor [15, p. 230].

Стоит также отметить, что неподалеку от *Chowpatty Beach* расположен другой, не менее популярный пляж, называющийся *Juhu Beach*, являющийся местом отдыха кинозвезд и богатых людей, здесь находится известный фешенебельный отель *Sun' n' Sand*, в котором размещаются гости города:

Anand "Andy" Shroff, businessman-playboy, who is to be found on most days tanning himself at the Sun' n' Sand Hotel on Juhu Beach, amid film-stars and disenfranchised princesses [15, p. 47];

On Juhu Beach, under the languid gaze of film stars at the Sun 'n' Sand hotel, small boys still shin up coconut palms and bring down the bearded fruit [15, p. 103].

На *Juhu Beach* происходят многие ключевые события жизни героя романа. В главе *Love in Bombay*, где описывается история влюбленности Салема в одноклассницу Эви Бернс, пляж фигурирует как место их постоянных встреч:

No arguments; I knew then that I had fallen in love. At Juhu Beach with Evie: she won the camel-races, could drink more coconut milk than any of us, could open her eyes under the sharp salt water of the Arabian Sea [15, p. 197].

Детализации локального колорита в данном текстовом примере также способствует пелагоним *Arabian Sea* – номинация Аравийского моря, омывающего пляжи Бомбея.

Следующей важной лексико-семантической группой СР, рассмотренной нами в процессе исследования, стали названия популярных блюд индийской кухни и, в особенности, кушаний, характерных для Бомбея – родного города и для Салема, и для автора романа. Упоминание разнообразия и богатства индийской кухни занимает одну из ведущих позиций в романе, что служит усилению национально-культурного колорита повествования.

Впервые мы встречаемся с неизвестной читателю едой под названием *bhel-puri* в середине произведения, в момент прогулки доктора Нарликара вдоль пляжей Бомбея, и по первым строчкам достаточно сложно понять, что именно представляет собой это угощение, поскольку в тексте нет ни перевода номинации, ни сведений о вкусовых особенностях продукта:

*<...> he (Dr. Narlikar) had resolved to stroll down to Chowpatty Beach and buy himself some *bhel-puri* [15, p. 189].*

Далее на протяжении всего произведения номинация *bhel-puri* встречается неоднократно, причем ситуации и местность, при описании которых употребляется название блюда, соотносятся с районами, населенными беднотой и представителями преступного мира. В результате читатель может предположить, что речь идет о популярном и дешевом угощении, доступном для любого жителя Бомбея. В подобном контексте интерпретируемое слово-реалия становится средством создания социального колорита повествования.

Подтверждением этому служит и цитируемый ниже фрагмент романа, где описывается кафе *The Pioneer*, в котором продается *bhel-puri*: грязные окна заведения наряду с грязной посудой вызывают впечатлительные социально неблагополучного района, а посетители относятся к людям с низким социальным статусом и незавидным материальным положением. Особенно сильно это обстоятельство бросается в глаза при сравнении кафе с модными и гламурными заведениями в зажиточной части города, в которых также, как об этом свидетельствует название последнего из перечисленных кафе (ср.: *BHELPURI-BOMBAY FASHION*), можно полакомиться *bhel-puri*, но, естественно, в другой обстановке и по другим ценам:

Dirty glass in the window; dirty glasses on the tables – the Pioneer Café was not much when compared to the Gaylords and Kwalitys of the city’s more glamorous parts; a real rutputty joint, with painted boards proclaiming LOVELY LASSI and FUNTABULOUS FALOODA and BHEL-PURIBOMBAY FASHION [15, p. 229].

В результате мы получаем дополнительную информацию о том, что упоминаемое индийское блюдо пользуется популярностью у всех слоев населения и может продаваться повсюду.

Вполне закономерно этот вид еды служит неотъемлемым компонентом пляжной жизни и в зоне отдыха *Chowpatty*, которая, по сути, представляет собой полосу грязного песка с разгуливающими по ней бродягами и карманниками:

Chowpatty, at least, was much the same: a dirty strip of sand aswarm with pickpockets, and strollers..., of kulfi and bhel-puri... [15, p. 470].

Безусловно, читатель, не знакомый с индийскими реалиями и желающий расширить фоновые знания, вполне может обратиться к соответствующим интернет-источникам, чтобы понять, что же на самом деле представляет собой это национальное блюдо. Оказывается, CP *bhel-puri* обозначает разновидность уличной закуски из хрустящего риса с добавлением кислых, сладких или острых специй [25].

В последнем процитированном примере обращает на себя внимание функционирование еще одного CP – *kulfi*, соотносящегося с продуктом, который продается вместе с *bhel-puri* и принадлежит к традиционным индийским десертам, будучи разновидностью индийского мороженого [21].

В следующем эпизоде романа, где Салем вспоминает о своем детстве, встречаются, помимо уже известного *kulfi*, CP *laddoos* и *pista-ki-lauz*, входящие в перечислительный ряд тех угощений, которыми бывшая няня Мари Перейра хочет накормить исхудавшего, на ее взгляд, мальчика Салема. Это происходит во время визита Салема и его дяди Ханифа Азиза к воспитательнице рассказчика. Исходя из того, что Салем – ребенок, читатель может предположить, что все указанные блюда являются вкусными и калорийными. Согласно интернет-источникам номинация *laddoos* служит обозначением десерта, в состав которого входят манная крупа, мука, орехи, сладкие специи. *Laddoos* является любимым угощением не только детей, но и взрослых [24]. А CP *pista-ki-lauz* соотносится с очередной разновидностью индийского мороженого [22]:

...He (дядя Ханиф. — А.К., Л.Б.) *wallops me in the back, toppling me forwards into Mary's arms. Mary, hastily, "But so thin, Jesus! They haven't been feeding you properly? You want cornflour pudding? Banana mashed with milk? Did they give you chips?" <...> And Hanif booms, "Yes, tickety-boo! The boy is really ship-shape! <...> And talking at the same time is Mary Pereira, "Chocolate cake," she is promising, "laddoos, pista-ki-lauz, meat samosas, kulfi. So thin you got, baba, the wind will blow you away"* [15, p. 254].

Интерес вызывает и номинация индийского блюда *khichri*, которое, судя по описанию, представляет собой название кушанья, подобного русской каше, что подтверждается комментарием в интернет-источнике [18]. Салем рассказывает, что при приготовлении *khichri* нужно его постоянно помешивать, а в одном из эпизодов речь идет о том, что *khichri* подается обычно на завтрак:

...*my mother stood in her kitchen stirring khichri for breakfast...* [15, p. 78].

При этом упоминание CP *khichri* в тексте романа нередко связано с повествованием о тех или иных значимых событиях в жизни героев. Так, например, когда мать Салема Амина ела *khichri*, в их доме появилась банда вымогателей, потребовавшая выкуп за склад, который отец главного героя содержал на контролируемой ими территории:

"Pay?" *Amina interrupts. "Pay whom? Pay what? Husband, janum, life of mine, what is happening here?" ...leaving behind uneaten khichri... and hanging in the air the name of Ravana... "a gang of ne'er-do-wells, Madam; unscrupulous cutthroats and bounders to a man"* [15, p. 80].

Номинация *khichri* становится маркером одного из событий, которое имеет прямое отношение к судьбе рассказчика и содержанию всего романа в целом. Салем вспоминает, как его биологическая мать Амина помогла одному местному индусу избежать гнева разъяренной толпы иноверцев. Всем известный в Бомбее человек по имени *Lifafa Das* развлекал детей и взрослых своим причудливым изобретением — аппаратом *Dilli dekho*, внутри которого находились картинки с изображением различных достопримечательностей. Во время одного из таких представлений в мусульманском квартале возник небольшой конфликт, вследствие чего изобретателя назвали «индусом», которому не место в районе, где живут одни мусульмане. Перед лицом пылающих ненавистью зрителей на защиту *Lifafa Das* встает Амина, которая, пытаясь ослабить накал страстей и упрекая людей в негуманном отношении друг к другу, одновременно заявляет о своей беременности, о чем до сих пор не знал даже ее муж. Однако Амина и не подозревает, что этот благой поступок обернется для нее и ее семьи бедой, и она никогда не увидит своего ребенка. Примечательно, что все происходит в тот момент, когда Амина ест *khichri*:

"Listen," *my mother shouted, "Listen well. I am with child. I am a mother who will have a child, and I am giving this man my shelter. Come on now, if you want to kill, kill a mother also and show the world what men you are!" That was how it came about that my arrival — the coming of Saleem Sinai — was announced to the assembled masses of the people before my father had heard about it. From the moment of my conception, it seems, I have been public property. But although my mother was right when she made her public announcement, she was also wrong.*

This is why: the baby she was carrying did not turn out to be her son. My mother... was prevented by Zohra and khichri and clattering feet from telling her husband her news; heard screams; made a public announcement. And it worked. My annunciation saved a life [15, p. 86].

В одном из фрагментов романа CP *biriani* и *nargisi kofta*, будучи номинациями очередных индийских национальных блюд, выполняют функцию маркеров эмоционального состояния Алии — тети Салема, которая осталась старой девой и постоянно переживала по этому поводу, что ощущалось, как образно говорит рассказчик, даже в тех кушаньях, которыми она угощала своих гостей:

...*she* (Алия. — А.К., Л.Б.) *fed us the birianis of dissension and the nargisi koftas of discord...* [15, p. 346].

Biriani является не чем иным, как вторым блюдом из риса сорта басмати с добавлением мяса, рыбы или овощей в сочетании со всевозможными специями и соусом [20], а под *nargisi koftas* подразумевается индийское традиционное блюдо, состоящее из вареного яйца, покрытого фаршем из баранины [19].

В связи с этим примером позволим себе небольшое отступление: в процитированном предложении употребляется глагол *feed*, означающий «кормить животных», что применительно к людям и в параллели со стилистической фигурой, построенной на лексико-семантической несочетаемости определяемых существительных и их определений, усиливает пейоративную коннотацию высказывания. Любопытно, что при сравнении оригинального текста с русским переводом мы обнаружили компенсацию этого оттенка значения за счет употребления лексемы «тетка», относящейся к сниженному регистру речи и замещающей нейтральное местоимение *she*, вследствие ситуативной невозможности адекватного перевода на русский язык глагола *feed*. Ср.: «...тетка кормила нас бириани, полными разногласий, и наргизи-кофта, пропитанными раздором» [12].

Однако при всей важности описанных ранее блюд ключевую роль в тексте романа С. Рушди приобретает CP *chutney*, номинирующее разновидность индийских соусов, которые готовятся по индивидуальному семейному рецепту и могут включать как фрукты, так и овощи [23]. Обратимся к рассмотрению наиболее ярких текстовых примеров, в которых находят отражение эмоции главного героя Салема Синая, связанные с этим незамысловатым соусом.

Рассказчик вводит лексему *chutney* в свое повествование практически с первых строк, а именно в главе *Hit-the-Spittoon*, где он рассказывает, как начал писать воспоминания. *Chutney* ассоциируется у него со вкусом детства:

...*Rising from my pages comes the unmistakable whiff of chutney* [15, p. 45].

Об источнике этой ассоциации мы узнаем в главе *At the Pioneer Café*: каждый раз, когда Салем ест *chutney*, он мысленно возвращается в далекий 1957 год, когда он был еще мальчишкой. Именно такой соус готовила ему Мари Перейра — женщина, подменившая его в роддоме и ставшая впоследствии его няней:

And while chutney – the same chutney which, back in 1957, my ayah Mary Pereira had made so perfectly; the grasshopper-green chutney which is forever associated with those days – carried them back into the world of my past, while chutney mellowed them and made them receptive [15, p. 225].

Салем родился в семье бедняков в один день и час с сыном богачей. Мари работала акушеркой в роддоме и, руководствуясь бунтарскими настроениями своего возлюбленного Йозефа, подменила новорожденных: отдала Салема в богатую семью, а малыша богатых родителей выдала за сына бедняков – как ей казалось, во имя торжества социальной справедливости, но главным образом во имя любви:

And when she was alone – two babies in her hands – two lives in her power – she did it for Joseph, her own private revolutionary act, thinking He will certainly love me for this, as she changed name-tags on the two huge infants, giving the poor baby a life of privilege and condemning the rich-born child to accordions and poverty... “Love me, Joseph!” was in Mary Pereira’s mind, and then it was done [15, p. 127 – 128].

Салем часто акцентирует внимание читателя на цвете *chutney*, подчеркивая его ярко-зеленую насыщенную окраску, напоминающую кузнечика. В подобном контексте можно предположить, что «соус детства» Салема готовился для него няней преимущественно из овощей:

Yes, a little aluminum bowl of chutney, green, my God, green as grasshoppers... [15, p.128];

“Green chutney,” I request, “Bright green – green as grasshoppers” [15, p. 223];

...while grasshopper-green chutney is being extracted from its vat [15, p. 224].

Наконец, CP *chutney* играет важную роль в структурировании кольцевой композиции романа: эта лексема, как символ пробуждения сознания маленького Салема, образует исходный пункт в повествовании главного героя, мысленно реконструирующего свое прошлое. После целого ряда событий Мари Перейра уезжает в другой город и прерывает контакты со всеми знакомыми, живущими в Бомбее. Попытки взрослого Салема вновь почувствовать вкус того «детского» *chutney* оказываются безуспешными, пока практически в финале романа с ним не происходит достопамятное событие. Рассказчик заходит со своим сыном и приятелем в одно кафе, и ему, в числе прочих блюд, подают тот самый зеленый, как кузнечик, *chutney*, которым его в свое время потчевала Мари Перейра:

...and while Aadam (сын Салема. – А.К., Л.Б.) slept soundly, one of the blind waitresses brought us a congratulatory, reviving meal. On the thali of victory: samosas, pakoras, rice, dal, puris; and green chutney. Yes, a little aluminum bowl of chutney, green, my God, green as grasshoppers... and before long a puri was in my hand; and chutney was on the puri; <...> and was given the best chutney in the world... the taste of the chutney was more than just an echo of that long-ago taste – it was the old taste itself, the very same, with the power of bringing back the past as if it had never been away... [15, p. 474].

Салем просит принести ему банку от этого соуса, и благодаря адресу производителя на этикетке перед героем открывается «последняя дверь», скрывавшая загадку этого «невероятного чатни памяти», которое могло быть произведено только по рецепту Мари Перейра:

Once again an abracadabra, an open-sesame: words printed on chutney jar, opening the last door of my life... I was seized by an irresistible determination to track down the maker of that impossible chutney of memory... [15, p. 474].

Рассказчик отправляется по указанному адресу и находит там свою бывшую няню, так круто изменившую всю его жизнь. Как оказалось, Мари Перейра через некоторое время вернулась в Бомбей, сменила имя, чтобы ее никто не узнал в связи с событиями прошлого, и открыла собственное производство консервов *chutney*. В итоге читателю становится понятно, почему в самом начале романа Салем называет себя поваром: после встречи с Мари рассказчик остается работать на ее предприятии. Таким образом, название неприхотливого соуса знаменует исходную и финальную точки жизнеописания главного героя романа С. Рушди.

На основании проведенного исследования языкового материала представляется возможным заключить, что слова-реалии выполняют в тексте романа «Дети полуночи» ряд важных функций, обусловленных авторской интенцией. Писатель-мигрант С. Рушди в процессе национальной самоидентификации использует в своем повествовании единицы различных лексико-семантических групп, способствующие в целом созданию убедительного национально-культурного колорита. Достоинными внимания являются в данной связи топонимы и номинации национальных индийских блюд, которые нередко несут дополнительную смысловую нагрузку в тексте романа. Помимо атмосферы жизни и быта индийского народа данные СР способны передавать релевантную информацию социального характера, маркировать значимые события в судьбах персонажей, свидетельствовать о переживаемых ими чувствах и эмоциях, эксплицитировать характер когнитивной деятельности рассказчика. В ходе анализа текста романа С. Рушди также была установлена структурообразующая функция СР.

Следует подчеркнуть, что изучение характера функционирования слов-реалий в художественных текстах способствует не только углублению наших фоновых знаний и представлений об особенностях менталитета конкретного национального сообщества, но и более адекватному пониманию идей и смыслов литературного произведения.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 2004.
2. Берков В. П. Работы по языкознанию. СПб., 2011.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.
4. Виноградов В. С. Введение в переводоведение [общие и лексические вопросы]. М., 2001.
5. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 2007.

6. Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию. СПб., 2012.

7. Калининкова Е. Когда Запад и Восток сходят с места. Скандально известный писатель С. Рушди признавался в своем атеизме и давал клятву верности исламу. URL: <https://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=7&id=7721&print=1> (дата обращения: 19.05.2023).

8. Колесникова А. В. Магический реализм в произведении Салмана Рушди «Дети полуночи» // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2023. №1 (25). С. 361–366.

9. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2011.

10. Маринова Е. В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах : словарь-справочник. М., 2014.

11. Папикян А. А. Реалия как объект переводческой деятельности // Язык и культура. 2013. Вып. 6. С. 88–95.

12. Рушди С. Дети полуночи / пер. с англ. А. Миролюбовой. М., 2023.

13. Самотик Л. Г. Проблема понимания диалектизмов и экзотизмов в иностранстве художественного текста // Вестник КрасГАУ. 2006. №11. С. 266–273.

14. Newmark P. A Textbook of Translation. Shanghai, 2001.

15. Rushdie S. *Midnight's children*. N. Y., 1991.

16. Salman Rushdie on midnight's children at 40: "India is no longer the country of this novel". URL: <https://www.theguardian.com/books/2021/apr/03/> (дата обращения 19.05.2023)

17. Salman Rushdie. URL: <https://literature.britishcouncil.org/writer/salman-rushdie> (дата обращения: 15.05.2023).

18. How to make the perfect Khichdi/Khichri. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/life-style/food-news/how-to-make-the-perfect-khichdi/khichri/articleshow/73270473.cms> (дата обращения: 09.07.2023).

19. Misra A. Chicken Nargisi Kofta Curry. URL: <https://www.cookingwithanadi.com/recipes/chicken-nargisi-kofta> (дата обращения: 09.07.2023).

20. Swasthi's Recipes: Authentic Indian Recipes For The Modern Kitchen : [Chicken Biryani Recipe]. URL: <https://www.indianhealthyrecipes.com/chicken-biryani-recipe/> (дата обращения: 09.07.2023).

21. Swasthi's Recipes: Authentic Indian Recipes For The Modern Kitchen : [Kulfi Recipe]. URL: <https://www.indianhealthyrecipes.com/kulfi-recipe/> (дата обращения: 09.07.2023).

22. Sushmita Sengupta. Pista Ki Lauj: Give A Grand Finale To Your Karwa Chauth Fast With This Lucknawi Dessert. URL: <https://www.slurrr.com/article/pista-ki-lauj-give-a-grand-finale-to-your-karwa-chauth-fast-with-this-lucknawi-dessert-1634815446022> (дата обращения: 09.07.2023).

23. Peggy Trowbridge Filippone. What Is Chutney? A Guide to Using, Making, and Storing Chutney. URL: <https://www.thespruceeats.com/chutney-recipes-and-cooking-tips-1808079> (дата обращения: 09.07.2023).

24. Motichoor Laddoo Recipe. URL: <https://recipes.timesofindia.com/recipes/motichoor-laddoo/rs55048059.cms> (дата обращения: 07.07.2023).

25. Swasthi's Recipes: Authentic Indian Recipes For The Modern Kitchen : [Bhel-puri]. URL: <https://www.indianhealthyrecipes.com/bhel-puri/> (дата обращения: 07.07.2023).

Об авторах

Анна Викторовна Колесникова — асп., ассист., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: kolesnikova192015@gmail.com

Людмила Михайловна Бондарева — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

A. V. Kolesnikova, L. M. Bondareva

**FUNCTIONS OF WORDS-REALITIES IN S. RUSHDIE'S NOVEL
"MIDNIGHT'S CHILDREN"**

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 18 July 2023

Accepted 25 August 2023

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-6

67

To cite this article: Kolesnikova A. V., Bondareva L. M. 2023, Functions of words-realities in S. Rushdie's novel "midnight's Children", *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №3. P. 57 – 67. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-6.

The article examines the features of the functioning of realia words in the text of Salman Rushdie's novel "Midnight's Children." The delimitation of the term "realia words" is carried out in its comparison with the concept of "realia." The language specificity of the novel is noted, which consists of intentionally incorporating exotic vocabulary into the text without corresponding authorial commentary, the meaning of which can be understood by a non-native reader only within a specific context. Lexico-semantic groups of realia words are highlighted, contributing to the creation of national-cultural color and referentially related to local objects and popular dishes of Indian national cuisine. The artistic pragmatics of realia words in the novel "Midnight's Children" is characterized. The role of toponyms is characterized by their involvement in structuring the local coordinates of the textual continuum. It has been demonstrated that the nominations of national dishes used by the author serve to intensify the development of plotlines in artistic narrative. The realia words of this group function in the novel as means of creating social color, markers of significant events in the characters' lives, indicators of the characters' emotional states, explicators of the retrospective mental-cognitive activities of the subjective narrator, and also serve as the organizing link in the circular composition of the novel.

Keywords: realia words, national-cultural color, lexical-semantic groups, toponyms, national dishes

The authors

Anna V. Kolesnikova, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: kolesnikova192015@gmail.com

Dr. Liudmila M. Bondareva, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

Л. А. Мальцев, В. Х. Гильманов, И. Д. Коцев

**КНИГОЦЕНТРИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА
В РОМАНАХ О. ТОКАРЧУК «ПУТЕШЕСТВИЕ ЛЮДЕЙ КНИГИ»
И «КНИГИ ЯКОВА»**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 06.09.2023 г.

Принята к публикации 23.10.2023 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-7

Для цитирования: *Мальцев Л. А., Гильманов В. Х., Коцев И. Д.* Книгоцентрическая картина мира в романах О. Токарчук «Путешествие людей книги» и «Книги Якова» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №3. С. 68–78. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-7.

Проведен сравнительный анализ романов Ольги Токарчук «Путешествие людей Книги» и «Книги Якова», в которых концептуальную роль играют мотивы путешествия и книги, а тематика религиозно-мистических обществ XVII–XVIII вв. приобретает большое значение. Рассмотрены жанровая специфика двух текстов, особенности их повествовательной структуры и системы персонажей. Утверждается, что две анализируемые книги сходны логоцентрическим и книгоцентрическим мировидением, смысл которого заключается в вере в способность человека с помощью слова и книги оказывать влияние на действительность. В связи с диалектикой слова и дела раскрываются фаустовские мотивы обоих текстов. В «Путешествии людей Книги» и в «Книгах Якова» также присутствует важная для идейно-художественной структуры романов оппозиция женское – мужское. С ней связан полоцентрический аспект «Книг Якова», в которых ставится проблематика польского мессианизма и находит выражение архетип Девы, приобретающий национальный колорит благодаря своеобразно интерпретированному мифу Богоматери Ченстоховской. В связи с культом Девы также отмечена проблема воздействия на художественное воображение Токарчук идеи Юнга о четверичности как архетипическом числом выражении абсолюта.

Ключевые слова: Ольга Токарчук, «Путешествие людей Книги», «Книги Якова», логоцентричность, книгоцентричность, мессианизм, архетип Девы

Творчество польской писательницы Ольги Токарчук (р. 1962), Нобелевского лауреата по литературе от 2018 г., представляет собой систему сквозных мотивов, отражающих целостное мировидение автора. Связность текстов, созданных прозаиком, наиболее очевидна в сопоставлении ее дебютного романа «Путешествие людей Книги» («Podróż ludzi Księgi», 1992)¹ и объемного эпического полотна «Книги Якова» («Księgi Jakubowe», 2014)². Названные два произведения объединены,

¹ На русский язык книга была переведена К.Я. Старосельской под названием «Путь людей Книги».

² Перевод И.Е. Адельгейм.

во-первых, мотивами культа Слова и Книги, содержащих в себе сакральное знание. Логоцентрическая и книгоцентрическая картина мира позволяет усматривать в творчестве Токарчук традиции Бруно Шульца (см.: [2]) (один из примеров — рассказ «Книга» из сборника Шульца «Санаторий под Клепсидрой»). Во-вторых, значимую роль в обоих текстах, как и во всем творчестве писательницы, играют мотивы движения, путешествия и связанных с последним неопределенности, риска, и вместе с тем твердой готовности принять все возможные случайности путешествия как то, чему суждено свершиться. На наш взгляд, «Книги Якова», художественно-документальное повествование о судьбах еврейского народа, могут быть названы вторыми «Путешествиями людей Книги». Изображенные в «Книгах Якова» иудеи — это, конечно же, «люди Книги», а что касается мотивов путешествия, то развернутое название «Книг...» говорит само за себя: «Книги Якова, или Большое путешествие через семь границ, пять языков и три большие религии, не считая малых...». В-третьих, «Путешествие людей Книги» (действие романа происходит в XVII в.) и «Книги Якова» (соответственно в XVIII в.) характеризуются интересом их автора к истории тайных религиозно-мистических обществ, ересей, сект. В «Путешествии людей Книги», события которого разворачиваются во Франции времен Людовика XIV, а также в испанских Пиренеях, рассказывается о знакомстве главного героя, постоянно называемого в романе не по имени, а по титулу — Маркиз, с пожилым г-ном де Шевийоном, при посредничестве которого Маркиз становится членом братства, ставящего перед собой цель поиска Книги, написанной Богом. В «Книгах Якова» действие происходит в ряде стран (Турция, Австрия, Пруссия), но главным местом действия становится Речь Посполитая последних десятилетий своего существования — в периоды царствования Августа III и Станислава Августа Понятовского. Показано, например, такое знаковое событие, предшествовавшее первому разделу Речи Посполитой в 1772 г., как боевые действия Барской конфедерации против польской королевской армии, поддерживаемой войсками Российской империи. В «Книгах...» представлена художественно-документальная хроника деятельности известной религиозно-мистической секты, возглавляемой Якубом Лейбовичем Франком (1726—1791), харизматическим лидером, объявившим себя мессией.

В жанровом отношении «Путешествия людей Книги» и «Книги Якова» разнородны. Дебютное произведение Токарчук соответствует канону западноевропейского постмодернистского романа с присущей ему индивидуалистической парадигмой. И.Е. Адельгейм справедливо полагает, что по жанру «Путешествия людей Книги» — реализация «схемы историко-философского романа-путешествия в духе Дж. Фаулза, У. Эко и П. Зюскинда», а также иронической модальности, присущей постмодерну: «Горький финал “Пути”... символизирует мироощущение современного человека, осознающего бесплодность своих усилий: Книга, будто в насмешку, достается не тем, кто целенаправленно ее искал и был способен прочитать, а случайно — немому неграмотному слуге» [1, с. 273—274].

Крайне сложно определить жанр «Книг Якова», выходящих за канонические рамки романного жанра. Индивидуалистический принцип, связанный с акцентированной линией романного повествования о пути неординарного главного героя, каким является Яков Франк, здесь соблюдается мало. В «Книгах Якова» нет иерархического деления на «главных» и «неглавных» персонажей — эта особенность прозы Токарчук, проявляемая уже в «Путешествии людей Книги», достигает наиболее полной реализации в огромном историко-документальном повествовании «Книг Якова». Это произведение отличается преизбытком персонажей, многие из которых являются подлинными историческими лицами. Значительная часть персонажей (мужчин и женщин — представителей религиозной общины Франка) с переходом из иудаизма в католицизм меняют еврейские имена на польские, что дополнительно усложняет работу читателя, создавая трудность с отслеживанием судеб участников событий. Такой преизбыток связан со сложной системой точек зрения «Книг Якова», среди которых выделяется абсолютная повествовательная инстанция, персонифицированная в образе Енты — старшей героини, имеющей родственные связи с Яковом Франком, Элишей Шором и многими другими. Она «зависает» между жизнью и смертью — и в таком состоянии переживает практически всех участников событий «Книг Якова». Будучи «глазом» повествования, Ента держит в памяти судьбы всех родственников, а также персон, имеющих к ее семье прямое либо косвенное отношение. Присутствие Енты, казалось бы, бездействующего персонажа, определяет жанровую специфику «Книг Якова» как некоей семейной, родословной книги, подобной «книге рода» (Genesis), а в отечественной традиции — Книге Бытия. Отсюда деление монументального произведения на семь книг (книги Тумана, Песка, Пути, Кометы, Металла и Серы, Далекого Края, Имен). В таком композиционном укладе «Книг Якова» проявляется особенность восприятия Енты, видящей мир с «изнанки» — как не видит его никто из живущих людей. Для нее мир феноменов, как материальных (туман, песок, металл и т. д.), так и духовных (имена), сам по себе уже является «книгой», недоступной земному восприятию. В книгоцентричности бытия прослеживается очевидное сходство между «Книгами Якова» и «Путешествием людей Книги».

Мысль о калейдоскопичности биографий, а также о множественности точек зрения, с которых представлены излагаемые события, проходит красной нитью как через «Путешествие людей Книги» («Представлялось так, что Бог создал людей во всей их разнородности, чтобы доказать самому себе, как много обличей приобретает людское понимание его творения» [10, с. 21]), так и через «Книги Якова» («А правда подобна баумкухену, состоит из множества слоев, которые, вращаясь, соприкасаются друг с другом в разных конфигурациях. Правда — то, что можно выразить посредством множества историй, ибо она подобна райскому саду, в который вошли мудрецы: каждый из них увидел свое» [3, с. 65]).

В полифонически организованном художественном мире Токарчук фундаментальную роль играет оппозиция *мужское — женское*, которая, согласно компаративной модели Л. Вишневской, соответствует следующим противопоставлениям: Бог — природа, монотеизм — политеизм, линейная — круговая модель времени, а также Ренессанс — барокко (в интерпретации Г. Вёльфлина) [11]. С этой системой оппозиций связан запоминющийся экфрасис в романе «Путешествие людей Книги» (см.: [5]) — описание и толкование картины Паоло Уччелло «Битва святого Георгия с драконом» (1451), ставшей поводом богословского диспута между Маркизом, Шевийоном и Берлем. Маркиз и Берль отстаивают догматический («мужской») взгляд на человеческую греховную природу, которую человек преодолевает, уподобляясь Георгию, поражающему дракона. Шевийон — носитель противоположной (еретической) трактовки, согласно которой заслуга победы добра над злом в действительности принадлежит не святому рыцарю, выступающему в роли псевдо- или даже антигероя, а пленной принцессе: «Грех — это темная, мрачная сторона нашей природы. Можно эту темную сторону научить добру, вознести к Богу и приручить, как женщина приручила дракона» [10, s. 74–75]. Молчаливой свидетельницей этой дискуссии является Вероника — главный женский персонаж романа: ей ближе неортодоксальный взгляд на картину, и она также считает, что на картине Уччелло победительницей дракона была именно принцесса благодаря своей мягкой силе, а рыцарь Георгий напрасно убил дракона, поскольку последний уже «никому не мог бы причинить зла» [10, s. 73].

По Л. Вишневской, мужскому *principium individuationis* (резкому разграничению противоположностей: Бога и природы, добра и зла, сфер *logos* и *bios*) противопоставляется соответствующее женскому мироощущению *coincidentia oppositorum* (сосуществование и примирение противоположностей) [11, s. 139]. В «Путешествии людей Книги» носителем «мужского» принципа выступает маркиз, для которого, как и для остальных членов братства, «мир... является только суррогатом настоящего» [10, s. 14]. Женское начало в романе олицетворяет Вероника, любовью к которой маркиз жертвует во имя цели своей жизни, воплощенной в Книге. В соответствии с *principium individuationis* он делает выбор между противоположностями, не допуская возможности их примирения и тем более отождествления. Момент смерти Маркиза, ставшей крахом его жизненных принципов, позволяет герою понять, что физический мир, природа — это и есть «книга», в которой Маркиз является «одной буквой, неважно какой» или «может, он был запятой, примитивной точкой, которой завершается неотвратимое предложение, может, закрытым в себе “о” или проникающим вглубь игреком, а может, попросту пробелом между словами, без которого значения слились бы или перемешались» [10, s. 205]. Концовка предсмертного видения Маркиза отдаленно напоминает момент созерцания князем Андреем Болконским неба над Аустерлицем. Как и в романе-эпопее русского классика, картина неба знаменует момент озарения героя: «Он

задумался тогда, для кого открыта эта книга, чему она должна служить. Он поднял глаза и увидел, что небо в миллион раз больше, чем она, и поэтому оно заключает ее в себе. Книга была открыта небу» [10, s. 205–206].

Предсмертный взгляд Маркиза на мир как на Книгу, «открытую небу», тождествен мировидению Енты из «Книг Якова». «Собирай, – говорит Енте ее мать, – собирай знаки и вскоре прочтешь всю фразу. Что за премудрость – читать книги, написанные людьми, если весь мир – книга, написанная Богом, включая глинистую тропу, ведущую к реке» [3, с. 618].

С точки зрения логоцентрического мировидения, перерастающего в книгоцентричность, не последнюю роль в «Путешествиях людей Книги» играет слуга Гауче, немой от рождения, которому, казалось бы, предназначено быть «лицом случайным» [10, s. 5] в этой романной истории. Однако Гауче, будто бы в возмещение своей природной ущербности, обладает максимальной способностью верить в магическую силу слова: «Для него слова были душами вещей; через эти души вещи контактируют с нами. Зная слово – мы знаем вещь. Выговаривая слово – мы приобретаем власть над вещью. Когда мы формируем слова, окрашивая их чувством, наделяя их красками настроений, придавая им значение, звучание, музыку – мы формируем все, что существует» [10, s. 9]. Желание прочитать найденную Книгу, поиск которой стал делом жизни Маркиза, становится произвольным стимулом благотворных перемен в жизни самого Гауче, обретающего в конце повествования дар речи.

Мировосприятие Гауче в первом романе Токарчук создает параллель с менталитетом еврейских общин в «Книгах Якова», как правомерно иудейских, так и сектантских, для которых главное в мире – Слово и Книга. Именно об этом ведет речь ксендз Гауденций Пикульский, объясняющий в кругу польской аристократии и духовенства смысл каббалы: «– Они верят, что мир создан из слов... / – Ну да, все в это верят: “В начале было Слово”. Мы тоже. Так в чем же ересь? / – Да, милостивая госпожа, но мы на этой фразе останавливаемся, а они применяют ее к каждой мелочи» [3, с. 482].

В контексте приведенных примеров Яков Франк, находящийся в центре событий «Книг...», не представляется эталонным «человеком Книги». Скорее на эту роль претендует его ближайший сподвижник, «апостол» Нахман (после крещения – Петр Яковский), пишущий жизнеописание Шабтая Цви («предтечи» Франка) и попутно, в тайне от Якова, ведущий обстоятельную хронику последователей Франка. В отличие от своего учителя, Нахман-Петр верит в силу книжного слова, что обеспечивает его сходство с членами «братства людей Книги» из раннего романа писательницы: «Мир слов гораздо более реален, нежели то, что видят его глаза» [3, с. 616].

В противоположность Нахману Яков считает труд книжника пустым занятием, и в этом он проявляет себя как революционер, как ниспровергатель традиций своего народа, основанного на культе Книг. Он считает, что Книги стали причиной несчастья для евреев, развив в них

склонность к химерам: «Если кто-то хочет завоевать крепость, он не может сделать это при помощи простой болтовни, призрачного слова, ему придется повести туда армию. Вот и нам следует действовать, а не говорить. Мало наши деды разглагольствовали, над книгами корпели? Что из этого вышло, очень им помогли эти словеса?» [3, с. 675]).

Яков — это аналог Фауста. Герой Гёте в самом начале трагедии запомнился тем, что по-новому перевел первый стих Евангелия от Иоанна: «В начале было дело». Другим фаустовским мотивом в истории Якова является чудотворство, проявляющееся, например, в поисках философского камня. Он обращается к своим сподвижникам: «...обратите металл в золото, тогда я буду знать, что вы являетесь святыми посланниками». «Сядь, — осадил его реб Мордке. — Это чудо может совершить лишь сам Мессия. И ты это отлично знаешь...» [3, с. 609]. Мотивы поиска философского камня присутствуют и в «Путешествии людей Книги» в связи с образом Маркиза, посвященного в технологические секреты создания золота. Маркиз делится с другим персонажем — Барлингом: «Философский камень был достижением полного знания о себе и мире... Если посмотришь на это таким образом, уже не найдешь противоречий между алхимическим, тайным знанием и знанием естественным. Заметь, что те, которые внесли много в науку, были обычно великими посвященными в тайну» [10, s. 120].

Характерной особенностью «Книг Якова...», отличающей их не только от «Путешествия людей Книги», но, может, и от всего творчества Токарчук, стало обращение автора к одному из ключевых периодов польской истории — к разделам Речи Посполитой. Этот момент и череда последующих событий (Наполеоновские войны и восстания XIX в.) были мифологизированы в польском историческом сознании благодаря творчеству польских романтиков во главе с Мицкевичем. К «романтической парадигме» (М. Янион) польской литературы, в основе которой лежит мессианская идея «Польши — Христа народов», обращается Токарчук, что необычно не только для самой писательницы, но и для всей прозы ее поколения. Однако возвращение к романтизму у Токарчук происходит с неожиданной стороны — со стороны представителей народа, пришедшего на польские земли издалека. Сама по себе мысль о еврейском генезисе польского мессианизма не нова [6; 7], однако по отношению к романтико-мессианскому лозунгу «Польша — Христос народов» в «Книгах Якова» создается острояющийся эффект — уже давно освоенное польской романтической и постромантической культурой и даже превратившееся в национальный автостереотип представлено в произведении Токарчук как чужое, странное и экзотическое. Мицкевич в «Книгах Якова» не упоминается ни разу, однако дух поэта присутствует в виде интертекстуальных отсылок к его произведениям. Впрочем, один раз (в конце повествования) делается косвенный биографический намек на создателя «Дзядов»: упоминается о франкистской родословной знаменитой пианистки Марии Шимановской, которая была тещей Мицкевича.

Как известно, Мицкевич интересовался гематрией, наукой о смысловом соотношении букв и чисел. Это проявилось в его программном мессианском тексте — сцене V «Видение» (монолог ксендза Петра) из поэмы «Дзяды» (часть III), содержащей пророчество о рождении мессии, призванного спасти народ и все человечество: «От матери чужой, кровь его от древних героев, / А имя его сорок и четыре» [8, s. 187–188]. Близкие по смыслу слова мы находим в приводимых в «Книгах...» пророчествах Якова Франка: «...в Польше существует старое предание, будто придет некий чужестранец, родившийся от чужой матери, исправит все в стране и избавит от всяческого гнета» [3, с. 99]. Что касается «сорок и четыре», то далеко не случайно это число Мицкевича появляется в речах ксендза Пикульского, растолковывающего своим соотечественникам премудрости каббалы: «“Ав”, отец, имеет числовое значение 3... “Мать” имеет числовое значение 41... И теперь: если мы сложим эти два слова, “мать” и “отец”, у нас получится 44, а это число слова “елед”, то есть “ребенок”!» [3, с. 481]. Мицкевичевский подтекст усиливается практически полным совпадением песни «Импровизации» Конрада (сцена II) в «Дзядях» («Czym jest me czucie? Ach, iskrą tylko! / Czym jest me życie, jedną chwilką...» [8, s. 160]) с франкистской «старой песней на старом языке, которой научил ребе Иссахар»: «Что есть человек? Искра. / Что есть человеческая жизнь? Мгновение...» и т. д. [3, с. 99].

Кульминацией «польских» глав «Книг Якова», составляющих добрую половину повествования, является история заключения Франка в Ясногурском монастыре — центре религиозно-патриотического культа Богоматери Ченстоховской, «королевы Польши» (согласно указу короля Яна Казимира). В польской исторической памяти Ясногурский монастырь в Ченстохове вызывает ассоциации с легендарной защитой монастыря от шведов в 1655 г., показанной в знаменитом романе «Потоп» Сенкевича, а также с непосредственно описываемыми в «Книгах Якова» боевыми действиями барских конфедератов под предводительством Казимежа Пулаского против русских войск, закончившимися победой последних и освобождением Якова Франка из заключения.

Судя по «Книгам Якова», период пребывания Франка в Ченстохове стал полоноцентричным фокусом его биографии, и сам он как еврейский «мессия» активно участвовал в создании будущего мифа о богоизбранности Польши, однако с тем отличием от иудеохристианского мессианизма, что, по представлению Якова, божественное начало воплощено в женском образе Шхины. «...Польша, — говорит Яков, — земля заточения Шхины, Божественного присутствия в мире, и именно здесь Шхина выйдет из своей темницы, дабы освободить весь мир. Польша — совершенно особенное место на земле, одновременно и худшее, и лучшее» [3, с. 214]. То, что Бог избрал именно Польшу для спасения мира, Яков объясняет привычным для польской шляхетской культуры преклонением перед женщиной, доходящим до риторической абсолютизации: «Шхину можно найти только в том краю, где женщину почитают, вот как в Польше: здесь перед женщинами не

только обнажают голову, им говорят комплименты, служат, к тому же здесь, в Ченстохове, эту Мадонну с младенцем почитают превыше всего. Это страна Девы» [3, с. 213–214].

Здесь возникает значимая параллель с экфрасисом из романа «Путешествие людей Книги» — описанием картины Паоло Уччелло. В одном из поучений Якова икона Богоматери Ченстоховской играет примерно такую же роль, как образ пленной принцессы на полотне Уччелло в поместье Шевийона: «Дева — божественная мудрость, заточенная в разрисованную доску, словно принцесса в высокую башню, которую никто не может покорить. Ради нее вы должны совершать чуждые деяния, действия, которые перевернут мир с ног на голову. Помните того змея в раю? Змей призывает к свободе. Тот, кто выкорчует Древо Познания и достигнет Древа Жизни и объединится с Девой, познает также спасение, этот незримый Даат» [3, с. 213]. Слова Якова Франка о деяниях, переворачивающих «мир с ног на голову», а также упоминание о хтоническом чудовище, в восприятии которого минус меняется на плюс [9, s. 17], имеют несомненное гностическо-манихейское происхождение, что вызывает в сюжете «Книг Якова» ассоциацию с образом Антония Коссаковского (Моливды), представителя польского знатного рода и человека очень сложной судьбы, который всю жизнь провел в скитаниях, долго общался с приверженцами различных ересей, в определенный период сблизившись с Яковом Франком.

Возвращаясь к созданному писательницей типу «человека Книги», порождающему в обоих проанализированных текстах целую систему родственных образов, следует обратить внимание на одного из наиболее заметных героев «Книг Якова» — ксендза Бенедикта Хмелёвского (1700–1763), автора первой польской энциклопедии «Новые Афины, или Академия, всяческих ученостей полная, на различные предметы, а также классы разделенная» (1745–1746). Согласно художественной фантазии Токарчук, Хмелёвский ведет долгую и взаимозаинтересованную переписку с поэтессой польского барокко Эльжбетой Дружбацкой (ок. 1695–1765), а *opus magnum* Хмелёвского «Новые Афины» становится для Франка чем-то вроде учебника польского языка.

Вместе с тем важна не сюжетная роль энциклопедиста, выступающего в «Книгах Якова» далеко не самым деятельным лицом. Внимание читателя фокусируется не на нем, а на деятельности Франка и его сподвижников, не имеющей прямого отношения к библиофильским увлечениям ксендза. Будучи «человеком Книги», Хмелёвский играет значимую роль в метатекстуальной организации текста, затрагивающей отношения между изображаемым миром, авторской и читательской инстанциями. Неслучайно в «Библиографической справке» Токарчук признается, что образ ксендза Хмелёвского принес ей «множество радостных мгновений», а по поводу его «Новых Афин» заявляет, что «стоило бы переиздать эту замечательную книгу» [3, с. 17]. Роль эпиграфа к «Книгам Якова» играют слова, помещенные на титульной странице «Новых Афин», которыми Хмелёвский задает четверичный образ будущего читателя энциклопедии: «Умным — чтобы помнили,

Сородичам – чтобы призадумались, Профанам – чтобы узнали, а Меланхоликам – в утешение» [3, с. 751]³. Подобная тетраморфная модель читателя-реципиента отражена в «Книгах Якова» в писаниях Нахмана-Яковского, ссылающегося на суждение своего учителя Иссахара о «четырех типах читателей» («Есть читатели-губки, читатели-воронки, читатели-фильтры и читатели-сита... “Я хочу, чтобы вы уподобились ситу и не удерживали в себе ничего дурного и скучного”, – говорил нам Иссахар» [3, с. 614]). К четвероякому способу прочтения книги обращается и Элиша Шор, объясняя в бейт-мидраше основные способы толкования Торы с помощью четырех букв еврейского алфавита («П – пшат – буквальный смысл, Р – ремез – переносный смысл, Д – драш – то, что говорят ученые, С – сод – мистический смысл» [3, с. 709]).

Архетип четверицы впервые художественно смоделирован Ольгой Токарчук в романе «Правек» (1998) (см. главу «Время четверных вещей»), а в «Книгах Якова» он распространен на область экзегетики. Мысль об архетипе четверицы принадлежит Юнгу, для которого она «символизирует части, качества и стороны Единого» и, следовательно, «является более или менее непосредственным образом Бога, проявляющего себя в творениях» [4, с. 169–170]. Поскольку Франк и его единомышленники, ища путей сближения с христианством, признавали, с одной стороны, догмат о Троице, а с другой – магическую силу креста, важную роль для интерпретации «Книг Якова» приобретает пояснение Юнга о том, что Троица является «мужским» символом. Четвертую же стихию, наряду с огнем, водой и воздухом, образует земля, которой, согласно создателю теории архетипов, соответствует образ-символ Девы.

Список литературы

1. Адельгейм И. Е. Поэтика «промежутка»: молодая польская проза после 1989 года. М., 2005.
2. Рудковская М. Память и повседневность. Поэтика живая и мертвая в произведениях Ольги Токарчук (на примере произведений Э. Т. А. Гофмана) // Память vs История. Образы прошлого в художественной практике современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам II Хоревских чтений). М., 2019. С. 325–334.
3. Токарчук О. Книги Якова. М., 2023.
4. Юнг К. Г. Психология и религия // Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991. С. 109–202.
5. Grigorova M. Legenda – obraz – apokryf. Przesłania Paola Uccella w utworach Gustawa Herlinga-Grudzińskiego i Olgi Tokarczuk // Świat i Słowo. 2011. №1(16). S. 119–134.
6. Janion M. Bohater, spiszek, śmierć: Wykłady żydowskie. Warszawa, 2009.
7. Maurer J. “Z matki obcej”: szkice o powiązaniach Mickiewicza ze światem Żydów. Kraków, 1996.
8. Mickiewicz A. Dzieła poetyckie. Utwory dramatyczne. Warszawa, 1982. T. 3.
9. Runciman S. Manicheizm średniowieczny. Gdańsk, 1996.

³ Перевод И. Е. Адельгейм имеет некоторые отличия от оригинального текста Хмельевского: «MAĐRYM do Memoriału, IDIOTOM dla Nauki, POLITYKOM dla praktyki, MELANCHOLIKOM dla rozrywki» [3, с. 692].

10. Tokarczuk O. *Podróż ludzi Księgi*. Warszawa, 1998.

11. Wiśniewska L. *Komparatystyka wieloaspektowa: (złożony) model i (wielowymiarowa) praktyka porównania // Polonistyka wobec wyzwań współczesności*. Opole, 2014. T. 1. S. 133–149.

Об авторах

Леонид Алексеевич Мальцев — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: lamaltsev23@mail.ru

Владимир Хамитович Гильманов — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: gilmanov.wladimir@rambler.ru

Иван Демьянович Копцев — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: Ikoptsev@kantiana.ru

L. A. Maltsev, V. C. Gilmanov, I. D. Koptsev

BOOK-CENTRIC PICTURE OF THE WORLD IN O. TOKARCZUK'S NOVELS "THE JOURNEY OF THE BOOK-PEOPLE" AND "THE BOOKS OF JACOB"

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 6 September 2023

Accepted 23 October 2023

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-7

To cite this article: Maltsev L. A., Gilmanov V. C., Koptsev I. D. 2023, Book-centric picture of the world in O. Tokarczuk's novels "The Journey of the Book-People" and "The Books of Jacob", *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №3. P. 68–78. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-7.

The authors have conducted a comparative analysis of the novels by Olga Tokarczuk, "The Journey of the People of the Book" and "The Books of Jacob", where the conceptual role is played by motifs of travel and books, and the theme of religious-mystical societies of the 17th-18th centuries becomes significant. The genre specificity of the two texts, features of their narrative structure, and character systems are considered. It is asserted that the two analyzed books share a logocentric and book-centric worldview, the meaning of which lies in the belief in the ability of humans to influence reality through words and books. In connection with the dialectic of word and deed, Faustian motifs of both texts are revealed. In "The Journey of the People of the Book" and "The Books of Jacob," there is also an important opposition of feminine and masculine in the ideological-artistic structure of the novels. Connected with this is the polocentric aspect of "The Books of Jacob," where the issues of Polish messianism are raised, and the archetype of the Virgin, acquiring national color through a uniquely interpreted myth of the Black Madonna of Czestochowa, finds expression. In connection with the cult of the Virgin, the issue of the influence on Tokarczuk's artistic imagination of Jung's idea of quaternity as an archetypal numerical expression of the absolute is also noted.

Keywords: Tokarczuk, "The Journey of the Book-People", "The Books of Jacob", logocentricity, book-centricity, messianism, cult of the Virgin

The authors

Prof. Leonid A. Maltsev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: lamaltsev23@mail.ru

Prof. Vladimir C. Gilmanov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: gilmanov.wladimir@rambler.ru

Prof. Ivan D. Koptsev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: IKoptsev@kantiana.ru

УДК 37.046.16

Д. Г. Житиневич

**КЛЮЧЕВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ НОВОЙ МОДЕЛИ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

79

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 31.07.2023 г.

Принята к публикации 05.11.2023 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-8

Для цитирования: *Житиневич Д. Г.* Ключевые ориентиры образовательной политики в условиях построения новой модели высшего образования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №3. С. 79–85. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-8.

Рассмотрены основные направления деятельности современного университета, связанные с трансформацией образовательной системы и социально-культурных условий общества на нынешнем этапе его развития. Представленные возможные стратегии построения образовательного процесса в современном российском университете были сформулированы на основе интеграции существующих наработок в управлении высшим образованием. Эти стратегии создают предпосылки для ответа на образовательные запросы молодежи с учетом ценностных ориентаций молодежного сообщества. В основе предлагаемых решений лежат принципы междисциплинарности, интеграции науки и образования, гибкости и адаптивности. Описана модель проектирования и разработки образовательных программ в условиях трансформации высшего образования.

Ключевые слова: образовательная программа, трансформация образования, образовательно-научный кластер, индустрия, профессионально-личностная модель выпускника

«Образовательная политика», «стратегия образования», «фокус развития образования», «университеты и школы будущего» — наиболее часто употребляемые на сегодняшний день термины в глобальной среде образования. Факторы и перспективы коренных изменений и полной реконструкции образования стали предметом исследований многих ученых [1; 2; 3; 5]. Консолидирующей позицией в данных исследованиях становится понимание необходимости не столько фундаментальной трансформации [4; 6; 7; 9] форм, технологий и средств образовательного процесса, сколько изменения сущностных характеристик образования, понимания новой дидактики, создания новой архитектуры образовательного взаимодействия.

В качестве стратегического ориентира высшего образования мы видим переход от «компетентностной модели выпускника» к модели «лично-профессионального развития специалиста». Смысловыми основаниями ухода от формирования компетенций к формированию профессиональных качеств личности в условиях перехода системы высшего образования на «новый» специалитет являются три блока:

- типологизация образовательных программ;
- выделение и оформление научно-образовательных кластеров;
- создание индустрий.

Типологизация образовательных программ позволит «смягчить» переход к другой модели образования, учитывая существующие современные нормативно-организационные требования и запросы основных «потребителей» образовательных услуг. Так, все образовательные программы необходимо определить в три основные группы: группа программ фундаментальной подготовки («Традиции университета»), группа программ с узкоспециализированной направленностью («под запрос» работодателя) и группа программ, обеспечивающих опережающее развитие университета («технологический прорыв»). Свойственные каждому типу программ признаки позволяют определить цели и миссии их проектирования, разработки и внедрения.

Необходимость выделения группы программ «Традиции университета» обусловлена реализацией образовательных программ, позволяющих за счет обеспечения устойчивости и стабильности всего образовательного процесса и его отдельных компонентов предоставлять возможность поступательного развития, являясь научно-методической платформой для органичного внедрения новейших методов и технологий. Именно *наследие* призвано формировать специалистов, профессиональная деятельность которых связана с обновлением прошлого опыта, уже имеющихся знаний и умений, их переосмыслением и развитием во всех сферах науки, техники и производства. Характеристикой смыслового ядра данных программ является онтическая сущность объектов и предметов изучения, их направленность на «закрепление» методологических оснований различных наук и видов деятельности человека. Портфель программ данной группы сформирован с учетом требований рынка труда и потребностей региональной экономики. Организационно-педагогическими признаками такого типа программ являются фундаментальность, единые образовательные результаты, традиционные формы и средства обучения. Сегодня в этот портфель будут входить все программы аспирантуры (программы подготовки кадров высшей квалификации), программы бакалавриата и магистратуры, миссия которых призвана обеспечить непрерывность подготовки специалистов в некоторых устойчивых областях науки и техники (для примера: физика, радиофизика, биология и др.).

Особенностью оформления группы программ с узкоспециализированной направленностью («под запрос» работодателя) является ориентированность на получение воспроизводимого результата деятельности с возможностью перенесения технологий и матриц деятельности и их интеграции в ранее не использовавшиеся сферы науки и техники.

Признаками данных программ можно считать воспроизводимость, технологичность, гибкость и трансформационная подвижность. Они позволяют готовить специалистов по «точечным заказам», быстро переобучая образовательную модель под нужды заказчика, использовать схемы интеграции и междисциплинарности в образовании и научных исследованиях. В то же время реализация данного типа программ требует новой схемы образовательного взаимодействия, которую мы видим в выделении и оформлении научно-образовательных кластеров. В процессе разработки и реализации образовательных программ такого типа запускается механизм трансформации образовательных институций в научно-образовательные кластеры. Каждому кластеру присваиваются ключевые смысловые ориентиры, в рамках которых ведется работа по формированию профессиональных профилей выпускников. Эти профили разрабатываются с учетом планируемой деятельности и приравнены по своему объему и содержанию к образовательным программам.

Третья группа образовательных программ обеспечивает опережающее развитие университета («технологический прорыв») и призвана гарантировать совершение необходимого и качественного скачка в развитии образования в целом, в образовательном проектировании в частности, в определении и формировании индивидуальных образовательных результатов и компетенций. Образовательные программы данной группы должны подготовить специалистов «нового типа», владеющих индивидуальным набором компетенций, способностями к самоорганизации и саморегуляции, а также ориентированных на ответственное отношение к качественному результату объединенных усилий и на самореализацию. Если сейчас образовательные программы реализуются для пополнения рынка труда и общества специалистами с профессиональными знаниями, то образовательные программы «прорыва» будут нацелены на развитие каждой конкретной личности, так как их основная функция состоит в сохранении и приумножении человеческого капитала.

Научно-образовательный кластер конструируется за счет интеграции образовательной и научно-исследовательской составляющих образования и представляет собой архитектуру университета нового типа. Выделение кластера ориентировано на объект, требующий изучения, в результате чего оформляются четыре основных кластера: «Человек — Разум — Общество», «Природа — Тело», «IT — AI», «Инженерия — Машина». Нами разработано содержание каждого кластера, которое представлено через ключевое содержание будущей деятельности в форме профессионально значимых характеристик будущего специалиста. В кластере «Человек — Разум — Общество» будущего специалиста характеризует деятельность, связанная с:

- формированием онтологий (онтологических моделей);
- разработкой концепций;
- созданием нарратива;
- развитием самоорганизации;
- воспитанием корпоративности и чувства принадлежности.

Смысловыми основаниями выделенного кластера «Природа – Тело» являются характеристики, формируемые в области:

- экологии человека;
- моделирования нейропроцессов;
- живых систем;
- технологического обеспечения формирования, развития и диагностики живых систем;
- управления системами «Человек – Природа», «Человек – Человек».

В качестве содержательных ориентиров выделенного кластера образовательных программ «IT – AI» являются профессионально значимые характеристики отражающие виды деятельности по:

- работе со «сложностью»;
- моделированию сложных систем и технологических процессов;
- вычислению и оценки «сложности» и сложных нелинейных систем;
- квантовой информатике и искусственному интеллекту;
- применению математического аппарата теории игр для решения прикладных задач.

При определении профессионально значимых характеристик будущего специалиста кластера «Инженерия – Машина» были сформулированы характеристики сфер деятельности специалиста в области инженерии, выполняющего действия, связанные с:

- объемно-ориентированным моделированием;
- цифровым прототипированием;
- промышленным Интернетом вещей;
- гибридными производственными технологиями;
- архитектурой предприятия будущего.

На данном этапе трансформации образовательной модели произойдет преобразование сути образовательного процесса – смена методологических оснований с целью познания и раскрытия продуктивных сил человека и его личностного потенциала. Изменения будут связаны с максимально быстрым и глубоким обновлением форм и средств обучения, способствующих выстраиванию кастомизированного образовательного маршрута.

В основу модели трансформации будут положены принципы и закономерности самоорганизации личности, ее самоуправления и самосо осуществления. В этой ситуации процесс «получения высшего образования» переходит в «создание, воспроизведение и совершенствование организации сложной динамической системы» – структуры личности. За счет правильного и индивидуально ориентированного образовательного взаимодействия в системе высшего образования, а также реализации кастомизированного образовательного маршрута будет формироваться личностно-профессиональная модель специалиста в той или иной сфере деятельности. Личностно-профессиональная модель специалиста смещает понятие образовательной программы, отражая индивидуальные профессиональные характеристики, присвоенные личностью в процессе ашперцепции отрефлексированного опыта. Лич-

ностно-профессиональная модель формируется в условиях цифровой образовательной среды, созданной в интеграции с технологиями искусственного интеллекта, позволяющего определить образовательную логику в соответствии с когнитивными способностями и уникальными потребностями студента.

Необходимо понимать, что трансформация образовательной модели приведет и к трансформации содержательного компонента будущей деятельности выпускника университета. Система высшего образования должна обеспечивать не только организационно-педагогические условия для поступательного развития личности студента, но и являться драйвером создания и формирования содержания новых видов деятельности, новой исследовательской повестки, новых профессий. В этом случае задачей высшей школы мы видим в создании индустрий как формы существования полипредметного поля деятельности. Индустрия станет областью применения сформированной личностно-профессиональной модели и предоставит возможность дальнейшего самосовершенствования выпускника в условиях полипредметности. Создание и формирование индустрий будет проходить за счет движущей силы взаимодействия ее элементов (диалектика природы), система высшего образования в этом случае должна выстраивать полипредметное поле, отражающее специфику той или иной деятельности внутри него.

Технологическая характеристика индустрии позволит обеспечить цифровизацию науки и производства, а также стать прочным фундаментом для становления экономики страны. В то же время именно система образования должна позаботиться прежде всего об определении роли и места личности человека в цифровом пространстве жизни, переосмыслить стратегическую парадигму развития человека, разработать базисные философско-педагогические и методологические основы современного человека с «цифрой в голове» [6; 7; 10]. И скорее всего, как мы предполагаем, это будет не сколько «цифровая трансформация образования по пути движения к персонализации образовательного процесса» [8; 11], сколько модель «нахождения себя» в существующих и вновь создаваемых индустриях. Технологии, интегрированные в каждую индустрию, предназначены только для высвобождения времени, автоматизации рутинных процессов и статистики. В целом же назначение индустрии — это выстраивание новой картины мира, которая лишена архаического технократизма и экономизма. В качестве примера мы выделяем такие индустрии: мышление и дизайн; здоровье / здоровьесбережение; знание (познание); нейроиндустрия; исследования; трансфер; управление; право; развлечения / досуг; гостеприимство; территории; высокие технологии; логистики; производственные системы; ресурсосбережение; социальные инициативы.

Каждая созданная индустрия (например, индустрия знаний, индустрия высоких технологий), в отличие от существующего рынка труда, который имеет тенденцию удовлетворять конкретные фиксированные потребности, функционирует, создавая новые потребности. Она почти возвращает к ремеслу, к созданию кастомизированного продукта деятельности. Высшее образование должно создать условия, где будущий

специалист научится строить системы, в которых существуют разные подходы и одновременно разные материалы. Это и будут индустрии, их полипредметный характер позволит реализовать профессиональный потенциал и каждый раз «тренировать» самостоятельность, адаптацию и гибкость личности в постоянно и быстро меняющемся поле индустрии. Создание новой индустрии – невероятно сложный цивилизационный и институциональный вызов, требующий детальной проработки, проведения научных исследований, обосновывающих ее существование; проектирование и реализацию процесса интеграции природы, человека, технологий.

В психолого-педагогическом фокусе рассмотрения процесса подготовки студента к деятельности в рамках индустрий важно выделить несколько позиций:

- разработка технологий психолого-педагогической поддержки кастомизированного образовательного маршрута;
- создание уникальных инструментов, формирующих компетентностный профиль;
- гармонизация образовательного взаимодействия, направленного на получение нового продукта совместной деятельности;
- выстраивание внутри образовательной организации экосистемы, которая станет основанием для принятия стратегических решений.

Список литературы

1. Иванова С. В., Иванов О. Б. Трансформация образовательного пространства в стремительно меняющемся мире // Педагогика. 2022. Т. 86, №7. С. 5–14.
2. Laurie Faculty of Education. Bachelor of Education Programme Handbook. 2011–2012. URL: <http://www.wlu.ca/education> (дата обращения: 18.01.2023).
3. Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке: принципы и перспективы // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009. С. 361–396.
4. Hulpsia H., Devos G., Keer H. The influence of distributed leadership on teachers' organizational commitment: a multilevel approach // Journal of Educational Research. 2009. Vol. 103. P. 40–52. doi: 10.1080/00220670903231201.
5. Дизайн магистерских программ: от рекрутинга к вовлеченности // Доказательная магистратура: результаты и перспективы / А. В. Гармонова, М. Б. Балова, Ю. Ю. Бочарова [и др.]. М., 2021. С. 123–150.
6. Навыки будущего: Что нужно знать и уметь в новом сложном мире / Е. Лошкарева, П. Лукша, И. Ниненко, И. Смагин, Д. Судаков. URL: http://arzumanyan.com.ru/files/2017/wsdoklad_12_okt_rus.pdf (дата обращения 21.04.2023).
7. Конанчук Д., Волков А. Эпоха «Гринфилда» в образовании // Ректор вуза. 2014. №2. С. 48–59.
8. Петровский В. А. Субъектность: новая парадигма в образовании // Психологическая наука и образование. 1996. Т. 1, №3. С. 100–109.
9. Ицкович Г. Модель тройной спирали / пер. с англ. И. А. Павловой // Инновации. 2011. №4 (150). С. 5–10.
10. Атлас новых профессий 3.0 / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М., 2020.
11. Константинов Г. Н., Филонович С. Р. Что такое предпринимательский университет // Вопросы образования. 2007. №1. С. 49–63.

Об авторе

Дмитрий Геннадьевич Житиневич — канд. юрид. наук, директор проектного офиса, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: dzhitinevich@kantiana.ru

D. G. Zhitinevich

KEY GUIDELINES OF EDUCATIONAL POLICY IN THE CONTEXT OF BUILDING A NEW MODEL OF HIGHER EDUCATION

85

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 31 July 2023

Accepted 5 November 2023

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-8

To cite this article: Zhitinevich D.G., 2023, Key guidelines of educational policy in the context of building a new model of higher education, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №3. P. 79–85. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-8.

The author examines the main aspects of the modern university activity related to the transformation of the educational system and current socio-cultural conditions of society. Possible strategies for organizing the educational process in a modern Russian university were formulated based on the integration of existing developments in higher education management. These strategies create conditions for responding to the educational needs of young people, taking into account the value orientations of the youth community. The proposed solutions are based on the principles of interdisciplinarity, integration of science and education, flexibility, and adaptability. A model for designing and developing educational programs in the context of higher education transformation is described.

Keywords: educational program, transformation of education, educational and scientific cluster, industry, professional and personal model of a graduate

The author

Dr Dmitry G. Zhitinevich, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: DZhitinevich@kantiana.ru

А. Б. Кондратенко¹, И. Д. Рудинский²

**ВЗАИМОСВЯЗЬ СКЛОННОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ
К МАНИПУЛИРОВАНИЮ И РЕЗУЛЬТАТОВ
ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ В ВУЗЕ**

¹ Филиал ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», Калининград, Россия

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 14.08.2023 г.

Принята к публикации 05.11.2023 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-9

86

Для цитирования: *Кондратенко А. Б., Рудинский И. Д.* Взаимосвязь склонности обучающихся к манипулированию и результатов проектной деятельности при обучении в вузе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №3. С. 86–95. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-9.

Представлены результаты научного исследования, участниками которого стали студенты, обучающиеся на программе бакалавриата направления подготовки «Государственное и муниципальное управление», чья будущая профессиональная деятельность тесно связана с межличностными взаимоотношениями в профессиональной коммуникации. Опытнo-экспериментальной базой послужил Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС). Склонность студентов к манипулированию оценивалась по шкале Т. Банта. В результате исследования показано, что склонность использовать манипулятивные приемы и методы в процессе проектного обучения в вузе негативно сказывается на общих результатах проектной деятельности отдельных творческих групп.

Ключевые слова: склонность к манипуляции, проектная деятельность, влияние на образование, обучающиеся, результаты обучения

Введение

Проектная деятельность широко используется в образовательном процессе современного вуза и является одним из самых эффективных педагогических приемов высшей школы. Проектный метод обучения позволяет не только осваивать сложные дисциплины учебного плана, но и реализовывать комплексные междисциплинарные исследования, предоставляет обучающимся возможность достигнуть междисциплинарного синергетического эффекта, более значительного для дальнейшей профессиональной деятельности [9; 10; 21].

Мы в своем исследовании под проектом понимаем специально организованный преподавателем вид коллективной образовательной деятельности студентов, ограниченный во времени и направленный на решение определенной производственной проблемы (учебной задачи). При этом преподаватели (или работодатели) ставят перед студенче-

ским творческим коллективом такие сложные комплексные задачи, которые не под силу решить одному обучающемуся. Темы проектов обсуждаются на расширенных заседаниях кафедры совместно с представителями работодателей и партнерами по организации стажировок на предприятиях. Особое значение овладение проектной деятельностью имеет для будущих бакалавров по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление». Решая поставленные реальной практикой задачи, студенты могут не только лучше освоить необходимые знания и навыки, полученные ими на лекциях и практических занятиях [12; 15], но и помочь государственным и муниципальным служащим в решении сложных проблем в реальной профессиональной деятельности [8; 16].

Анализируя результаты проектной деятельности, осуществляемой в рамках образовательного процесса по дисциплине «Социальное проектирование», в ходе которой студенты участвовали в разработке и реализации профессиональных проектных задач в течение весеннего семестра 2022/23 учебного года, мы выяснили, что не все группы (проектные команды) были успешными. В то же время исследование показало, что только некоторые неудачи объясняются объективными факторами (такими, как начальный уровень подготовки участников, мотивация обучающихся, соответствие тематики проектов перспективным направлениям, интерес студентов к предложенному проекту и др.). Представленное исследование можно рассматривать как попытку выявить новые факторы, объясняющие существенные различия в проектной деятельности разных групп.

Одним из подобных факторов влияния на результаты проектной деятельности при обучении в вузе, как мы предположили в ходе исследования, выступает влияние склонности обучающихся к манипулированию (макиавеллизма), поскольку феномены манипулятивного поведения наблюдались нами при решении студентами в группе проектных задач.

Надо сказать, что научные данные о макиавеллизме и манипулировании как элементе управления достаточно противоречивы в современной науке. В работах российских ученых манипулятивное поведение имеет, как правило, негативную коннотацию. Так, С. В. Герасимов рассматривает манипуляцию как средство и процесс «оказания воздействия на духовный мир субъекта скрытого управления» [2, с. 34]. В. В. Знаков пишет о том, что манипуляторы используют других людей в своих целях, не задумываясь о последствиях для них [5]. С. Г. Кара-Мурза, изучая объективную включенность манипулятивного управления в содержание легального (штатного) управления, пишет о том, что процесс манипулирования сопровождается ущемлением человеческого достоинства: к людям, которыми манипулируют, относятся как к средству или даже как к «...особого рода *вещам*» [6, с. 17]. Н. В. Клюева, пытаясь выявить глубинные причины использования манипулятивных стратегий в управлении, полагает, что они обусловлены особенностями современной российской деловой культуры и низким уровнем доверия к себе и персоналу [8]. В подобном же ракурсе манипулятивное поведение как проявление личностных черт и свойств рассматривают Е. Л. Доценко [4], К. М. Ксенофонтова, О. И. Карпова и М. В. Королева [11],

Э. М. Мустафаева [13], Н. С. Никитинская [14]. На негативный характер сознательной и бессознательной манипуляции в профессиональной деятельности руководителя указывают исследования Е. Т. Соколовой [17], Н. В. Уварьиной [18], Т. М. Харламовой [20].

В зарубежных исследованиях по психологии прослеживаются как аналогичные, так и противоположные точки зрения. С одной стороны, клинические психологи Л. Бауэрс (L. Bowers), А. Каукялайнен и др. (A. Kaukianinen et al.), Н. Н. Поттер (N.N Potter), Д. С. Уилсон (D.S. Wilson) рассматривают манипулятивное поведение как проявление (выражение) такой личностной черты, как макиавеллизм [22; 25; 27], и определяют как «деятельность, направленная "на достижение желаемой цели (извращенной или нормальной, символической или реальной) с помощью обмана, принуждения и хитрости, без учета интересов и потребностей тех, кто используется в этом процессе"» [22, р. 325]. Типология манипулятивного поведения освещена в негативном ключе: агрессия, запугивание, запугивание и физическое насилие, запугивание и психологическое насилие, установление особых отношений с целью добиться подчинения, обман для получения личной выгоды без заботы о жертвах и т. п. [22; 24; 25; 27]). Иными словами, манипуляция является нарушением этики, поскольку предполагает деструктивное, потребительское отношение к другим людям.

С другой стороны, Р. Хэмилтон и Р. Рипли (R. Hamilton, R. Ripley) рассматривают манипуляции в форме умышленных воздействий или контроля над поведением других ради собственной выгоды с помощью обаяния, убеждения, соблазнения, индуцирования вины и т. п. как приемы социальной инженерии [23]. Более того, долгое время манипулятивные навыки трактовались как факторы лидерского поведения, предикторы успешного ведения бизнеса, стратегии быстрого социального роста, получения выгоды в краткосрочной перспективе, являясь предпочтительными при подборе кадров в самых различных зарубежных организациях. В работах В. В. Знакова [2] и Е. Т. Соколовой [17] описано, что умение манипулировать считалось прогностически позитивной характеристикой сотрудника большой компании и «...некоторые зарубежные компании открыто сообщают, что предпочитают выбирать людей с высоким уровнем макиавеллизма, так как они прагматичны, эмоционально дистанцированы и способны самостоятельно принимать решения. макиавеллистов часто описывают как амбициозных, умных, настойчивых, более коммуникабельных и убедительных независимо от того, говорят они собеседнику правду или лгут. Эти личности более целеустремлены и конкурентоспособны, направлены, прежде всего, на достижение цели, а не на взаимодействие с партнерами. Напротив, нежелание или неумение манипулировать расценивалось как социальная некомпетентность, неумение добиться своего» [17].

Для нас исследование склонности к манипулятивному поведению в проектной деятельности будущих бакалавров представляет интерес, поскольку эффективность их будущей профессиональной деятельности в сфере «человек – человек» зависит от характера коммуникации. Известно негативное влияние данного феномена на психологический климат в коллективе [5; 8; 11; 17], эмоциональный интеллект [3; 12; 18; 24] и успешность результатов групповой деятельности [9; 10; 13; 14]. То

есть очевидна связь манипулятивного поведения с практиками профессиональной деятельности, связанными с активным межличностным взаимодействием [3; 5; 8; 11; 18], в том числе с проектной деятельностью в коллективе. Склонность к манипулированию может проявиться уже в процессе обучения в вузе, однако данные кросс-культурных исследований неоднозначны [26].

Мы предположили наличие обратной взаимосвязи между склонностью к манипулированию и успешностью / результативностью группы в проектной деятельности.

Опытно-экспериментальной базой исследования стал Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), реализующий направление подготовки «Государственное и муниципальное управление» (по программам бакалавриата). В исследовании приняло участие 40 студентов набора 2021 г., реализовавших учебные проекты в рамках изучения дисциплины «Социальное проектирование» в весенний период 2022/23 учебного года. Диагностика манипулятивных отношений произведена по шкале Банта [19]. В весеннем семестре 2022/23 учебного года при подготовке к учебному проекту было сформировано девять проектных групп, в каждую из которых вошли от трех до пяти студентов. Проектные группы были сформированы на основе личностных предпочтений, так как предыдущие исследования показали зависимость результата выполнения проекта от желания студентов работать над проектом вместе [3; 9; 10; 12].

Для оценки влияния склонности обучающихся к манипулированию студентами на образовательный результат проекта была разработана модель исследования (рис.).

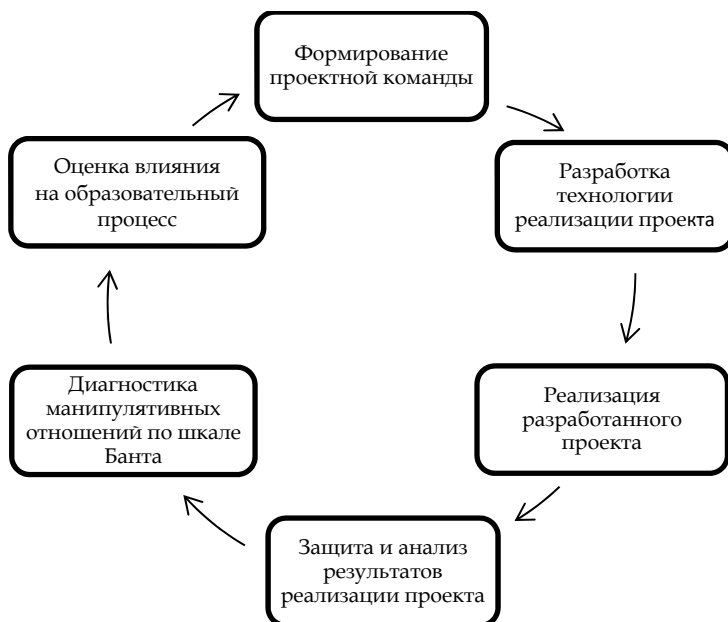

Рис. Модель исследования оценки влияния склонности обучающихся к манипулированию студентами на образовательный результат проекта

Работа над проектом выполнялась согласно утвержденной программе курса и состояла из следующих шести этапов:

1. Формирование проектной команды.
2. Обоснование актуальности проекта.
3. Описание ресурсов проекта.
4. Разработка технологии реализации проекта.
5. Формулирование и обоснование проектных решений.
6. Реализация разработанного проекта, подведение итогов, защита и анализ результатов реализации проекта.

Материалы и методы

Исследование проводилось в четыре этапа:

1. Комплексная экспертная оценка преподавателем и представителем работодателя результатов реализации проекта по каждой группе на основе критериев определенных фондом оценочных средств Западного филиала РАНХиГС. Экспертная оценка произведена отдельно профессорско-преподавательским составом и работодателями по пяти-балльной равномерной шкале (например, оценка «2» вдвое лучше, чем «1» и соответственно вдвое хуже, чем «4»). Результирующая оценка по проекту для каждой группы являлась средней арифметической от оценки преподавателя и работодателя.

2. Тестирование студентов с использованием программно-методического обеспечения объективного психологического анализа и тестирования ПМО ОПАТ «Эгоскоп» 228. Результат склонности обучающихся к манипулированию студентами оценивался по шкале Т. Банта [19]. Текст опросника состоит из 20 утверждений, которые требуется оценить по 5-балльной шкале: 5 – практически всегда; 4 – часто; 3 – иногда; 2 – случайно; 1 – очень редко. Баллы теста опросника суммируются. 80 баллов и больше – высокий показатель; 60–80 баллов – средний показатель с тенденцией к высокому; 40–60 баллов – средний показатель с тенденцией к низкому; 40 баллов и меньше – низкий показатель [7; 8].

3. Статистическая обработка и анализ полученных эмпирических материалов с целью выявления влияния склонности обучающихся к манипулированию на образовательный результат. Статистическая взаимосвязь между оценкой проектной деятельности и интегрального показателя склонности обучающихся к манипулированию оценивалась с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена (r_s), который показывает тесноту связи и ее направленность между двумя признаками.

4. Оценка корреляционной взаимосвязи интегрального показателя склонности обучающихся к манипулированию студентами с результатами проектной деятельности обучающихся по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление».

Результаты

Результаты оценивания каждой из проектных групп оценивались педагогами (в таблицах – ППС) и работодателями по пятибалльной шкале (табл. 1).

Таблица 1

Интегральная оценка проектных групп ППС и работодателями

Проектная команда	Экспертная оценка результатов проектных групп ППС и работодателями
1-я команда	5
2-я команда	4
3-я команда	4
4-я команда	2
5-я команда	2
6-я команда	1
7-я команда	5
8-я команда	3
9-я команда	3

91

Результаты диагностики склонности к манипуляции по шкале Банта каждой проектной группы приведены в таблице 2.

Таблица 2

Средние показатели склонности обучающихся к манипулированию по шкале Банта

Проектная команда	Усредненный показатель склонности обучающихся к манипулированию студентами
1-я команда	2
2-я команда	1
3-я команда	1
4-я команда	8
5-я команда	7
6-я команда	9
7-я команда	2
8-я команда	3
9-я команда	4

Статистическая обработка и анализ полученных эмпирических материалов с целью выявления взаимосвязи склонности обучающихся к манипулированию студентами с результатами проектной деятельности по Спирмену (коэффициент r_s для случая связанных рангов) показал, что связь между образовательными результатами и склонностью участников групп к манипуляции сильная и обратная. То есть чем выше склонность к манипуляции, тем ниже результат группы: коэффициент ранговой корреляции статистически значим ($\Gamma_{кр} = 0,68$ при $< \Gamma_{эмпир} = 2,65$), то есть корреляционная связь между оценками учебных проектов и

склонностью обучающихся к манипулированию студентами статистически достоверна. Существует значимая (сильная и обратная) взаимосвязь между склонностью обучающихся к манипулированию студентами в рамках проектной деятельности и оценкой результатов реализации проекта, что подтверждает выдвинутую гипотезу.

Заключение

Несмотря на негативную коннотацию склонности к манипулятивному поведению, в научной среде и сфере практической производственной деятельности сложились вариативные и неоднозначные оценки данного феномена. Тем не менее все исследователи сходятся в одном: человеку, склонному к манипуляции, свойственна нравственная позиция, согласно которой его цель оправдывает любые средства достижения, поэтому он способен нарушать социальные нормы и законы общества. Склонность к манипуляции с высокой вероятностью влечет за собой манипулятивное поведение в форме пренебрежительного, обесценивающего отношения к другим людям — деперсонализации, дефициту эмоциональных контактов и сопереживания. Под манипулятивным поведением понимается психическое воздействие / бездействие, которое предпринимается для того, чтобы заставить субъект воздействия принять нужное манипулятору решение либо изменить ранее принятое безотносительно к собственному мнению интересам и потребностям последнего и даже в ущерб им. Методы манипулятора различны: от информирования, убеждения, эмоционального влияния и других компетенций, полученных из социальной среды, до применения социальных технологий (общественное мнение, коммуникационное поле и др.).

Изучение роли манипулятивных отношений в проектной деятельности студентов, в частности будущих бакалавров по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление», является актуальной и значимой областью для междисциплинарных исследований в области образования и психологии управления. Обзор научной литературы показал, что данное явление рассматривается, с одной стороны, как психологическое субъект-объектное воздействие с негативной коннотацией, а с другой — как популярный метод коммуникации в сфере управления, в том числе манипулирование со стороны руководителей для достижения результатов и целей организации. В процессе проектной деятельности в коллективе студентов данный феномен обнаружил свою несостоятельность как инструмента управления и взаимодействия в творческой среде: выявлено, что чем выше в группе склонность к манипулированию, тем ниже результат проектной деятельности студентов. Полученные данные имеют как теоретическое значение для теории и методики профессионального образования, так и прикладное значение для разработки образовательных программ по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление», а также открывают перспективы дальнейших междисциплинарных сопоставительных кросс-культурных исследований в области государственного и муниципального управления.

Список литературы

1. Быков С. В. Взаимосвязь социальных установок у студентов с уровнем макиавеллизма личности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Психология. 2014. №1 (15). С. 81–89. EDN CEDHJ.
2. Герасимов С. В. Особенности современных манипулятивных технологий // Евразийский Союз Ученых. 2015. Вып. 8-3 (17). С. 17–20. EDN: UPBQIG.
3. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект в бизнесе. М., 2013.
4. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. СПб., 2003. EDN SCIVPZ.
5. Знаков В. В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении // Вопросы психологии. 2002. №6. С. 22–53. EDN SMMROB.
6. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2006. EDN: QXOFUV.
7. Клепикова Н. М. Особенности самоотношения личности в зависимости от уровня макиавеллизма // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7, №2. С. 50. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/104PSMN219.pdf> (дата обращения: 26.07.2023). EDN OTJQFT.
8. Клюева Н. В., Арефьева Н. С. Проявление доверия и манипуляций в управлении // Психология и психотехника. 2014. №2 (65). С. 131–138. EDN RYRETD.
9. Кондратенко А. Б., Кондратенко Б. А. Обоснования персонализации обучения студентов в информационном обществе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2016. №3. С. 83–89.
10. Кондратенко А. Б., Рудинский И. Д., Кондратенко Б. А. Организация образовательного процесса в инфокоммуникационной образовательной среде РАН-ХиГС // Балтийский морской форум : матер. VIII междунар. Балтийского морского форума. Калининград, 5–10 октября 2020 г. : в 6 т. Калининград, 2020. Т. 6. С. 86–89. EDN ZJJJZB.
11. Ксенофونتова К. М., Карпова О. И., Королева М. В. и др. Оценка макиавеллизма личности как проблема психологического отбора космонавтов // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2018. №1 (35). С. 296–301. EDN UOIODC.
12. Максимова Л. А., Шайхуллина С. А. Программа психолого-педагогического сопровождения развития эмоционального интеллекта как основы формирования «мягких» навыков в процессе профессионального самоопределения подростков // Психология человека в образовании. 2020. №4. С. 311–320.
13. Мустафаева Э. М. Социально-психологические особенности стилей руководства российских и британских менеджеров среднего звена, склонных к манипулированию : дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2017. EDN YPIQSS.
14. Никитинская Н. С. Манипулятивные стратегии в современной российской бизнес-среде (на примере малого бизнеса) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2014. EDN ZPLYBD.
15. Симеева И. Н., Клемешев А. П. К вопросу о моделях современной научно-образовательной политики в странах Балтийского региона // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2014. №11. С. 7–13.
16. Жуковский И. И., Клемешев А. П. и др. Системы образования зарубежных стран Балтийского региона в контексте инновационного развития экономики / под ред. И. Н. Симеевой. Калининград, 2013.
17. Соколова Е. Т., Иванущук Г. А. Проблема сознательной и бессознательной манипуляции // Психологические исследования. 2013. Т. 6, №28. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/714> (дата обращения: 26.07.2023).

18. Уварина Н. В., Курбангалеев В. С. Манипулирование в деятельности руководителя // Научная дискуссия: вопросы экономики и управления. 2016. №4-1 (48). С. 30–34. EDN VZGISB.
19. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2012.
20. Харламова Т. М. Манипуляция в профессиональной деятельности // Успехи современного естествознания. 2008. №6. С. 71–72. EDN JKEVMX.
21. *A Guide to the Project Management Body of Knowledge* (7th edition). Newtown Square, 2021.
22. Bowers L. Manipulation: Description, identification and ambiguity // *Journal of Psychiatric Nursing and Mental Health Nursing*. 2013. №10. P. 323–328.
23. Hamilton R., Ripley R. Machiavellianism and its Relation to Leader Perception: a Key to Pilot Selection // *AIAA's Aircraft Technology, Integration, and Operations (ATIO) 2002 Technical Forum*, 1–3 October 2002, Los Angeles, California. URL: <https://arc.aiaa.org/doi/pdf/> (дата обращения: 22.06.2017). doi: 10.2514/6.2002-5838.
24. Kaukianinen A., Salmivalli C., Bjorkqvist K. et al. Overt and covert aggression in work settings in relation to the subjective well-being of employees // *Aggressive Behavior* 2001. №27. P. 360–371.
25. Potter N. N. What is Manipulative Behavior, Anyway? // *Journal of Personality Disorders*. 2006. Vol. 20, №2. P. 139–156. doi: 10.1521/pedi.2006.20.2.139.
26. Simić I., Matović I. M., Stojković N. Analysis of Machiavellian Behavior of Students in the Republic of Serbia // *Facta Universitatis. Series: Economics and Organization*. 2015. Vol. 12, №3. P. 199–208.
27. Wilson D. S., Near D., Miiller R. R. Machiavellianism: A synthesis of the evolutionary and psychological literatures // *Psychological Bulletin*. 1996. Vol. 119, №2. P. 285–299. EDN: HKBRTP.

Об авторах

Анатолий Борисович Кондратенко – д-р пед. наук, проф., Филиал ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», Калининград, Россия.
E-mail: Anatolij_kondr@mail.ru

Игорь Давидович Рудинский – д-р пед. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.
E-mail: IRudinskii@kantiana.ru

A. B. Kondratenko¹, I. D. Rudinsky²

THE RELATIONSHIP BETWEEN STUDENTS' TENDENCY TO MANIPULATION AND THE RESULTS OF PROJECT ACTIVITIES IN UNIVERSITY EDUCATION

¹ Naval Academy in Kaliningrad, Kaliningrad, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 14 August 2023

Accepted 5 November 2023

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-9

To cite this article: Kondratenko A. B., Rudinsky I. D. 2023, The relationship between student's tendency to manipulation and the results of project activities in university education, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №3. P. 86–95. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-9.

The results of a scientific study are presented, with participants being students enrolled in the Bachelor's program in "State and Municipal Management," whose future professional activities are closely related to interpersonal relationships in professional communication. The experimental base for the study was provided by the Western Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA). The students' inclination toward manipulation was assessed using T. Bant's scale. The research showed that the inclination to use manipulative techniques and methods in the process of project-based learning at the university negatively affects the overall results of project activities of individual creative groups.

Keywords: manipulative relations, project activities, impact on education, students, results of learning

The authors

Anatoly B. Kondratenko, Kaliningrad branch of the Military Training Research Center "Naval Academy", Kaliningrad, Russia.

E-mail: anatoliy_kondr@mail.ru

Igor D. Rudinsky, Immanuel Kant Federal Baltic University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: IRudinskii@kantiana.ru

Т. В. Врачинская, О. В. Парахина, А. Б. Серых

**НОВЫЕ РЕАЛИИ ИНТЕГРАЦИИ
МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ
НА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЯХ ПОДГОТОВКИ
В ЦИФРОВУЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СРЕДУ**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 03.08.2023 г.

Принята к публикации 30.08.2023 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-10

Для цитирования: *Врачинская Т. В., Парахина О. В., Серых А. Б.* Новые реалии интеграции математического образования в вузе на педагогических направлениях подготовки в цифровую образовательную среду // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №3. С. 96 – 103. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-10.

Актуализируется необходимость интеграции и цифровизации в области математического образования при обучении бакалавров педагогических направлений подготовки в период перехода от SPOD-мира к VUCA-миру. Представлены направления модернизации и интеграции в обучении модулям и дисциплинам математического и информационного циклов в условиях цифровизации математического образования. Эти направления открывают новые возможности в подготовке будущих учителей математики, востребованных на рынке труда. Авторы предприняли попытку анализа потенциала дисциплин математического и информационного циклов в контексте междисциплинарной интеграции в области математического образования. Предложены три направления модернизации обучения основам теории массового обслуживания (целевой аспект, организационные процессы, содержательный аспект передачи знаний), которые включают в себя обновление целей математического образования бакалавров педагогических направлений подготовки, создание организационной инфраструктуры для обеспечения цифровизации и информатизации математического образования, актуализация его содержательного аспекта алгоритмами решения задач с применением инструментов программ общего и специального назначения. Представлен зарубежный опыт обучения теории массового обслуживания, в том числе посредством внедрения VR-технологий, веб-квестов в образовательный процесс, а также использования программных продуктов AnyLogic, Wolfram Alpha и др.

Ключевые слова: интеграция, цифровые технологии, цифровизация математического образования, подготовка педагогов, цифровая образовательная среда

Быстрота и качество трансформаций, происходящих сегодня в мире, изменения на рынке труда, потребности в формировании новых компетенций вынуждают систему образования менять подходы и фокусы в подготовке специалистов, в том числе в области педагогического образования. Технологическое развитие цивилизации, переход от

SPOD-мира к VUCA-миру идет экспоненциально, что должно стать ориентиром реорганизации образовательного процесса [2]. При этом интеграция на различных уровнях (дисциплин, компетенций, образовательных сред и т.д.) может выступать фундаментальной основой в контексте построения профессионально-личностной траектории в процессе формирования самостоятельно мыслящей, творческой личности.

Происходящие в образовании трансформации, регламентированные федеральными и национальными проектами [4; 6], призваны подготовить грамотных учителей математики, являющихся пользователями цифровых технологий и обладающих компетенциями XXI в. В этой связи роль математического образования и его практико-ориентированная направленность становится все более ощутимой [1]. Цифровизация и интеграция обуславливают направление вектора развития математического образования в контексте подготовки педагогов и предоставляют возможность ее качественной надстройки. В этом отношении считаем необходимым рассмотреть потенциал учебных дисциплин «Теория массового обслуживания», «Линейная алгебра», «Математический анализ», «Информатика», «Теория случайных процессов», «Математическая статистика», «Теория вероятностей» в условиях цифровизации математического образования и усиления межпредметных интеграционных связей внутри модулей дисциплин математического и информационного циклов на педагогических направлениях подготовки.

Нестабильность, неопределенность, сложность и неоднозначность как составляющие акронима VUCA характеризуют основы модулей и дисциплин математического и информационного циклов. Существует значительная потребность в выявлении, подготовке и реагировании на события в каждой категории VUCA-мира [7; 12]. Нестабильность, отражающая высокую скорость происходящих изменений, подходит для описания быстроменяющейся ситуации при применении теории массового обслуживания. Неопределенность предполагает нецелесообразность применения детерминистских моделей для принятия решений и актуализирует обращение к теории случайных процессов. Сложность, заключающаяся в парадоксе кажущейся простоты вероятностных задач, связанных с работой систем массового обслуживания различного вида требований, при этом приводит к кратности роста сложности задействованного математического аппарата при изменении хотя бы одного параметра входящего потока или самой системы. Неоднозначность предполагает существование различных сценариев построения дисциплины очереди и ее обслуживания системой.

Интегративная по своей сути дисциплина «Теория массового обслуживания» углубляет и расширяет предметную и методологическую подготовку бакалавров педагогических направлений, усиливая профессиональную направленность обучения.

«Теория массового обслуживания» – это математическая дисциплина, которая анализирует и предлагает решения процессам, в которых потоки запросов проходят через определенные устройства для их обслуживания. Пионером теории массового обслуживания был датский инженер Агнер К. Эрланг (A.K. Erlang). В начале XX в. он вывел уникальные закономерности для вероятностей состояний стабилизирован-

ной цепи Маркова с потерями. Системы массового обслуживания — это системы (физические, социальные), ориентированные на удовлетворение потребностей отдельных лиц, клиентов и требований, поступающих в систему [10]. В контексте рассматриваемой дисциплины межпредметные связи находят свое отражение в системе упражнений и прикладных задач, которые наиболее полно и конкретно выражают цели изучения математических моделей. Реализация междисциплинарной интеграции в области математического образования при обучении бакалавров педагогических направлений подготовки позволяет не только достичь овладения так называемыми «жесткими навыками» (hard skills — владение вероятностно-статистическим аппаратом, символикой, языком моделирования, интерпретации и т.д.) и «мягкими компетенциями» (soft skills — коммуникативные, гностические умения, формирование самостоятельного научного и профессионального мышления и т.д.), но и сформировать целостное научное мировоззрение будущих педагогов.

Результаты обновленного математического образования должны быть ориентированы как на практико-ориентированный, прикладной, так и на научно-исследовательский вид профессиональной деятельности будущего учителя математики. В контексте трудовой функции 3.2.4 модуля «Предметное обучение. Математика» профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» [5] можно сформулировать основной перечень знаний и умений выпускника: умение работать с цифровыми технологиями сбора, обработки и передачи информации; умение работать с базами данных, анализировать данные и обрабатывать статистику; знание основ кибербезопасности; умение представлять данные в различных формах на основе использования инструментов компьютерных программ общего назначения; знание основ программирования и HTML; умение выбирать и использовать программы общего и специального назначения и их инструменты для решения математических задач, исследования математических моделей прикладных задач; навык работы в различных системах и др.

В рамках использования цифровых технологий представляется логичным в процессе обучения основам теории массового обслуживания модернизировать следующие направления: во-первых, целевой аспект; во-вторых, организационные процессы; в-третьих, содержательный аспект передачи знаний.

В рамках первого направления необходимо обновление целей математического образования бакалавров педагогических направлений, достижение которых приблизит подготовку будущих педагогов к реализации тенденций математизации и цифровизации в профессиональной деятельности. Отметим, что фундаментальный характер математики и возможность повсеместного применения теории массового обслуживания позволяет в содержательном плане ориентироваться практически на любой вид конкретной профессиональной деятельности: как в области преподавания учебных предметов математического цикла, так и в различных технических областях, в социальной сфере

постоянно возникает необходимость решения вероятностных задач, в том числе связанных с работой систем массового обслуживания различного вида требований.

Организационный аспект носит скорее экономический характер, связанный с оснащением образовательной среды техническими средствами, созданием организационной инфраструктуры для обеспечения процесса цифровизации и информатизации математического образования в контексте междисциплинарной интеграции. Функциональные возможности и технические характеристики цифровых технологий в последнее время феноменально быстро растут, расширяя профессиональные возможности будущих учителей математики. Однако цифровизация математического образования не может сводиться только лишь к модернизации используемых в образовательном процессе гаджетов и замене ручек и тетрадок на ноутбуки и планшеты. Основная задача должна быть поставлена в русле создания и интеграции более результативных и эффективных методов и технологий обучения, отвечающих современным тенденциям и открывающих дорогу новым возможностям. Цифровые технологии выступают как способ технического усовершенствования и как условие изменения уже имеющихся методов.

Достижение сформулированных выше целей модернизации математического образования бакалавров педагогических направлений подготовки в условиях интеграции и цифровизации возможно в случае дополнения его содержательного аспекта алгоритмами, примерами решения задач с применением инструментов программ общего и специального назначения, а также комплектами соответствующих задач с существенным изменением их условий. Настоящие учебники содержат задачи, оторванные от реальности, с данными, специально подобранными так, чтобы минимизировать применение вычислительной техники. Однако очевидная межпредметность и практико-ориентированность теории массового обслуживания требует дополнения их заданиями, требующими сбора и обработки информации, анализа приближенных к реальности процессов. При этом надо понимать, что математические задачи, являющиеся моделями реальных ситуаций, в большинстве своем невозможно решить точными методами, следовательно, возникает необходимость применения цифровых технологий для обработки данных и визуализации результатов. Данное обстоятельство ставит серьезный вопрос о пересмотре содержания математического образования на педагогических направлениях подготовки в плане смещения акцентов с точных на численные методы.

По мнению некоторых зарубежных исследователей, внедрение VR-технологий в курс обучения теории массового обслуживания может быть достаточно эффективным в контексте подготовки будущих специалистов, обеспечивая иммерсивную и интерактивную образовательную среду и представляя более практический и визуальный контекст для теоретических концепций. М. Хамильтон (M. Hamilton), Р. Джарадат (R. Jaradat), П. Джонс (P. Jones) и др. предлагают набор обучающих модулей виртуальной реальности. Эти модули позволяют обучающимся испытать ощущение присутствия в виртуальной среде системы массового обслуживания, которая представляет собой реальную профессио-

нальную ситуацию, а также расширить свои естественные способности восприятия информации и собственный уникальный опыт. Учебные виртуальные модули делают образовательный процесс практико-ориентированным и обеспечивают полное «погружение» обучающихся в профессиональную среду. Одним из преимуществ модулей, по мнению исследователей, является то, что они дают возможность устранить необходимость наличия дорогостоящего оборудования для понимания особенностей применения теории массового обслуживания [11].

Целесообразность использования программных продуктов в процессе обучения основам теории массового обслуживания при моделировании протекания реальных процессов обуславливается возможностью создания адекватной математической модели. Подобное моделирование процессов интегрирует в себе теоретические и экспериментальные методы исследования, что обеспечивает более глубокое погружение обучающегося в изучаемый предмет.

Ряд зарубежных исследователей предлагает использовать веб-квесты, основанные на исследовательском методе, в качестве педагогического инструмента при обучении будущих педагогов теории массового обслуживания. В этом случае обучающиеся разрабатывают и реализуют симуляционные проекты; в веб-квест также должны быть включены вспомогательные материалы, например полезные ссылки на веб-ресурсы и критерии оценивания [8].

Множественная повторяемость ситуаций в системах массового обслуживания в том или ином смысле, а также статистическая устойчивость картины диктует необходимость применения в процессе обучения систем автоматизации трудоемких вычислительных работ, связанных с числовым анализом. Автоматизация сложных вычислений, оптимизация повторяющихся задач с использованием традиционных систем *Mathematica*, *Maple*, *MatLab*, *MathCad* способствует концентрации обучающихся на понимании сути протекающего процесса и дает возможность перераспределить учебное время занятия в пользу развития умения перевести проблему из реальной действительности в математическую модель, исследовать ее и верно интерпретировать полученные результаты.

Одним из примеров нетипичной для математического образования, но перспективной методологии и средства визуального моделирования сложных систем является универсальная система *AnyLogic*, которая подходит для построения имитационной модели процесса массового обслуживания на предмет грамотного задействования каналов обслуживания в зависимости от меняющейся плотности потока требований [10]. При этом построенная имитационная модель дает возможность оценить эффективность работы системы и в случае неприемлемого времени ожидания обслуживания, и в случае отказа в обслуживании. Преимуществом использования данной системы также является ее визуальный и иерархический характер, что, в свою очередь, позволяет создавать сложные модели в виде диаграмм, содержащие как дискретные, так и непрерывные интеграционные связи между объектами с использованием графических описаний переходов и состояний.

Среди цифровых технологий, представляющих и методический, и инструментальный интерес с точки зрения проведения вероятностных экспериментов и изучения случайных процессов, можно отметить набор вычислительных алгоритмов *WolframAlpha* [3]. Это бесплатный веб-сервис, разработанный *Wolfram Research*, который динамически вычисляет результаты запросов на естественном языке, применяя алгоритмы к своей обширной внутренней базе данных фактов [9]. В настоящее время имеется определенный опыт применения *Wolfram*-технологий для количественного анализа социально-экономических ситуаций, но перспективным направлением для расширения дидактических приложений технологий *Wolfram* можно считать также теоретико-игровое моделирование.

В целом можно утверждать, что, цифровые технологии обладают значительным методологическим потенциалом при обучении основам теории массового обслуживания в случае их полноценного использования на основе симулирования. Цифровизация позволяет добиться повышения мотивации бакалавров педагогических направлений подготовки к изучению математики, делая процесс существенно более интересным; сжатия цикла получения знаний при увеличении объема выполнения заданий за счет разнообразия форм усвоения учебного материала; усиления прикладной направленности и удовлетворения требованиям к квалификации кадров в области цифровой грамотности. Так обучающиеся будут готовы к новым вызовам перед профессией педагога за счет получения принципиально новых навыков работы в цифровой образовательной среде.

Список литературы

1. Концепция развития математического образования в Российской Федерации : утв. распоряжением Правительства РФ от 24.12.2013 №2506-р. URL: <https://rg.ru/2013/12/27/matematika-site-dok.html> (дата обращения: 25.07.2023).
2. Марей А. Цифровизация как изменение парадигмы. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/about/bcg-review/digitalization.aspx> (дата обращения: 25.07.2020).
3. Муханов С. А., Муханова А. А. Использование сервиса *WolframAlpha* при моделировании вероятностных экспериментов // Современное педагогическое образование. 2019. №2. С. 67 – 69.
4. О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 09.05.2017 №203. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 25.07.2023).
5. Профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155553/fcd5ad2f7bcae420af7b0e706a20935cafd7f5ec/ (дата обращения: 25.07.2023).
6. Федеральный проект «Цифровая образовательная среда». URL: <https://strategy24.ru/rf/education/projects/natsionalnyy-proektobrazovanie> (дата обращения: 25.07.2023).
7. Bennett N., Lemoine G. J. What a difference a word makes: Understanding threats to performance in a VUCA world // *Business Horizons*. 2014. Vol. 57, №3. P. 311 – 317.

8. Chan R. Teaching queueing theory with an inquiry-based learning approach: A case for applying webquest in a course in simulation and statistical analysis // *Frontiers In Education Conference – Global Engineering: Knowledge Without Borders, Opportunities Without Passports*. Milwaukee, 2007. P. F3C-1–F3C-6. doi: 10.1109/FIE.2007.4418162.

9. Dimiceli V.E., Lang A.S.I.D., Locke L.A. Teaching calculus with Wolfram|Alpha' // *International Journal of Mathematical Education in Science and Technology*. 2010. Vol. 41, №8. P. 1061–1071. URL: https://www.researchgate.net/publication/251423135_Teaching_calculus_with_WolframAlpha (дата обращения: 25.07.2023).

10. Ďutkova S., Achimsky K., Drozdziel P. Simulation of a Queuing System of a Post Office in Anylogic Software. *Communications // Scientific letters of the University of Zilina*. 2020. Vol. 22. P. 15–22. doi: 10.26552/com.C.2020.2.15-22.

11. Hamilton M., Jaradat R., Jones P. et al. Immersive Virtual Training Environment for Teaching Single- and Multi-queueing Theory: Industrial Engineering Queueing Theory Concepts. 2018. Conference: 2018 ASEE Annual Conference and Exposition : Conference Paper. doi: 10.18260/1-2--30597.

12. Kinsinger P., Walch K. Living and Leading in a VUCA world. URL: <https://knowledgenetwork.thunderbird.edu/research/2012/07/09/kinsinger-walch-vuca/> (дата обращения: 03.08.2023).

Об авторах

Татьяна Валерьевна Врачинская — д-р пед. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: tanya-kgrd@rambler.ru

Олеся Владимировна Парахина — канд. пед. наук, заместитель руководителя образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук» по развитию и проектной деятельности, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: OParakhina@kantiana.ru

Анна Борисовна Серых — д-р пед. наук, д-р психол. наук, проф. Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ASerykh@kantiana.ru

T. V. Vrachinskaya, O. V. Parakhina, A. B. Serykh

NEW INTEGRATION PRACTICES OF MATHEMATICS EDUCATION INTO UNIVERSITY DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT FOR PRE-SERVICE TEACHER TRAINING

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 3 August 2023

Accepted 30 August 2023

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-10

To cite this article: Vrachinskaya T.V., Parakhina O.V., Serykh A.B. 2023, New integration practices of mathematics education into university digital educational environment for pre-service teacher training, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №3. P. 96–103. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-10.

The need for integration and digitization in the field of mathematical education for bachelor students in pedagogical disciplines is being actualized during the transition from the SPOD (Stable, Predictable, Orderly, and Democratic) world to the VUCA (Volatile, Uncertain, Complex, and Ambiguous) world. The directions for modernization and integration in the teaching of modules and disciplines in the mathematical and information cycles under the conditions of digitization of mathematical education are presented. These directions open up new possibilities in the preparation of future mathematics teachers who are in demand in the labor market. The authors attempted to analyze the potential of disciplines in the mathematical and information cycles in the context of interdisciplinary integration in the field of mathematical education. Three directions for modernizing the teaching of the fundamentals of queueing theory are proposed (target aspect, organizational processes, substantive aspect of knowledge transfer), which include updating the goals of mathematical education for bachelor students in pedagogical disciplines, creating organizational infrastructure to ensure digitization and informatization of mathematical education, and updating its substantive aspect with algorithms for solving problems using tools of general and special-purpose software. The international experience of teaching queueing theory is presented, including the introduction of VR technologies, web quests into the educational process, as well as the use of software products such as AnyLogic, Wolfram Alpha, and others.

Keywords: integration, digital technologies, Mathematics Education digitalization, pre-service teacher training, digital educational environment

The authors

Prof. Tatiana V. Vrachinskaya, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: tanya-kgrd@rambler.ru

Dr. Olesya V. Parakhina, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: OParakhina@kantiana.ru

Prof. Anna B. Serykh, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ASerykh@kantiana.ru

И. Н. Симаева¹, А. О. Бударина¹, А. С. Чуприс²

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19
И В ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЙ ПЕРИОД:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

104

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

² Институт развития профессионального образования, Москва, Россия

Поступила в редакцию 09.08.2023 г.

Принята к публикации 30.08.2023 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-11

Для цитирования: Симаева И. Н., Бударина А. О., Чуприс А. С. Цифровизация высшего образования в условиях пандемии COVID-19 и в постпандемический период: методологические проблемы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №3. С. 104 – 115. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-11.

В статье обсуждается расширение поисковой базы исследований в сфере психологии образования через анализ методологических проблем, которые возникли на пути системной цифровизации общего и профессионального образования в России во время пандемии COVID-19 и в постпандемический период. Цифровизация в эти периоды ускорила трансформацию социализации средствами образования в условиях виртуальной образовательной среды. Фундаментальная проблема цифровой трансформации образования заключается в том, что цифровой формат образования в его современном дистанционном виде вступает в противоречие с современной гуманистической парадигмой образования, для которой характерны приоритет субъект-субъектных отношений, идеи инклюзии и интересы социализации в процессе обучения и воспитания. Перспективы дальнейших исследований видятся в исследованиях трансформации современной методологии образования в контексте цифровизации, создании релевантных психологических основ виртуального педагогического общения для развития социально-эмоциональных навыков и эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: цифровизация систем образования, социализация обучающихся, пандемия, цифровой формат обучения, мотивация

Введение

Современная цивилизация вступила в четвертую индустриальную революцию, которая неразрывно связана с цифровой трансформацией образования. Актуальной проблемой современной системы образования в России [1; 3; 8; 26] и за рубежом [35; 36] является отсутствие единой позиции по вопросу принципов развития образования в соответст-

вии с современными вызовами. Одним из вызовов для систем образования в мире стала пандемия COVID-19 [1; 38]. Системный кризис в начале пандемии в 2019–2020 гг., нанес существенный урон системам образования: согласно статистике ЮНЕСКО, в 2020 г. в мире более миллиарда обучающихся на разных уровнях образования пострадали от нарушений образовательного процесса [1; 37; 38]. Отдаленные последствия еще предстоит оценить, однако аналитика публикаций в России и мире позволяет говорить о том, что системы высшего образования в разных странах смогли перестроить свою работу в условиях стихийного бедствия: открылись для свободного пользования образовательные порталы и платформы; к оперативному мониторингу ситуации подключились высшие учебные заведения, дабы оценить масштабы изменений и спрогнозировать дальнейшие стратегии работы [16; 22; 36]; изучалось реагирование всех субъектов образовательного процесса на дистанционный режим обучения и оценивалась его эффективность [31]. Пандемическая ситуация продемонстрировала неизбежность цифровой трансформации как качественного преобразования ключевого социального института.

Цифровизация и качество образования

Обзор научных публикаций показывает, что большинство экспертов образования придерживаются позиции, что мир вступил в эпоху глобальной цифровой трансформации образовательных систем, которая ставит под вопрос качество образования [2; 9; 27; 33]. Описывая проблемы цифровизации, эксперты в первую очередь указывают на технические трудности и недостаточные навыки владения преподавателями информационными технологиями, неравенство доступа к образовательным ресурсам и неопределенность образовательных ситуаций [2; 9; 27]. Так, М. В. Артамонова, анализируя проблемы цифровизации и пути их решения, приводит примеры успешной подготовки специалистов, позволяющих на практике реализовывать программу «Цифровая экономика Российской Федерации», и тем не менее отмечает дефицит кадров и недостаток высококачественных специалистов [2]. О. А. Козлов при разработке организационно-методических материалов для совершенствования домашней учебной работы школьников в условиях цифровой трансформации образования указывает на существенное влияние учителя на результативность самостоятельной домашней работы учащихся [11]. Аналогичной позиции придерживается В. С. Тоискин, рассматривая процесс трансформации педагогического образования как системы воспитания и развития личности в условиях цифровизации. Он пишет о несовместимости существующей системы образования и ее педагогического инструментария, с одной стороны, и компетенций, необходимых современному специалисту, — с другой [13].

Л. Бараш, С. А. Грязнов, А. Р. Зенков, А. Н. Ксензова, А. Ю. Уваров, Э. Гейбл, И. В. Дворецкая [3; 7; 9; 15; 27], А. Гарсия дель Духо [35] и др., характеризуя возможности и ограничения цифрового обучения, доказывают, что даже в условиях серьезных социальных потрясений цифровые технологии способствуют обеспечению обучения, создают новый опыт, поддерживают новые способы обучения и сотрудничества. В то же время ученые подчеркивают неоднозначность влияния цифровизации. По их мнению, «новые технологии не только не способствуют решению "застарелых" проблем отрасли, но и провоцируют появление новых вызовов в этой сфере» [9, с. 55]. О неопределенности пишут Е. В. Неборский, М. В. Богуславский, Н. С. Ладыжец и Т. А. Наумова [19], А. Бозкурт, И. Юнг, Ж. Сяо, Р. Шувер и др. [33]. Среди вызовов и проблем для цифровизации высшего образования Е. В. Неборский и его соавторы выделяют «турбулентность, рискогенность, возрастание неопределенности, лавинообразное возникновение гибких технологий, открытых изменениям и требующих креативных управленческих и технологических решений, способствующих вовлеченности молодого поколения в гибкие образовательные сценарии на протяжении жизни» [19, с. 168–169].

Барьером выступает латентное сопротивление цифровизации образования, которое имеет место среди ученых и педагогов на всех уровнях образования. В частности, Н. Г. Яковлева видит взаимосвязь социально-экономических проблем развития образования и цифровизации экономики и общества и указывает, что регрессивные процессы коммерциализации, бюрократизации и «менеджеризации» образования находят адекватную форму в виде цифровизации [32]. Е. В. Устюжанина и С. Г. Евсюков полагают, что цифровизация порождает «стремление к имитации очного образования, слабый контроль качества образовательных продуктов, низкую интерактивность, примитивизацию компетенций» [28, с. 3], а в качестве наиболее существенной проблемы указывают на трансформацию и укрупнение рынка образовательных услуг. Б. Е. Стариченко уже в разгар пандемии, в 2020 г., в своей статье «Цифровизация образования: иллюзии и ожидания» на основе анализа программных документов приходит к заключению, что «ни один из них не содержит определения понятия "цифровизация образования", не ставит задач ее оперативного осуществления ни в общеобразовательной, ни в высшей школе, не указывает явно методов реализации», то есть указывает на «отсутствие какого-либо научно-педагогического и юридического обоснования предлагаемых действий, отсутствие учета медицинских противопоказаний, а также опыта зарубежных стран». Его вывод состоит в том, что «цифровизация не должна носить революционного характера и реализовываться с учетом приоритетов значимости отдельных мероприятий и возможности выполнения необходимых для них условий» [25, с. 49]. В. В. Красильников и соавторы, описывая дидактические аспекты подготовки и переподготовки педагогических кадров в условиях цифровизации образования, отмечают угрозы безопасности личности, манипуляции сознанием и деструктивное воздей-

ствие на когнитивные функции обучающегося [14]. А. В. Носкова и А. С. Проскурина на основе обследования фокус-групп в составе преподавателей социально-гуманитарных и естественных дисциплин из вузов разных регионов России открыто пишут о существовании преподавателей-рутинеров, замедляющих внедрение цифровых технологий и выражающих неоднозначное отношение к процессу цифровизации сферы образования [21].

Фундаментальная социально-психологическая проблема цифровой трансформации образования

Вышесказанное с очевидностью показывает, что большинство исследователей цифровизации образования, не отрицая цифровую реальность образовательного пространства, все же представляет процесс дискретно, сосредоточивает внимание на отдельных преимуществах и / или недостатках образовательной цифровой среды — к примеру, анализируя негативные и позитивные тенденции «авральной» цифровизации образовательного пространства в условиях локдауна. Л. И. Евсева, Е. Г. Поздеева, О. Д. Шипунов и В. В. Евсеев [8], И. В. Влацкая и др. [6] описывают так называемый «цифровой след» как результат образовательной деятельности личности обучающегося и полагают, что аналитические данные по цифровому следу или индивидуальному цифровому профилю субъекта будут способствовать индивидуализации образовательной траектории и отвечать запросам цифровой экономики. Н. А. Коровникова в характеристике образовательного пространства акцентирует внимание на социально-экономических последствиях пандемии и влиянии изменений на молодежь [12]. С. А. Бешенков, Я. А. Ваграменко, В. А. Касторнова и др. представляют значимым и перспективным выстраивание траекторий взаимодействия с общественными структурами [5] и обеспечение информационной безопасности субъектов образовательного процесса в процессе информатизации [4]. А. А. Левицкая выделяет трансформацию ценностных ориентиров в контексте массовой цифровизации образовательного и социального пространства [17].

Однако вышеперечисленное представляет собой лишь «верхушку айсберга», под которой латентной остается фундаментальная проблема цифровой трансформации образования. Дело в том, что, несмотря на технический прогресс последних десятилетий, системы образования декларировали гуманизацию и гуманитаризацию целевых ориентиров образования. Технократическая составляющая осуществляла лишь инструментальную функцию: поиск информации, научно-исследовательские контакты и т. п. Дистантная и онлайн-коммуникация между субъектами образования не играла столь важной роли, как в период и после пандемии. Несомненно, становление компетентностного подхода несколько «сдвинуло» баланс между гуманистическим и технократическим аспектами образовательного процесса. Еще за два года до панде-

мии в публикациях ЮНЕСКО (2018) отмечалось, что «на всех уровнях формального образования страны уделяют большое внимание когнитивному обучению, а не социально-эмоциональному и поведенческому обучению, которые являются важнейшими инструментами для расширения возможностей учащихся и осуществления перемен» [37].

Подобные тенденции наблюдаются в цифровизации высшего образования в разных странах, в том числе в России и Республике Беларусь. Цифровизация высшего образования провозглашена как национальный тренд интеллектуализации образовательного процесса в вузах с целью трансфера новых знаний и умений в инновационные технологии, которые обеспечат национальную экономику кадрами с высокой производительностью интеллектуального труда, в основе которого находится цифровая компетентность [29]. Аналогичные тенденции обнаруживаются в исследованиях ученых других стран [33–36].

В данной ситуации технократические методы оценивания результатов обучения и воспитания вступают в противоречие с методологией образования на базисе гуманистической парадигмы [30]. На феноменологическом уровне современный формат активного внедрения цифровых технологий и методов секвестрирует главный механизм субъект-субъектных отношений в процессе обучения и воспитания — педагогическое общение. Современный уровень цифровых технологий пока не способен обеспечить педагогическую перцепцию. Арсенал интерактивных методов и методик коммуникации и интеракции также довольно скуден, лишен спонтанности и креативности. Восприятие педагога как личности и непосредственное взаимодействие с ним «выпадают» из индивидуализации образовательной траектории и теряют смысл как факторы социализации, личностного развития обучающегося и профессионального развития педагога. Педагогическая коммуникация достаточно часто приобретает характер технолого-эпистолярного процесса: педагог формирует образовательный контент в LMS или подобной ей системе, дает задания обучающимся и оценивает выполнение согласно установленным им же критериям [1]. Проблема методологии и методов виртуального педагогического общения встала особенно остро в условиях пандемии, однако и в постпандемический период развитие социально-эмоциональных навыков и эмоционального интеллекта остается приоритетным [37]. Девяносто пять процентов респондентов Открытых общественных консультаций европейского Плана действий по цифровому образованию (2021–2027 гг.) считают, что пандемия COVID-19 знаменует поворотный момент в том, как технологии используются в образовании [34]. Однако данная политическая инициатива Европейского союза, которая «призвана установить общее видение высококачественного, инклюзивного и доступного цифрового образования в Европе и направлена на поддержку адаптации систем образования и обучения государств-членов к цифровой эпохе, определяет два стратегических приоритета и четырнадцать действий по их поддержке, скорее является призывом к расширению сотрудничества

на европейском уровне в области цифрового образования для решения проблем пандемии COVID-19 и предоставления возможностей для образовательного и учебного сообщества (учителей, студентов), политиков, научных кругов и исследователей на национальном, европейском и международном уровнях» [34], не содержит никакого научно-теоретического (методологического) обоснования, давая лишь конкретные указания, предложения и практические рекомендации.

Анализ результатов Всероссийского конкурса лучших психолого-педагогических программ и технологий в образовательной среде (2021) также ставил акцент на «совершенствовании научного и методического обеспечения психолого-педагогической деятельности» [23].

Представляется, что вышесказанное усиливает риск смещения субъекта образования на цифровые услуги и, как следствие, на связанные с ними трансформации социальных представлений и нормативного поведения у представителей молодого поколения [20; 26]. С одной стороны, цифровизация способна обеспечить более широкий доступ к образовательным услугам, а обучающиеся могут иметь высокую скорость адаптации к информационно-коммуникационным технологиям. Так, опыт департамента образования и науки Москвы по апробации функциональных возможностей платформы «Московская электронная школа» показал, что с ее помощью успешно реализуются основные функции управления: планирование основной деятельности, оценка и контроль персональных и обобщенных результатов обучения, организация обратной связи с законными представителями обучающихся [10].

С другой стороны, миссия систем образования – служить целям социализации и развития личности и общества. И данная миссия еще требует своего методологического обоснования и обеспечения в процессе цифровизации в постпандемический период.

В России и других странах ведутся исследования и разработки виртуальной модели обучающегося [3; 6; 8; 18; 33]. Министерство просвещения Российской Федерации уже предприняло меры по созданию элементов цифровой образовательной среды и предоставлению педагогическим работникам и обучающимся доступа к цифровому образовательному контенту и образовательным сервисам на всей территории страны. Созданы различные информационные системы Минпросвещения России, в частности государственная информационная система «Российская электронная школа», федеральный портал «Российское образование», «Единая автоматизированная информационная система сбора и анализа данных по учреждениям, программам, мероприятиям дополнительного образования и основным статистическим показателям охвата детей дополнительным образованием в регионах», федеральная государственная информационная система «Моя школа» и ряд других компонентов федеральной информационно-сервисной платформы цифровой образовательной среды. На уровне субъектов РФ также создавались различные информационные системы в сфере образования для предоставления цифровых образовательных сервисов. Од-

нако разнородность ИТ-ландшафта систем, используемых моделей предоставления данных и цифровых сервисов во всем мире не позволяет говорить о единстве технологических и методологических подходов, что создает значительные сложности для субъектов образования. Стоят задачи обеспечения разработки единых подходов к взаимодействию образовательных систем, формирования инструментария для применения в образовательных организациях электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, а также унификации учета фактов для автоматического формирования форм статистического наблюдения за образовательной деятельностью.

110

Дело в том, что возникающие формальные и отчужденные формы обучения, информационно-коммуникативные технологии, к примеру дистанционное обучение в период пандемии, неминуемо влияют на мышление и поведение обучающегося. Существует высокий риск формальной элиминации обучающегося как активного субъекта реальной образовательной деятельности, влекущий за собой кризис образования и даже социально-антропологический кризис. Заметим, что стихийно возник компенсаторный социально-эволюционный механизм преодоления феномена отчуждения: в настоящее время идет стихийная самоорганизация ученических и студенческих сообществ в социальных группах сети Интернет, что чревато социальными и психологическими рисками [3; 20; 26; 35]. Это приводит к необходимости расширения научных исследований в области развития информатизации образования в школе и вузе в условиях обеспечения информационно-психологической безопасности личности субъектов образовательного процесса.

Перспективы дальнейших исследований

Исходя из вышесказанного и признавая цифровизацию образования безусловно важным инструментом, расширяющим возможности образовательных практик, мы видим необходимость трансформации современной методологии образования, пересмотра ряда принципов, на которых строится образовательная деятельность в современном дистанционном и гибридном формате, изучения современных проблем субъект-субъектных отношений в условиях цифровизации образования и поиска способов их решения, разработки методического обеспечения процесса обучения и воспитания.

Помимо освоения новых технологий, в частности технологий дополненной реальности, следует обратить внимание на то, какие необычные форматы социальной коммуникации эти технологии дают и как они соотносятся с форматами «традиционных» взаимодействий.

Заключение

Резюмируя обзор научных публикаций и сказанное нами ранее [24], приходим к выводу, что кризис, вызванный пандемией, сделал цифровизацию неизбежной. В соответствии с указом Президента Рос-

сийской Федерации от 21 июля 2020 г. №474, одним из целевых показателей, характеризующих достижение национальных целей к 2030 г. в рамках национальной цели «Цифровая трансформация», является достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе сферы образования. Барьером на пути к поставленной цели (по итогам обзора отечественных и зарубежных исследований) является существующее несоответствие между методологией образования на основе гуманистической парадигмы и технократическими методами оценивания результатов обучения и воспитания. Оно присуще как отечественной, так и европейской цифровизации образования. Преодоление данного противоречия требует решения актуальной фундаментальной задачи педагогики и психологии образования в свете реалий сегодняшнего дня — разработки новой методологии и методов образовательного процесса для обеспечения качества общего и профессионального образования, снижения рисков «технократизации» и формализации в русле гуманистической парадигмы образования в интересах социализации субъектов образования.

Список литературы

1. Авксентьев Н.А., Агранович М.Л., Акиндинова Н.В. и др. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. М., 2020.
2. Артамонова М.В. Подготовка кадров для цифровой экономики: проблемы и пути решения // Костинские чтения : сб. матер. первой междунар. науч.-практ. конф. М. ; Берлин, 2018. С. 67 – 71.
3. Бараиш Л. Цифровизация образования: прорыв в будущее или деградация? // Deutsche Internationale Zeitschrift für Zeitgenössische Wissenschaft. 2021. №12-1. С. 55 – 58. doi: 10.24412/2701-8369-2021-12-55-58.
4. Бешенков С.А., Ваграменко Я.А., Касторнова В.А. и др. Развитие информатизации образования в школе и педагогическом вузе в условиях обеспечения информационной безопасности личности. М., 2018.
5. Бешенков С.А., Никифорова Т.И., Шутикова М.И. Создание интегративной среды в образовательном учреждении среднего профессионального образования // Преподаватель XXI век. 2021. №3-1. С. 34 – 42. doi: 10.31862/2073-9613-2021-3-34-42.
6. Влацкая И.В., Влацкая Е.Ф., Патока С.К. Электронное портфолио обучающихся // Актуальные вопросы и достижения современной науки : матер. междунар. (заочной) науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.И.Вострцова. Нур-Султан, 2020. С. 118 – 121.
7. Грязнов С.А. Цифровизация как вектор реформирования образования // Основы экономики, управления и права. 2020. №3(22). С. 50 – 52. doi: 10.51608/23058641_2020_3_50.
8. Евсеева Л.И., Поздеева Е.Г., Шипунова О.Д., Евсеев В.В. Цифровой след в трансформации образовательного пространства // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2021. Т. 16, №3. С. 1023 – 1030.
9. Зенков А.Р. Образование в условиях пандемии: возможности и ограничения цифрового обучения // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. №3. С. 51 – 64. doi: 10.20542/afij-2020-3-51-64.

10. Калабухова Г. В. Цифровизация образования: опыт департамента образования и науки города Москвы // Россия в эпоху цифрового общества: границы, барьеры и солидарности : матер. XXIV Социологических чтений РГСУ. М., 2019. С. 247–252.

11. Козлов О. А. Организационно-методические аспекты совершенствования домашней учебной работы школьников в условиях цифровой трансформации образования // Инновации и инвестиции. 2020. №6. С. 119–123.

12. Коровникова Н. А. Образовательное пространство в условиях пандемии COVID-19 // Экономические и социальные проблемы России. 2021. №2 (46). С. 116–131. doi: 10.31249/espr/2021.02.07.

13. Корчак К. И., Красильников В. В., Тоискин В. С. Современные подходы к понятию цифровой трансформации образования // Проблемы современного образования. 2022. №1. С. 171–183. doi: 10.31862/2218-8711-2022-1-171-183.

14. Красильников В. В., Кузина Н. Н., Кулевская Е. С., Тоискин В. С. Дидактические аспекты подготовки и переподготовки педагогических кадров в условия цифровизации образования : учеб. пособие. Ставрополь, 2020.

15. Ксензова А. Н. Цифровизация образования: тенденции и перспективы // Цифровизация и формирование цифровой культуры: социальный и образовательный аспекты : междунар. электрон. науч.-практ. конф., Астрахань / ОАНО ВО «Институт мировой экономики и финансов». Астрахань, 2019. С. 30–34.

16. Куцева Н. Б., Терехова В. И. Антикризисная цифровизация высшего образования в условиях пандемии коронавирусной инфекции // Проблемы современной экономики. 2020. №2 (74). С. 255–258.

17. Левицкая А. А. Особенности современного образования: цифровизация и пандемия в контексте трансформации ценностей // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2021. №1 (55). С. 68–77. doi: 10.26456/vtphilos /2021.1.068.

18. Малацон С. Ф., Куценко С. М. Виртуальная модель обучающегося // Russian Journal of Education and Psychology. 2021. Т. 12, №4-2. С. 147–151.

19. Неборский Е. В., Богуславский М. В., Ладыжец Н. С., Наумова Т. А. Цифровизация: вызовы и проблемы высшего образования // Возможности и угрозы цифрового общества : матер. Всерос. науч.-практ. конф. Ярославль, 2020. С. 168–171.

20. Крушельницкая О. Б., Маринова Т. Ю., Погодина А. В. и др. Нормативное поведение в ситуации пандемии COVID-19: как добиться его соблюдения у студентов? // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12, №1. С. 198–221. doi: 10.17759/sps.2021120113. EDNYXWWOE.

21. Носкова А. В., Проскурина А. С. Цифровизация высшего образования: новые институциональные противоречия и способы воздействия на обучающихся // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке : сб. матер. XIV междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2020». М., 2020. С. 678–681.

22. Образование в эпоху COVID-19 и в последующий период: концептуальная записка // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. 2020. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy_brief_education_during_covid-19_and_beyond_russian.pdf (дата обращения: 12.09.2022).

23. Рубцов В. В., Романова Е. С. Психолого-педагогическая практика в системе образования (итоги Всероссийского конкурса лучших психолого-педагогических программ и технологий в образовательной среде – 2021) // Вестник практической психологии образования. 2022. Т. 19, №1. С. 8–17. EDNXXIJK.

24. Симеева И. Н., Бударина А. О. Актуальные задачи систем образования в период пандемии COVID-19 и перспективы развития // Балтийский регион – регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений : матер. IV междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 2020. С. 144–149.

25. Стариченко Б.Е. Цифровизация образования: иллюзии и ожидания // Педагогическое образование в России. 2020. №3. С. 49–58. doi: 10.26170/ro20-03-05.

26. Толстых Н.Н. Социальное представление студентов о пандемии Covid-19: штрихи к портрету поколения // Ананьевские чтения – 2021 : матер. междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 19–22 октября 2021 г. СПб., 2021. С. 855–856. EDNFRZFUO.

27. Уваров А.Ю., Гейбл Э., Дворецкая И.В. и др. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования. М., 2019. doi: 10.17323/978-5-7598-1990-5.

28. Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г. Цифровизация образовательной среды: возможности и угрозы // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2018. №1 (97). С. 3–12.

29. Храпцова Ф.И., Терехова А.И. Цифровизация высшего образования в Республике Беларусь: методологический аспект // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №3-2(42). С. 104–107. doi: 10.24411/2500-1000-2020-10270.

30. Шайденко Н.А., Подзолков В.Г. Процесс парадигмальной трансформации образования на современном этапе развития цивилизации // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. №4-2. С. 260–268.

31. Шторм первых недель: как высшее образование шагнуло в реальность пандемии. Монография / А.В. Клягин [и др.]. Сер.: Современная аналитика образования. №6 (36). М., 2020.

32. Яковлева Н.Г. Цифровизация образования: потенциал, пределы и социальные риски // Труд и социальные отношения. 2021. Т. 32, №1. С. 104–118. doi: 10.20410/2073-7815-2021-32-1-104-118.

33. Bozkurt A., Jung I., Xiao J. et al. A global outlook to the interruption of education due to COVID-19 pandemic: navigating in a time of uncertainty and crisis // Asian Journal of Distance Education. 2020. Vol. 15. P. 1–126. doi: 10.5281/zenodo.3878572.

34. European Commission. Digital Education Action Plan (2021–2027): Resetting Education and Training for the Digital Age. 2021. URL: https://ec.europa.eu/education/education-in-the-eu/digital-education-actionplan_en (дата обращения: 21.01.2023).

35. Garcia del Dujo A., Martin-Lucas J. Towards 'Onlife' Education. How Technology Is Forcing Us to Rethink Pedagogy // Blended Learning: Convergence between Technology and Pedagogy / ed. by A. V. Martin-Garcia. Springer International Publishing, 2020. P. 1–19.

36. Kopp M., Gröblinger O., Adams S. Five common assumptions that prevent digital transformation at higher education institutions // INTED 2019 Proceedings. 2019. №1. P. 1448–1457.

37. UNESCO and Sustainable Development Goals. 2017. URL: <https://en.unesco.org/sustainabledevelopmentgoals> (дата обращения: 20.01.2023).

38. UNESCO. COVID-19 Education Response. 2021. URL: <https://en.unesco.org/> (дата обращения: 21.01.2023).

Об авторах

Ирина Николаевна Симаева — д-р психол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ISimaeva@kantiana.ru

Анна Олеговна Бударина — д-р пед. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ABUDARINA@kantiana.ru

Алина Сергеевна Чуприс — канд. пед. наук, зам. начальника управления, Институт развития профессионального образования, Москва, Россия.

E-mail: a.chupris@ficto.ru

I. N. Simaeva¹, A. O. Budarina¹, A. S. Chupris²

**DIGITALIZATION OF HIGER EDUCATION IN THE CONTEXT
OF THE COVID-19 AND THE POST-PANDEMIC PERIOD:
METHODOLOGICAL ISSUES: METODOLOGICAL PROBLEMS**

¹ Immanuel Kant Federal Baltic University, Kaliningrad, Russia

² Institute for the Development of Professional Education, Moscow, Russia

Received 9 August 2023

Accepted 30 August 2023

doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-11

To cite this article: Simaeva I.N., Budarina A.O., Chupris A.S. 2023, Digitalization of higher education in the context of the Covid-19 and the post-pandemic period: methodological problems, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №3. P. 104–115. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-11.

The article discusses expanding the research base in the field of educational psychology through the analysis of methodological issues that arose during the process of systemic digitization of general and professional education in Russia during the COVID-19 pandemic and the post-pandemic period. Digitization during these periods accelerated the transformation of socialization through educational means in a virtual learning environment. The fundamental problem of digital transformation in education is that the digital format of education in its modern distance form contradicts the contemporary humanistic paradigm of education, characterized by the priority of subject-subject relationships, ideas of inclusion, and interests in socialization in the process of learning and upbringing. Prospects for further research lie in studying the transformation of modern educational methodology in the context of digitization, creating relevant psychological foundations for virtual pedagogical communication to develop social-emotional skills and emotional intelligence.

Keywords: digitalization of educational systems, socialization of students, pandemic, digital learning format

The authors

Prof. Irina N. Simaeva, Immanuel Kant Federal Baltic University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ISimaeva@kantiana.ru

Prof. Anna O. Budarina, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ABUDARINA@kantiana.ru

Dr. Alina S. Chupris, Institute for the Development of Professional Education, Moscow, Russia.

E-mail: a.chupris@ficto.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА

Серия: Филология, педагогика, психология

Правила публикации статей в журнале

116

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — не менее 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Рецензентами выступают как члены редакционной коллегии журнала, так и внешние эксперты.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта <https://journals.kantiana.ru/submit/> и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

7. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске журнала один раз; второй раз — в соавторстве (в исключительном случае и только по решению редакционной коллегии).

8. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

а) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

б) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (*до 12 слов*);

в) аннотацию на русском и английском языках (*150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков*). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

г) ключевые слова на русском и английском языках (*4 – 8 слов*). Располагаются перед текстом после аннотации;

д) список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Должен включать от 15 до 30 источников, не менее 50% которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК, и (или) в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10% от списка использованных источников;

е) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), e-mail, ORCID);

ж) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу даются в тексте статьи только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пунктах 1–2, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/psychology/rules/>

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика и психология» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике серии, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

2. Ответственный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- а) степень интереса тематики для читателей журнала;
- б) степень оригинальности статьи;
- в) точность и адекватность представленной информации;
- г) знание существующего состояния дел по данной проблематике;
- д) стиль и манера изложения;
- е) логичность построения статьи.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией журнала.

9. После принятия редколлегией журнала решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

11. Редакция журнала «Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика и психология» направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

2023

Серия

Филология, педагогика, психология

№3

Редактор *И. О. Дементьев*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 08.12.2023 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,3
Тираж 300 экз. (1-й завод 45 экз.). Цена свободная. Заказ 136
Подписной индекс 20098

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236001, г. Калининград, ул. Гайдара, 6